

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 16
Выпуск 3

2016
Сентябрь

ПСИХОЛОГИЯ
ПЕДАГОГИКА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С АВГУСТА 1946 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ	
<i>Коржова Е. Ю., Рудыхина О. В.</i> Возможности типологического подхода в исследовании эпистемологических стилей	7
<i>Скребцова Т. Г.</i> О лингвистических аспектах аутизма	18
<i>Краснов Е. В., Корнилова Т. В.</i> Эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности как предикторы результативности деятельности военных руководителей	28
<i>Наследов А. Д., Киселева Л. Б.</i> Адаптация «Опросника перфекционизма» для диагностики перфекционистских установок студентов первого курса технических вузов	44
<i>Кислица Г. К.</i> Исследование феноменологии переживания благодарности	65
<i>Ван С., Петанова Е. И.</i> Личностные адаптационные ресурсы китайских студентов-первокурсников	75
<i>Мамайчук И. И.</i> Вклад школы Б. Г. Ананьева в разработку методологических и методических проблем детской клинической психологии	86
ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ	
<i>Веракса А. Н., Якупова В. А., Алмазова О. В., Мартыненко М. Н.</i> Познавательное и социальное развитие дошкольников в контексте готовности к школе	97
<i>Галимзянова М. В., Касьяник П. М., Романова Е. В.</i> Выраженность ранних дезадаптивных схем и режимов функционирования схем у мужчин и женщин в период ранней, средней и поздней взрослости	109

© Санкт-Петербургский
государственный
университет, 2016

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Тромбчиньски П. К.</i> Взаимосвязь невротических черт личности и уровня социальной фрустрированности	126
<i>Вартанян Г. А.</i> Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности несовершеннолетних: судить или лечить?.....	140

XX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ XXI ВЕКА: РОССИЙСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ НАУКИ»

<i>Уланова А. Ю.</i> Модель психического и особенности конструирования речевых высказываний у детей 4–6 лет	151
<i>Знаменская И. И., Александров Ю. И.</i> Отношение к «чужим» при стрессе разного генеза.....	159
<i>Ковш Е. М., Ермаков П. Н., Воробьева Е. В.</i> Особенности вызванной активности мозга при оценке эмоционально окрашенных сцен у девушек с разными генотипами полиморфизма Val158Met (G472A) COMT	168
<i>Микеладзе Л. И.</i> Временная перспектива при нормальном и патологическом старении: теория витаукта	178

На наш журнал можно подписаться по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс 11279

Свидетельство о регистрации СМИ № ФС77-47399
от 23 ноября 2011 г. (Роскомнадзор)

Учредитель: Санкт-Петербургский государственный университет

Редактор *Н. Э. Карандашова*
Корректор *Т. В. Никифорова*
Компьютерная верстка *Е. М. Воронковой*

Подписано в печать ответственным редактором серии 07.11.2016.
Формат 70×100¹/₁₆. Усл. печ. л. 15,3. Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 110 экз. (1-й завод).
Заказ № 272. Цена свободная.

Адрес Издательства СПбГУ: 199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.
Тел./факс +7(812) 328-44-22

Типография Издательства СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5

CONTENTS

Preface.....	4
GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY	
<i>Korjova E. Yu., Rudykhina O. V.</i> The possibilities of typological approach in the study of epistemological styles	7
<i>Skrebtsova T. G.</i> On linguistic aspects of autism.....	18
<i>Krasnov E. V., Kornilova T. V.</i> Emotional intelligence and tolerance for uncertainty as result predictors of military leaders professional activity.....	28
<i>Nasledov A. D., Kiseleva L. B.</i> Adaptation of the “Perfectionism questionnaire” to diagnose perfectionist attitudes among first-year technical university students	44
<i>Kislitsa G. K.</i> Study on the phenomenon of gratitude.....	65
<i>Wang S., Petanova E. I.</i> Personal “barriers” of adaptation of the Chinese students to training in the Russian higher education institution.....	75
<i>Mamaychuk I. I.</i> The contribution of B. G. Ananyev’s school concept to development of methodological issues of childhood clinical psychology.....	86
DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY	
<i>Veraksa A. N., Yakupova V. A., Almazova O. V., Martynenko M. N.</i> Cognitive and social development of preschoolers in the context of school readiness.....	97
<i>Galimzyanova M. V., Kasyanik P. M., Romanova E. V.</i> Early maladaptive schemas and schema modes of men and women in different stages of adulthood	109
CLINICAL PSYCHOLOGY	
<i>Trabczynski P. K.</i> Interrelation of neurotic personality traits and the level of social frustration	126
<i>Vartanyan G. A.</i> Sexual crimes against children: to judge or to treat?	140
20 th INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “PSYCHOLOGY OF THE 21 st CENTURY: RUSSIAN PSYCHOLOGY IN THE CONTEXT OF THE INTERNATIONAL SCIENCE”	
<i>Ulanova A. Yu.</i> Theory of mind and features of creating discourse in children from 4 to 6 years	151
<i>Znamenskaya I. I., Alexandrov Yu. I.</i> Different types of stress alter moral attitude towards outgroup members.....	159
<i>Kovsh E. M., Ermakov P. N., Vorob’eva E. V.</i> Peculiarities of the evoked brain activity in ranking the emotionally charged scenes by women with different genotypes of Val158Met (G472A) COMT polymorphism.....	168
<i>Mikeladze L. I.</i> Time perspective in normal and pathological aging: the vitauct theory	178

ПРЕДИСЛОВИЕ

В третьем выпуске «Вестника СПбГУ» представлены статьи по разнообразной тематике психологии.

Раздел «Общая психология, психология личности, история психологии» открывается статьей Е. Ю. Коржовой и О. В. Рудыхиной «Возможности типологического подхода в исследовании эпистемологических стилей». Авторы обсуждают понятие познавательных стилей, соотнося особенности эпистемологического стиля с типологическими особенностями личности.

Несомненный интерес представляет статья Т. Г. Скребцовой «О лингвистических аспектах аутизма», посвященная обзору современных зарубежных и отечественных исследований языковых проявлений нарушений в области социализации, коммуникации и символизации, характерных для аутизма, — явления, привлекающего все большее внимание исследователей и практиков.

В центре внимания статьи Е. В. Краснова и Т. В. Корниловой «Эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности как предикторы результативности деятельности военных руководителей» — проблема прогнозирования эффективности деятельности руководителей. Проведенное авторами исследование показывает значимость такой характеристики, как толерантность к неопределенности, и ее взаимодействия с показателями эмоционального интеллекта.

Статья А. Д. Наследова и Л. Б. Киселевой посвящена адаптации «Опросника перфекционизма» к задачам изучения перфекционистских установок студентов технических вузов. Описана процедура и результаты адаптации опросника, обсуждаются возможности его применения.

Необычной теме посвящена статья Г. К. Кислицы «Исследование феноменологии переживания благодарности». На основе анализа жизненных ситуаций, которые инициируют переживание благодарности, описаны его характеристики.

В статье С. Ван и Е. И. Петановой «Личностные адаптационные ресурсы китайских студентов-первокурсников» приводятся данные сравнительной психодиагностики личностных особенностей китайских студентов, обучающихся на родине и в российских вузах. Полученные авторами результаты представляют практический интерес, учитывая возрастающую численность студентов из Китая в наших вузах.

Завершает раздел статья И. И. Мамайчук «Вклад школы Б. Г. Ананьева в разработку методологических и методических проблем детской клинической психологии», посвященная истории психологической школы Санкт-Петербургского университета. Фундаментальные принципы исследования, разработанные в школе Б. Г. Ананьева, обладают, по мнению автора, особой значимостью в психологии-

ческой диагностике и психологической коррекции детей с нарушениями в развитии.

Следующий раздел выпуска — «Психология развития» — представлен двумя коллективными статьями.

В статье А. Н. Вераксы и его коллег «Познавательное и социальное развитие дошкольников в контексте готовности к школе» обсуждаются предикторы успешной адаптации детей дошкольного возраста к первому классу. В результате проведенного исследования были выявлены четыре типа развития дошкольников, отличающихся разным уровнем развития социальных навыков, познавательных способностей и произвольной регуляции. В статье М. В. Галимзяновой с коллегами «Выраженность ранних дезадаптивных схем и режимов функционирования схем у мужчин и женщин в период ранней, средней и поздней зрелости» описываются результаты изучения ранних дезадаптивных схем по методике Дж. Янга на большой выборке взрослых в различных возрастных группах.

В разделе «Медицинская психология» публикуются две статьи.

Статья П. К. Тромбчиньски «Взаимосвязь невротических черт личности и уровня социальной фрустрированности» описывает исследование, в центре которого были социальные факторы и личностные характеристики невротического регистра и которое позволило выделить (на основе использованных методик) наиболее значимые признаки невротизации личности. В статье Г. А. Вартамян «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности несовершеннолетних: судить или лечить?» поднимается актуальная проблема выбора методов принудительного воздействия на лиц, совершивших преступление сексуального характера против несовершеннолетних.

В заключительном разделе публикуются статьи наших коллег из других исследовательских центров и университетов России, подготовленные на основе докладов, прочитанных на молодежной конференции «Психология XXI века» (СПбГУ, апрель 2016 г.).

В статье А. Ю. Улановой «Модель психического и особенности конструирования речевых высказываний у детей 4–6 лет» анализируются суждения детей дошкольного возраста, которым предлагались задания на распознавание эмоций, выявление причинно-следственных связей между разными событиями, интерпретацию мотивов поведения человека и т. д. Сравнение двух групп дошкольников разного возраста позволило увидеть, какие изменения в этой сфере происходят в возрасте от 4 до 6 лет.

Несомненный интерес вызывает статья московских ученых И. И. Знаменской и Ю. И. Александрова «Отношение к “чужим” при стрессе разного генеза». Участники проведенного исследования решали моральные дилеммы, основанные на конфликте «своего» и «чужого», при этом состояние стресса оказывало влияние на выбираемые ими стратегии поведения.

Статья Е. М. Ковш, П. Н. Ермакова и Е. В. Воробьевой «Особенности вызванной активности мозга при оценке эмоционально окрашенных сцен у девушек с разными генотипами полиморфизма VaI158Met(G472A) COMT» посвящена изучению амплитудно-временных и пространственных характеристик вызванной активности мозга. Показано, что ген COMT может косвенно влиять на деятельность мозга, направленную на оценку эмоционально окрашенных стимулов.

В работе Л. И. Микеладзе анализируются особенности временной перспективы при нормальном старении и поздних депрессиях. При так называемом нормальном старении, наряду с негативными тенденциями, возникают и противоположные им процессы «антистарения», которые способствуют увеличению продолжительности жизни, активизируя поддержание адаптивных возможностей организма.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.923

Е. Ю. Коржова, О. В. Рудыхина

ВОЗМОЖНОСТИ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ СТИЛЕЙ

В статье раскрываются возможности типологического подхода в определении психологического содержания понятия «эпистемологический стиль». Приведено обоснование ценности субъектного подхода в изучении проблемы познавательных стилей и, в частности, в использовании типологии субъект-объектных ориентаций в исследовании содержательных компонентов эпистемологических стилей. В результате теоретического анализа выявлены сходные типологии личности, отражающие психологическую реальность, которую можно описать через понятие «эпистемологический стиль». Библиогр. 34 назв.

Ключевые слова: типологии личности, когнитивно-стилевой подход, эпистемологические стили, субъектный подход, типология субъект-объектных ориентаций.

E. Yu. Korjova, O. V. Rudykhina

THE POSSIBILITIES OF TYPOLOGICAL APPROACH IN THE STUDY OF EPISTEMOLOGICAL STYLES

In the article possibilities of typological approach in definition of the psychological content of the concept "epistemological style" are discussed. Justification of value of subject approach is given in studying of a problem of informative styles and, in particular, in use of the subject — object orientations typology in research of substantial components of epistemological styles. As a result of the theoretical analysis the similar typologies of the personality reflecting psychological reality which can be described through the concept "epistemological style" are revealed. Refs 34.

Keywords: typologies of the personality, cognitive style approach, epistemological styles, subject approach, a typology the subject — object orientations.

Коржова Елена Юрьевна — доктор психологических наук, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48; elenakorjova@gmail.com

Рудыхина Ольга Валерьевна — кандидат психологических наук, старший преподаватель, Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48; olga.rudykhina@yandex.ru

Korjova Elena Yu. — Doctor of Psychological Sciences, The State Russian Herzen Pedagogical University, 48, nab. Moyki, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; elenakorjova@gmail.com

Rudykhina Olga V., PhD, Senior Lecturer, The State Russian Herzen Pedagogical University, 48, nab. Moyki, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; olga.rudykhina@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

Современные исследования в области психологии характеризуются ярко выраженной направленностью к интегративному подходу в изучении индивидуально-психологических особенностей. Данная тенденция проявляется в том числе в исследовании когнитивно-стилевой организации психологии человека. По сравнению с работами когнитивных психологов 50–70-х гг. XX в., сконцентрированными на изучении когнитивных стилей в качестве индивидуальных различий в способах познания окружающей действительности, произошел переход к исследованиям взаимосвязи видов когнитивных стилей и определению места когнитивных стилей в структуре личности и индивидуальности.

Несмотря на то что в психологии на протяжении длительного времени обсуждается вопрос о соотношении когнитивно-стилевых и личностных характеристик, до сих пор соотношение когнитивных стилей между собой и с личностными особенностями вызывает многочисленные дискуссии. В связи с этим существует необходимость интегративного подхода в исследовании когнитивно-стилевых особенностей. Этому могут способствовать обращение к классификации познавательных стилей (стили кодирования информации, когнитивные, интеллектуальные, эпистемологические) [1] и изучение структуры эпистемологических стилей [2], являющихся «...стилями высокого порядка в иерархии познавательных стилей и обозначающими индивидуально-своеобразные формы познавательного отношения к окружающему миру и к себе как субъекту познавательной деятельности» [1, с. 241]. Согласно мнению Ж. Пиаже, интерес к проблемам эпистемологии в познавательной сфере позволит определить источники разновидностей познания, начиная с элементарных форм, и выявить их развитие на более высоких уровнях, вплоть до научного мышления [3].

Понятие «эпистемологический стиль» является малоразработанным в области когнитивно-стилевых исследований. В настоящее время не существует общепринятой классификации эпистемологических стилей. Среди концепций, предложенных в научной литературе (Дж. Ройс, Д. Уордел; Ч. Носал), на данный момент не существует общепринятой классификации эпистемологических стилей. Тем не менее М. А. Холодная [1] выделяет в контексте данной проблемы типологию личности К. Г. Юнга [4] и рассматривает ее в качестве классификации познавательных личностных типов, поскольку в основе данной типологии наряду с личностными качествами лежат определенные познавательные функции.

С учетом вышесказанного, **целью** данного исследования стал анализ возможностей использования типологического подхода к определению структурных и содержательных характеристик эпистемологических стилей.

Обращение к типологическому подходу в контексте изучения эпистемологических стилей обусловлено сходством типологического и когнитивно-стилевого подходов, представители которых ориентированы не только на выделение, но и на классификацию индивидуально-психологических различий.

Проблема типологии имеет давнюю историю, что нашло отражение в развитии многообразных подходов к делению людей на типы, характеризующиеся устойчивым комплексом сходных свойств [5]. Эти подходы показали большое значение нейрофизиологических особенностей человека в определении структуры личности и способствовали развитию представлений о единстве биологических и социально-психологических факторов в становлении психологического типа [5]. Наряду

с указанной тенденцией в настоящее время в отечественной психологии активно разрабатывается субъектный подход к изучению человека. В рамках данного подхода человек рассматривается в качестве субъекта своего жизненного пути, способного благодаря активному отношению к самому себе и к окружающему миру оказать влияние на вариации своего жизненного пути [6–9].

Типологические концепции зарубежных исследователей отличают видимый интерес к изучению стиля жизни, типологических психологических характеристик и способа ориентации в мире, черт как устойчивых внутренних качеств; выявление факторов как исходных черт личности; составление иерархической модели личности на основе ее интегральных черт [10].

Из вышесказанного следует, что отечественные и зарубежные исследования в области типологического подхода способствовали развитию представлений об иерархичности структур личности, испытывающих разную степень влияния нейрофизиологических особенностей и социально-психологических условий жизни.

В современных исследованиях в области когнитивно-стилевого подхода проявляются две тенденции — стремление к систематизации данных, накопленных в области изучения когнитивных стилей, и выделение стилевых типологий.

В рамках первой тенденции получила большую известность *модель интегрированной индивидуальности*, разработанная Д. Уорделлом и Дж. Ройсом, в которой стилевая система выступила в качестве интегратора когнитивной и аффективной сфер, оказывая влияние на такие свойства индивидуальности, как «образ мира», «образ Я» и «стиль жизни». Высший уровень интегральной индивидуальности, по мнению исследователей, образует система ценностей и смыслов, низшие уровни — системы стилей [11]. В дальнейшем Ч. Носал предпринял попытку соотнести когнитивные стили и с теориями переработки информации, и с теориями способностей и для этого предложил классификацию когнитивных стилей, в которой выделил уровень переработки и способы организации информации [12]. Представленные многомерные классификации когнитивных стилей показывают нелинейный, иерархический характер связи между стилевыми параметрами.

Отечественные исследователи также предприняли попытки систематизировать накопленные данные о когнитивно-стилевых особенностях.

В. С. Мерлин на основании системного подхода к изучению индивидуальности разработал идею о *системной организации стиля*: его низшие уровни он связал с формально-динамическими свойствами индивидуальности (соматические свойства, свойства нервной системы, темперамента), а высшие — с личностными (мотивы, отношения личности, личностный статус) [13]. А. В. Либин обосновал понимание стилевой сферы как *сложной иерархической структуры* с нелинейными связями между ее составляющими и выделил восемь *основных векторов (типов) поведения* [14]. Л. Н. Собчик проанализировала индивидуальные стили с *позиции ведущих тенденций*, которые пронизывают все уровни личности — от биологически детерминированных до самых высших (направленности и иерархии ценностных ориентаций) [15].

В свою очередь, в зарубежных когнитивно-стилевых исследованиях представлены работы, авторы которых предлагают типологии, связанные с психофизиологическими особенностями [16, 17]. Также проявляется интерес к типологии К. Г. Юнга, ее развитию в подходах И. Майерс-Бриггс и Д. Кейрси [18] и исполь-

зованию в когнитивно-стилевых исследованиях, в частности в области изучения стилей учения [19–21]. Это свидетельствует о том, что типологические характеристики, выделенные К. Г. Юнгом, имеют отношение к индивидуально-своеобразной познавательной позиции личности, характеризующей ее эпистемологический статус.

Однако для определения структуры эпистемологических стилей недостаточно исследования характеристик, обеспечивающих познавательную направленность (доминирующие способы получения информации и способы принятия решений, предпочтительные установки по отношению к окружающему миру): важно понимать психологические основания проявления у человека определенной познавательной позиции по отношению к окружающему миру. К этим особенностям относятся прежде всего ценностно-мотивационные характеристики, и в частности ценности. Неслучайно еще В. Н. Мясищев отмечал, что ценности выражают отношение человека к объектам окружающего мира [22]. Ценности позволяют осуществлять выбор отношений к миру и к людям, и их можно рассматривать как критерии для оценки взаимодействия человека с природой и людьми [23].

В то же время человек не только обладает индивидуально-психологическим своеобразием, но и является субъектом своего жизненного пути, ему свойственно активное отношение к окружающему миру и к самому себе [6, 24]. Субъектность как неотъемлемая характеристика человека открывает возможности направлять свою активность на сферы жизнедеятельности, которые являются лично значимыми. Следовательно, направление реализации субъектного потенциала взаимосвязано с ценностно-мотивационной направленностью и имеет непосредственное отношение к характеристикам познавательной направленности.

В современных исследованиях в области когнитивной психологии появляются работы, в которых признается ценность положений субъектного подхода для продуктивного развития когнитивно-стилевой проблематики. Например, В. В. Селиванов обосновал необходимость рассматривать человека как субъекта, способного благодаря своей активности развить личностные черты, в том числе посредством мыслительной деятельности по решению внешних и внутренних проблем, и установил, что когнитивный стиль «полезависимость / полenezависимость» тесно связан с общей субъектностью [25]. И. Г. Скотникова доказала востребованность применения субъектного подхода на примере изучения когнитивного стиля «импульсивность / рефлексивность» [26].

Учитывая сказанное, следует отметить, что в психологических исследованиях проявляется тенденция выделения типологий, в частности, в *контексте исследований ценностно-мотивационной сферы* (типы личности на основе структуры ценностей-идеалов (С. С. Бубнова); аксиологическая типология (Л. В. Карпушина, А. В. Капцов); типология нравственного развития личности (В. А. Токарева); типы этики в виде базовой схемы ценностного сознания (Р. Г. Апресян); мотивационные типы, влияющие на особенности принятия решения в ситуации прогнозирования (Т. В. Корнилова, О. В. Степаносова); типы структур ценностно-смысловой сферы (В. Ф. Сафин, И. Н. Нурлыгаянов)) и *субъектности человека* (типология личности на основании совокупности мотивов, черт и в зависимости от привычного уровня активации (Д. Фиске, С. Мадди); типология субъект-объектных ориентаций (Е. Ю. Коржова); типы образа мира личности в зависимости от ценностно-смысло-

вой позиции в отношении мира и себя в мире, социальной направленности и представлений о значимых жизненных событиях (Л. В. Кравченко); типы выбора жизненного пути (А. С. Мальцева)).

Среди современных типологий личности типология субъект-объектных ориентаций разработана Е. Ю. Коржовой в русле интегративного подхода и отражает стремление преодолеть фрагментарные представления о человеке как о субъекте и познать его в целостности [7, 27, 28]. Процесс жизнедеятельности при этом рассматривается в виде цепочки взаимодействий человека с жизненными ситуациями, в которых изменяется как человек, так и жизненная ситуация, взаимно влияя друг на друга. Осуществлена теоретическая и эмпирическая проверка предложенных одномерной и двухмерной типологий субъект-объектных ориентаций в жизненных ситуациях [7].

В результате сопоставления различных типологий обнаружено сходство типов субъект-объектных ориентаций в жизненных ситуациях с типами личности, характеризующими обобщенные способы человеческого бытия [7]. Сравнительный анализ показал, что отмеченные типологии характеризуются единством общей направленности, несмотря на различия в теоретических подходах, понятийном аппарате и измерительных процедурах. Это свидетельствует о существовании единого по своей сути процесса жизнедеятельности, а в каждой типологии представлены определенные его аспекты.

Выявлено сходство субъект-объектных ориентаций с теоретическими моделями личности, представленными в научной литературе. При сопоставлении одномерной типологии жизненных ориентаций автором выделены «объектная» и «субъектная» модели личности, обозначающие крайние позиции исследователей в понимании направленности личности, а также проведено сопоставление двухмерной типологии жизненных ориентаций с представлениями о личности в разных психологических направлениях [27, 28]. Данная типология личности была сопоставлена по критерию жизненных ориентаций с типами личности, описанными в произведениях А. П. Чехова и Н. В. Гоголя. Был сделан вывод, что в творчестве русских писателей можно встретить представителей всех четырех типов субъект-объектных ориентаций, а также персонажей, в описании которых ярко проявляется тот или иной компонент субъект-объектных ориентаций [28, 29].

Кроме того, имеются данные, отражающие взаимосвязи субъект-объектных ориентаций с разными психологическими особенностями, а именно: со смысложизненными ориентациями, самоактуализацией личности и терминальными ценностями [30]; с жизнестойкостью и спецификой ценностной структуры у наркозависимых [31], с типологическими характеристиками К. Г. Юнга [32], особенностями социальной картины мира [33] и спецификой экономического сознания [30]. Это означает, что субъект-объектные ориентации имеют определенное, но неполное сходство с типологическими характеристиками, выделенными К. Г. Юнгом, тесно связаны со спецификой ценностно-мотивационной сферы, находят свое отражение в особенностях картины мира. Следовательно, типология субъект-объектных ориентаций обладает большим научно-исследовательским потенциалом и ценностью в контексте определения структуры и типологии эпистемологических стилей.

Нами был проведен сравнительный анализ различных типологий личности и типологии субъект-объектных ориентаций. Было установлено, что типология

Е. Ю. Коржовой соотносится с типологиями, имеющими различные основания: особенности ценностно-мотивационной сферы (Ф. Е. Василюк; А. С. Мальцева; В. Ф. Сафин, И. Н. Нурлыгаянов; Ш. Шварц, У. Билски; Т. В. Корнилова, О. В. Степанова; Д. Кейрси; Р. Г. Апресян), когнитивно-стилевые особенности (К. Коростелина; А. Г. Исмаилова; В. А. Якунин; А. К. Маркова, А. Я. Никонова; N. Herrmann; Ч. Носал; Д. Колб; А. Грегорк; П. Хани, А. Мамфорд), разные уровни личностной организации (Д. Фиске, С. Мадди; Л. Н. Собчик; А. А. Лузаков; Н. А. Маркина; Н. А. Победа; А. Миллер; Д. Вагнер, А. Сейсрейнер, Н. Сарри; Х. Фишер). Это сходство проявляется не только в количестве выделяемых типов (4), но в характеристиках этих типов.

Сравнительный анализ представленных типологий показал как количественное, так и содержательное сходство выделяемых типов. Кроме того, 13 из 25 представленных типологий получили подтверждение в результате эмпирических исследований.

В описании типов обнаруживаются сходные качества, свидетельствующие в пользу существования четырех различных типов личности. В результате проведенного сравнительного анализа можно условно выделить четыре типа, различающиеся комплексом психологических характеристик. Особенности каждого из указанных типов отражают определенную психологическую реальность, которая, на наш взгляд, в целостной форме представлена в описании типов субъект-объектных ориентаций.

I. Тип личности с выраженностью таких особенностей, как: стремление к творчеству, к новому и экспериментированию, к совершенству, опора на интуицию, креативность; аналитический склад ума, ориентация на анализ и обобщение информации, интерес к моделям и теориям; ценность познания, универсализма; развитая волевая сфера, самоконтроль, рационализм; независимость, самостоятельность; личностная отстраненность. Эти характеристики отражают творческую направленность, осознанное понимание ценности развития, стремление быть активным участником собственной жизни, ориентацию на познание, самоконтроль, самоорганизацию, что в полной мере представлено в описании типа «Преобразователь» в типологии Е. Ю. Коржовой [28], который отличается разнообразием жизненных целей и выраженным стремлением к самосовершенствованию в различных жизненных сферах.

II. Тип личности с выраженностью таких особенностей, как: интуитивность, склонность к инновациям; эмоциональность, чуткость, эмоциональная лабильность; рефлексивность, флексибельность, гибкий самоконтроль, высокий уровень субъективного контроля в области межличностных отношений; личностная вовлеченность, социальная ориентация, направленность на установление и поддержание гармоничных взаимоотношений с другими людьми, идеалистичность; ценность универсализма, стремление к саморазвитию; высокая социально-перцептивная компетентность, толерантность к мнению других людей, коллективизм. Эти качества отражают ценность интуитивного способа познания, стремление к благополучным межличностным отношениям, ориентацию на самопознание и самосовершенствование, что в полной мере представлено в описании типа «Гармонизатор» в типологии Е. Ю. Коржовой [28], который характеризуется разнообразием жизненных целей (семья, работа, воспитание будущего поколения, достижение профессионализма, принесение пользы людям, поиски гармонии, совершенства).

III. Тип личности с выраженностью таких особенностей, как: практический склад ума; стремление к планированию деятельности, организованность, надежность; ценность порядка, традиций и безопасности; консервативность, предпочтение репродуктивной деятельности, конформизм; развитый субъективный контроль, аккуратность, осторожность, терпеливость; опора на практический опыт, ориентация на получение личной выгоды и достижение практических целей; личностная отстраненность, эффективность больше в ролевом, чем в межличностном общении. Эти качества отражают стремление к планированию собственной жизнедеятельности, организованности, ориентацию на консервативные способы поведения и деятельности, что в полной мере представлено в описании типа «*Пользователь*» в типологии Е. Ю. Коржовой [28], который характеризуется приспособительной позицией в жизненных ситуациях, ориентацией на достижение жизненного успеха и конкретных жизненных целей.

IV. Тип личности с выраженностью таких особенностей, как: спонтанность реакций, импульсивность, стремление к разнообразным впечатлениям и риску; реалистичность; непостоянство привычек и интересов; стремление к положительным эмоциональным переживаниям, к собственному благополучию, гедонизму; направленность на доминирование, получение личной выгоды; низкий уровень субъективного контроля, внешний локус контроля; выраженность психологических защит, интолерантность коммуникативных установок. Эти качества отражают реалистичное отношение к жизни, низкий уровень самоконтроля, ориентацию на приспособление к условиям существования, что в полной мере, на наш взгляд, представлено в описании типа «*Потребитель*» в типологии Е. Ю. Коржовой [28], который характеризуется максимально пассивной жизненной позицией и низким уровнем субъективного контроля над жизненными ситуациями.

Данные результаты теоретического сопоставления типологий получили конкретизацию в проведенном нами эмпирическом исследовании [34]. С помощью факторного анализа были установлены структурные соотношения показателей субъект-объектных ориентаций, типологических характеристик и особенностей иерархии ценностных ориентаций. Сравнительный анализ позволил установить статистически значимые соотношения типологии субъект-объектных ориентаций Е. Ю. Коржовой и типологии К. Г. Юнга, свидетельствующие об их определенной соотношенности [34].

С помощью сравнительного анализа были установлены статистически достоверные различия в распределении когнитивно-стилевых, индивидуально-типологических, ценностно-мотивационных характеристик у представителей разных типов субъект-объектных ориентаций [34]. Это свидетельствует о том, что содержательное поле каждого из четырех типов субъект-объектных ориентаций отображает особенности типологического профиля, когнитивно-стилевой и ценностно-мотивационной сфер личности. Выявленные результаты теоретического анализа и эмпирического исследования позволяют предположить, что типология субъект-объектных ориентаций объединяет в себе психологические особенности широкого спектра (когнитивно-стилевые, ценностные, мотивационные характеристики) и вследствие этого может быть исследована в контексте проблемы эпистемологических стилей.

Итак, на основании проведенного нами исследования мы можем заключить, что типология субъект-объектных ориентаций имеет содержательную близость

с рядом типологий, в том числе с выделенными в контексте когнитивно-стилевого подхода. На основании их содержательного анализа психологическую реальность, которую они отражают, можно описать через понятие «эпистемологический стиль». Перспективным является исследование показателей и типов субъект-объектных ориентаций в качестве базовых компонентов структуры эпистемологических стилей, а также изучение ценностно-мотивационных особенностей и индивидуально-типологических характеристик в качестве содержательных компонентов эпистемологических стилей.

Проблематика эпистемологических стилей является малоразработанной областью когнитивной психологии, что отчасти связано с концентрацией внимания исследователей на изучении когнитивных стилей. Однако, на наш взгляд, в настоящее время востребовано исследование более высоких уровней в иерархии познавательных стилей. Исследование эпистемологических стилей с опорой на типологические (особенности типа личности), личностные (ценностно-мотивационная направленность), субъектные (субъект-объектные ориентации) характеристики позволит не только разрешить многочисленные научные дискуссии относительно соотношения разных видов познавательных стилей с личностными особенностями, но и в перспективе интегрировать результаты типологического, когнитивно-стилевого, субъектного подходов к изучению индивидуального своеобразия человека.

Литература

1. Холодная М. А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума: учеб. пособие. М.: ПЕР СЭ, 2002. 304 с.
2. *Royce J. R.* Cognition and knowledge: Psychological epistemology // Handbook of perception / ed. by E. C. Carterette, M. P. Friedman. N. Y., London: Acad. Press, 1974. Vol. I. P. 149–176.
3. Пиаже Ж. Генетическая эпистемология / науч. ред., пер. на рус. яз. Е. Б. Одерышева. СПб.: Питер, 2004. 160 с.
4. Юнг К. Г. Психологические типы / пер. с нем. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. 761 с.
5. Ильин Е. П. Психология индивидуальных различий. СПб.: Питер, 2011. 701 с.
6. Брушлинский А. В. Психология субъекта / отв. ред. В. В. Знаков. М.: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.
7. Коржова Е. Ю. Психологическое познание человека как субъекта жизнедеятельности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2001. 43 с.
8. Гришина Н. В. Ситуационный подход и его эмпирические приложения // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 24. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.01.2016).
9. Гришина Н. В. Вариации жизни: готовность к изменениям // Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований: Мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения В. Н. Дружинина, ИП РАН, 25–26 сентября 2015 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 72–74.
10. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. 3-е изд. СПб.: Питер, 2005. 607 с.
11. *Wardell D. M., Royce J. R.* Toward a multi-factor theory of styles and their relationship to cognition and affect // Journ. of Personality. 1978. Vol. 46 (3). P. 474–505.
12. *Nosal Cz.S.* Psychologiczne modele umyslu. Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990. 111 s.
13. Мерлин В. С. Психология индивидуальности: Избранные психологические труды. 2-е изд., стер. / под ред. Е. А. Климова. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2009. 544 с.
14. Либин А. В. Единая концепция стиля человека: метафора или реальность? // Стиль человека: психологический анализ / под ред. А. В. Либина. М.: Смысл, 1998. С. 109–124.
15. Собчик Л. Н. Стили мышления и поведения через призму теории ведущих тенденций // Стиль человека: психологический анализ / под ред. А. В. Либина. М.: Смысл, 1998. С. 204–217.
16. *Miller A.* Cognitive styles: An integrated model // *Educational Psychology*. 1987. Vol. 7. P. 251–268.

17. Herrmann N. *The Whole Brain Business Book: Harnessing the Power of the Whole Brain Organization and the Whole Brain Individual*. New York: McGraw-Hill Professional, 1996. 334 p.
18. Keirse D., Bates M. *Please Understand Me. Character, Temperament Types*. Del Mar, CA: Prometheus Nemesius Book Company, 1984. 210 p.
19. Kolb D. A. Learning styles and disciplinary differences // *The modern American college* / ed. by A. W. Chickering & associates. San Francisco: Jossey-Bass, 1981. P. 232–255.
20. Gregorc A. R. *Style delineator*. Maynard, MA: Gabriel Systems, 1982. 42 p.
21. Ливер Б. Л. Методика индивидуализированного обучения иностранному языку с учетом влияния когнитивных стилей на процесс его усвоения: дис. ... канд. пед. наук. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2000. 191 с.
22. Мясищев В. Н. Психология отношений / под ред. А. А. Бодалева; вступ. ст. А. А. Бодалева. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2003. 400 с.
23. Карпушина Л. В., Капцов А. В. Психология ценностей российской молодежи. Самара: Изд-во СНИЦ РАН, 2009. 252 с.
24. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / сост. А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова-Славская. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
25. Селиванов В. В. Мышление в личностном развитии субъекта. 2-е изд., перераб. и доп. Смоленск: Универсум, 2003. 312 с.
26. Скотникова И. Г. Проблемы субъектной психофизики. М.: Институт психологии РАН, 2008. 384 с.
27. Коржова Е. Ю. Психология личности. Типология теоретических моделей. СПб.: Институт практической психологии, 2004. 542 с.
28. Коржова Е. Ю. Психология жизненных ориентаций человека. СПб.: Изд-во РХГА, 2006. 384 с.
29. Коржова Е. Ю. Духовная лестница Н. В. Гоголя: Личность и творчество. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2009. 615 с.
30. Корокошко И. О. Особенности экономического сознания у лиц с разными жизненными ориентациями: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 2011. 25 с.
31. Красильщикова Е. А. Особенности жизненных ориентаций наркозависимых с различными сроками трезвости // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2010. № 136. С. 65–73.
32. Коржова Е. Ю. Жизненные (субъект-объектные) ориентации у студентов — будущих психологов // *Смысловые пространства современного человека: сб. науч. статей / под ред. В. Х. Манерова*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 66–84.
33. Гербачевская Н. В. Представленность проблемы «человек и общество» в социальной картине мира современной молодежи: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. 20 с.
34. Рудыхина О. В. Структура и индивидуально-психологические характеристики эпистемологических стилей: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2013. 212 с.

Для цитирования: Коржова Е. Ю., Рудыхина О. В. Возможности типологического подхода в исследовании эпистемологических стилей // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика*. 2016. Вып. 3. С. 7–17. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.302

References

1. Kholodnaia M. A. *Kognitivnye stili: O prirode individual'nogo uma: ucheb. posobie* [Cognitive styles: About the nature of individual mind: manual]. Moscow, PER SE Publ., 2002. 304 p. (In Russian)
2. Royce J. R. Cognition and knowledge: Psychological epistemology. *Handbook of perception*. Eds E. S. Carterette, M. P. Friedman. New York, London, Acad. Press, 1974, vol. I, pp. 149–176.
3. Piazhe Zh. *Geneticheskaiia epistemologiia* [Genetic epistemologiia]. Ed. of transl. from Russian E. B. Odeyryshev. St. Petersburg, Piter Publ., 2004. 160 p. (In Russian)
4. Jung K. G. *Psikhologicheskie tipy* [Psychological types]. Transl. from German K. G. Yung. Moscow, AST MOSKVA: HRANITEL Publ., 2008. 761 p. (In Russian)
5. Il'in E. P. *Psikhologiia individual'nykh razlichii* [Psychology of individual differences]. St. Petersburg, Piter Publ., 2011. 701 p. (In Russian)
6. Brushlinskii A. V. *Psikhologiia sub'ekta* [Psychology of subject]. Ed. by V. V. Znakov. Moscow, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Press; St. Petersburg, Aletejya Publ., 2003. 272 p. (In Russian)
7. Korzhova E. Iu. *Psikhologicheskoe poznanie cheloveka kak sub'ekta zhiznedeiatel'nosti*. Authoref. diss. dokt. psikhol. nauk [Psychological cognition of a person as subject of activity. Thesis of Dr. psychol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2001. 43 p. (In Russian)

8. Grishina N. V. Situatsionnyi podkhod i ego empiricheskie prilozheniia [Situational approach and its empirical applications]. *Psikhologicheskie issledovaniia* [Psychological researches], 2012, vol. 5, no. 24, p. 2. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed: 15.01.2016). 0421200116/0038.
9. Grishina N. V. Variatsii zhizni: gotovnost' k izmeneniiam [Life variations: readiness to changes]. *Psikhologiya sposobnosti: sovremennoe sostoianie i perspektivy issledovaniia: Mat-ly Vseros. nauch. konf., posviashchennoi 60-letiiu so dnia rozhdeniia V. N. Druzhinina, IP RAN, 25–26 sentiabria 2015 g.* [Psychology of abilities: current state and prospects of researches: Materials of the All-Russian scientific conference devoted to the 60 anniversary of V. N. Druzhinin, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, on September 25–26, 2015]. Moscow, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Press, 2015, pp. 72–74. (In Russian)
10. Khëll L., Zigler D. *Teorii lichnosti. 3-e izd.* [Personality theories (3rd prod.)]. St. Petersburg, Piter Publ., 2005. 607 p. (In Russian)
11. Wardell D. M., Royce J. R. Toward a multi-factor theory of styles and their relationship to cognition and affect. *Journ. of Personality*, 1978, vol. 46 (3), pp. 474–505.
12. Nosal Cz. S. *Psychologiczne modele umyslu* [Psychological models of consciousness]. Warszawa, Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990. 111 p.
13. Merlin V. S. *Psikhologiya individual'nosti: Izbrannyye psikhologicheskie trudy. 2-e izd., ster.* [Identity psychology: Select psychological works (2nd prod., stereotypic)]. Ed. by E. A. Klimov. Moscow, Moscow psychological and social institute; Voronezh, MODEK, Publ., 2009. 544 p. (In Russian)
14. Libin A. V. Edinaia kontseptsia stilia cheloveka: metafora ili real'nost'? [Single concept of person style: metaphor or reality?]. *Stil' cheloveka: psikhologicheskii analiz* [Person style: psychological analysis]. Ed. by A. V. Libin. Moscow, Smysl Publ., 1998, pp. 109–124. (In Russian)
15. Sobchik L. N. Stili myshleniia i povedeniia cherez prizmu teorii vedushchikh tendentsii [Styles of thinking and behavior through a prism of the theory of the leading tendencies]. *Stil' cheloveka: psikhologicheskii analiz* [Style of a person: the psychological analysis]. Ed. by A. V. Libin. Moscow, Smysl Publ., 1998, pp. 204–217. (In Russian)
16. Miller A. Cognitive styles: An integrated model. *Educational Psychology*, 1987, vol. 7, pp. 251–268.
17. Herrmann N. *The Whole Brain Business Book: Harnessing the Power of the Whole Brain Organization and the Whole Brain Individual*. New York, McGraw-Hill Professional Publ., 1996. 334 p.
18. Keirse D., Bates M. *Please Understand Me. Character, Temperament Types*. Del Mar, CA, Prometheus Nemesis Book Company Publ., 1984. 210 p.
19. Kolb D. A. Learning styles and disciplinary differences. *The modern American college*. Ed. by A. W. Chickering & associates. San Francisco, Jossey-Bass Publ., 1981, pp. 232–255.
20. Gregorc A. R. *Style delineator*. Maynard, MA, Gabriel Systems Publ., 1982. 42 p.
21. Liver B. L. *Metodika individualizirovannogo obucheniia inostrannomu iazyku s uchetom vliianiia kognitivnykh stilei na protsess ego usvoeniia*. Authoref diss. ... kand. ped. nauk [Manual for the individualized training in a foreign language taking into account influence of cognitive styles on process of its assimilation. Thesis of PhD]. Moscow, A. S. Pushkin state institute of Russian Publ., 2013. 191 p. (In Russian)
22. Miasishchev V. N. *Psikhologiya otnoshenii* [Psychology of relations]. Ed. by A. A. Bodalev; foreword by A. A. Bodalev. Moscow, Moscow psychological and social institute; Voronezh, MODEK, 2003. 400 p. (In Russian)
23. Karpushina L. V., Kaptsov A. V. *Psikhologiya tsennostei rossiiskoi molodezhi* [Psychology of the Russian youth values: monograph]. Samara: Samara scientific center, Russian Academy of Sciences Press, 2009. 252 p. (In Russian)
24. Rubinshtein S. L. *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of the general psychology]. Comp. A. V. Brushlinskij, K. A. Abul'hanova-Slavskaya. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 720 p. (In Russian)
25. Selivanov V. V. *Myshlenie v lichnostnom razvitiu sub'ekta. 2-e izd. pererab. i dop.* [Thinking in personal development of subject: monograph (2nd prod. processed and added)]. Smolensk, Universum Publ., 2003. 312 p.
26. Skotnikova I. G. *Problemy sub'ektnoi psikhofiziki* [Problems of subject psychophysiology]. Moscow, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ., 2008. 384 p. (In Russian)
27. Korzhova E. Iu. *Psikhologiya lichnosti. Tipologiya teoreticheskikh modelei* [Personality psychology. Typology of theoretical models]. St. Petersburg Institute of practical psychology Publ., 2004. 542 p. (In Russian)
28. Korzhova E. Iu. *Psikhologiya zhiznennykh orientatsii cheloveka* [Psychology of a persons life orientations]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Press, 2006. 384 p. (In Russian)
29. Korzhova E. Iu. *Dukhovnaia lestnitsa N. V. Gogolia: Lichnost' i tvorchestvo* [Gogol's spiritual stairway: Personality and creation]. St. Petersburg, Society in memory of mother superior Taisiya Publ., 2009. 615 p.

30. Korokoshko I. O. *Osobennosti ekonomicheskogo soznaniia u lits s raznymi zhiznennymi orientatsiiami*. Authoref. diss. kand. psikhol. nauk [*Economic consciousness at persons with different vital orientations*. Thesis of PhD]. Saratov, 2011. 25 p. (In Russian)

31. Krasil'shchikova E. A. *Osobennosti zhiznennykh orientatsii narkozavisimykh s razlichnymi srokami trezvosti* [*Vital orientations patterns of drug addicts with various terms of sobriety*]. *Izvestiia RGPU im. A. I. Gertsena* [*Izvestia: Herzen university journal of humanities and science*], 2010, no. 136, pp.65–73. (In Russian)

32. Korzhova E. Iu. *Zhiznennye (sub'ekt-ob'ektnye) orientatsii u studentov — budushchikh psikhologov* [Life (subject — object) orientations of students — future psychologists]. *Smyslovye prostranstva sovremennogo cheloveka: sb. nauch. statei* [Semantic space of the modern person : collected articles]. Ed. by V. H. Manerov. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2005, pp.66–84. (In Russian)

33. Gerbachevskaia N. V. *Predstavlenost' problemy «chelovek i obshchestvo» v sotsial'noi kartine mira sovremennoi molodezhi*. Authoref. diss. kand. psikhol. nauk [*Representation of the problem «person and society» in the social picture of the world of today's youth*. Thesis of PhD]. St. Petersburg, 2006. 20 p. (In Russian)

34. Rudykhina O. V. *Struktura i individual'no-psikhologicheskie kharakteristiki epistemologicheskikh stilei*. Authoref. diss. kand. psikhol. nauk [*Structure and individual psychological characteristics of epistemological styles*. Thesis of PhD]. St. Petersburg, 2013. 212 p.

For citation: Korjova E. Yu., Rudykhina O. V. The possibilities of typological approach in the study of epistemological styles. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, 2016, issue 3, pp. 7–17. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.302

Статья поступила в редакцию 14 марта 2016 г.

Т. Г. Скребцова

О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ АУТИЗМА

Аутизм как психическое расстройство характеризуется определенными когнитивными нарушениями, которые проявляются в языковой сфере, поэтому лингвистические наблюдения и эксперименты могут быть полезны для диагностики заболевания и оценки степени его серьезности. В статье приводится обзор современных зарубежных и отечественных исследований в данной области. В соответствии с выделяемой психологами триадой расстройств при аутизме рассматриваются языковые проявления нарушений в области социализации, коммуникации и символизации. Обсуждаются возможности формализованного описания отдельных нарушений в терминах концептуальной интеграции (Фоконье и Тернер) и дейктических систем координат (Чилтон), а также наиболее известные теории — модель психического и теории центрального согласования, — предлагаемые в качестве объяснения указанных когнитивных расстройств. Библиогр. 36 назв.

Ключевые слова: аутизм, когнитивные расстройства, языковые нарушения, модель психического, теория центрального согласования, теория концептуальной интеграции.

T. G. Skrebtsova

ON LINGUISTIC ASPECTS OF AUTISM

Autism is an umbrella term for a group of neurodevelopmental disorders characterized by cognitive impairments manifesting themselves in language and communication. Thus linguistic studies of autism can be used for diagnostic assessment purposes. The paper presents a review of recent research in the field, both in Russia and abroad. Following the so-called “triad” of impairment, it tackles linguistic manifestations of problems related to socialization, communication and symbolization. Conceptual integration (Fauconnier and Turner) and deictic reference frames (Chilton) are proposed as models to graphically represent certain cognitive difficulties experienced by autistics. The explanatory power of theory of mind and central coherence theory is discussed. Refs 16.

Keywords: Autism, cognitive disorders, language impairments, theory of mind, central coherence theory, conceptual integration theory.

История изучения аутизма как специфического нарушения психического развития не насчитывает еще и века. Считается, что впервые это заболевание было описано американским детским психиатром Лео Каннером в 1943 г., хотя соответствующий термин восходит к более ранним временам. В начале XX в. швейцарский ученый Эйген Блейлер изобрел слово *autismus* (от греческого корня *autos* — ‘сам’), внутренняя форма которого была призвана подчеркнуть психическую замкнутость индивида, его самоизоляции, отстраненность от реальности и уход в мир внутренних переживаний. Следует заметить, однако, что Блейлер использовал данный термин для обозначения одного из четырех диагностических критериев шизофрении. Далее, в 1938 г., австрийский педиатр и психиатр Ганс Аспергер использовал выражение «аутистичные психопаты» в лекции по детской психологии

Скребцова Татьяна Георгиевна — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; t.skrebtsova@spbu.ru

Skrebtsova T. G. — PhD, Associate Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; t.skrebtsova@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

в Венском университете; позднее его именем назвали описанный им тип расстройства — синдром Аспергера.

В последние десятилетия принято говорить не столько об аутизме¹, сколько о расстройствах аутистического спектра (РАС), охватывающих, согласно международной классификации болезней МКБ-10, синдромы Аспергера, Ретта и др. Потребность во введении понятия РАС обусловлена тем, что проявления аутизма весьма разнообразны и клиническая картина сильно варьирует между различными людьми. Среди больных есть лица с тяжелыми психическими нарушениями, но встречаются и так называемые «высокофункциональные аутисты», у которых всего лишь наблюдаются некоторые странности в общении с другими людьми. Неоднородность аутистов с точки зрения умственной полноценности осложняет изучение соответствующей группы расстройств.

К настоящему времени за рубежом уже накоплен солидный опыт в изучении РАС, на протяжении многих лет выходят в свет специализированные научные журналы, посвященные проблемам аутизма. В нашей стране исследования в этом направлении, можно сказать, только начинаются, и, как правило, они лежат в русле медицинской психологии, психиатрии или коррекционной педагогики — работ, посвященных языковым нарушениям, чрезвычайно мало. Вместе с тем нет сомнений, что лингвистические наблюдения могут быть полезны для диагностики заболевания и оценки степени его серьезности. Нарушения в языковой и коммуникативной компетенции являются следствием расстройств в психической сфере и их манифестацией. Тем самым эта проблематика находится на стыке прикладной лингвистики, психологии и психиатрии (ср. также [1–4]).

Представления о сущности и причинах возникновения аутизма неоднократно изменялись. Ранние работы утверждали психогенную природу детского аутизма, возникла дискуссия о соотношении его с шизофренией, поскольку у этих заболеваний есть ряд общих признаков: социальная самоизоляция, слабая эмоциональная реактивность, отсутствие контакта с собеседником. Впоследствии связь между аутизмом и шизофренией неоднократно подвергалась сомнению. В настоящее время принято рассматривать аутизм в качестве особого психического заболевания, характеризующегося собственной клинической картиной [5, 6].

Обобщая разнообразные проявления аутизма, психологи говорят о так называемой триаде Лоры Винг, включающей нарушения социального взаимодействия, коммуникации и способности к воображению [7, с. 33–38, 55–59]. Все они отражаются в речи больных (обзор зарубежных исследований по этой теме см. в [8, 9]). Отметим основные проявления указанных нарушений в языковой сфере.

Проблемы социализации у больных аутизмом обуславливают прежде всего необходимость применять дифференцированный подход при изучении того, как понимаются ситуации, связанные с неживой природой, с одной стороны, и миром людей — с другой (см., например: [10, 11]). Утверждается, что восприятие окружающей действительности у аутистов затруднено именно в том, что касается социальных взаимодействий, понимания поведения других людей. Подтверждением тому служат многочисленные и разнообразные опыты, описанные в психологической литературе.

¹ В настоящей статье, однако, мы для удобства будем преимущественно пользоваться термином «аутизм», подразумевая под ним весь комплекс РАС.

В частности, хорошо известны трудности, которые испытывают больные аутизмом (а также шизофренией) при необходимости смены перспективы, учета различных точек зрения. Впервые это было показано в знаменитом опыте «Салли и Энн» [12], и последующие экспериментальные исследования неизменно подтверждали данное наблюдение (см., например: [13]). На языковом уровне неспособность менять перспективу наиболее ярко проявляется в нарушениях, связанных с употреблением дейктических выражений [8]. Некоторые авторы предполагают, что этим же может объясняться употребление глаголов без необходимых маркеров грамматического времени, ср. *I walk to the store yesterday* [9, с. 126].

П. Чилтон в своей книге [14, с. 205–209] делает попытку формализованно представить (в терминах векторной геометрии), как происходит понимание ситуаций наподобие той, что описана в опыте «Салли и Энн». Допустим, есть два участника — сотрудницы офиса А и В. Обе любят одни и те же конфеты. Однажды А кладет любимую конфету к себе на стол в коробочку, но видит, что В заметила это. Затем В выходит из комнаты, и в ее отсутствие А перекладывает конфету в ящик стола, полагая, что В будет ошибочно думать, что конфета по-прежнему лежит в коробочке на столе. Реакция стороннего наблюдателя S, ставшего свидетелем всей этой сцены, будет различаться в норме и при аутистическом расстройстве, ср. соответственно варианты а) и б):

а) В думает, что конфета по-прежнему лежит в коробочке (но я знаю, что это не так);

б) В думает, что конфета лежит в ящике стола (и это действительно так).

Теория дейктических пространств (Deictic Space Theory) П. Чилтона позволяет наглядно моделировать при помощи систем координат имеющееся у наблюдателя S представление о ситуации. В первом случае («в норме») на диаграмме имеется специальная эпистемическая ось, на которой отражается ошибочное мнение участницы В (о том, что конфета по-прежнему лежит в коробочке). Второй случай, как отмечает автор, не столь однозначен и допускает различные объяснения и, соответственно, разные модели. Возможно, что при аутистических расстройствах повреждена способность к эпистемическим суждениям: больной не может понять, что думает другой, и, следовательно, это выразить. Согласно другой интерпретации, у аутистов вообще отсутствует представление о внутреннем состоянии другого человека: они не видят разницы между «знать» и «полагать» (заметим, что эта версия получала подтверждение в ряде опытов [9, с. 128]). В последнем случае на диаграмме нет эпистемической оси, и остается только ось реальности, отражающая знание наблюдателя S.

Дальнейшее развитие опыта «Салли и Энн» предложила Ф. Аппе в серии тестов «Странные истории» [15]. Автор постаралась максимально расширить круг ситуаций, построенных на расхождениях между реальным положением дел и тем, как его представляют себе участники. Эксперименты предполагали интерпретацию таких типов сцен, как шутка, притворство, ложь, недоразумение, ирония, несовпадение видимости с реальностью и др., и их результаты в целом подтвердили исходную гипотезу о сложностях, испытываемых аутистами при понимании таких «контрфактивных» ситуаций.

Пытаясь интерпретировать результаты подобных опытов, зарубежные исследователи обычно ссылаются на «модель психического» (theory of mind), кото-

рая в норме позволяет индивиду приписывать себе и другим людям различные мысли, чувства, убеждения, желания, намерения и т. п. Аутисты, будучи лишены «модели психического», не умеют «считывать» внутренние представления, они «слепы» (mindblinded) в отношении того, что касается ментальных состояний [16].

Если данная теория верна, это объясняет также снижение способности к опознанию эмоций и дефицит эмпатии (здесь уместно вспомнить, что еще Лео Каннер характеризовал аутизм как «нарушение аффективного контакта»). Трудности с определением и описанием собственных чувств и чувств других людей (так называемая алекситимия) выражаются в неспособности адекватно понимать и употреблять лексические единицы, обозначающие когнитивные и эмоциональные состояния [9, с. 128].

Некоторые психологи, приняв за основу «модель психического», идут еще дальше, пытаясь разделить ее на слагающие «кирпичики» — отдельные когнитивные модули. Для обозначения последних используются такие метафоры, как «чтение намерений», «чтение эмоций» и пр. При этом подразумевается, что нарушения возникают из-за дефицита одной или нескольких составляющих (критику этого подхода, равно как и самой модели психического, см. в [13]).

Что касается коммуникативных нарушений при аутизме, следует заметить, что их спектр чрезвычайно широк: от мутизма (полностью неговорящих больных, которые не пользуются даже жестами) до вполне беглой речи, встречающейся у людей с синдромом Аспергера. Общим, однако, является наличие затруднений, связанных с прагматикой общения: вступлением в разговор, соблюдением темы, поддержанием разговора, учетом позиции собеседника. Кроме того, характерны такие нарушения, как отсутствие реакции на речь собеседника, эхолалия, идиосинкратическое использование слов, изобретение неологизмов, необычные просодика, фонация, мимика и жесты [7, с. 57; 9, с. 128–129].

Вопреки ожиданиям, результаты некоторых экспериментов показывают, что коммуникативное поведение аутистов в условиях целенаправленного социального взаимодействия не отличается принципиальным образом от поведения людей с нормальным развитием [17, 18]. Другое дело, что ситуация специально организованного и подробно структурированного взаимодействия — это далеко не то же самое, что непринужденный диалог в естественных условиях [18].

Нарушение способности к воображению обуславливает проблему символизации у больных аутизмом, которая проявляется при восприятии рисунков, фотографий, игрушек и т. п. Аутисты не способны переступить пределы буквального восприятия, они «гиперреалисты» [19, с. 21–24, 97–100]. На языковом уровне с этим связано непонимание метафор, фразеологизмов, юмора, языковой игры [20]. Даже лица с высоким коэффициентом интеллекта и стремлением к общению оказываются не в состоянии воспринимать слова с абстрактной семантикой и фигуральные выражения [9, с. 129].

Это же нарушение обуславливает проблемы с вербализацией изображений. При попытках построения рассказа по картинке происходят многочисленные смысловые искажения (как изображенных сцен, так и эмоциональных реакций персонажей). У больных аутизмом также наблюдаются трудности с пониманием целостного образа ситуации и его отражением в когерентном нарративе [21].

Обратная задача — восприятие связного текста — также вызывает сложности. Эксперименты, описанные в работе Н. Миншью и соавторов [22], продемонстрировали, что высокофункциональные аутисты не хуже контрольной группы справляются с тестовыми заданиями, направленными на проверку языковой компетенции, но существенно проигрывают там, где требуется комплексная обработка информации, содержащейся в тексте (категоризация, логический анализ, учет имплицитной информации, умозаключение, восполнение пропущенных звеньев смысловой цепочки). Анализу процессов восприятия и порождения текста у больных аутизмом посвящен специальный выпуск зарубежного журнала «Аутизм и расстройства развития», где данная проблема рассматривается с позиций дискурсивных исследований и конврсационного анализа [23].

В настоящее время многие исследователи полагают, что при аутизме сохраняется понимание отдельных слов, но затруднено понимание сочетаний слов и последовательности предложений (см., например: [24–26]). Именно эта гипотеза лежит в основе экспериментального исследования [27], направленного на проверку восприятия локальной связности текста. Исследование состояло из набора тестов. В одном из них оценивалась способность испытуемых (также высокофункциональных аутистов) выбирать правильное (контекстно-обусловленное) прочтение слов, совпадающих по написанию, но различающихся ударным слогом (так называемых омографов). В другом опыте требовалось интерпретировать неоднозначное предложение, принимая во внимание левый контекст (предшествующее предложение). Еще один вид контрольных заданий проверял способность к восполнению пропущенных звеньев в описаниях стандартных бытовых сценариев. Вывод, к которому пришли авторы, выглядит следующим образом: у аутистов наблюдаются нарушения в восприятии связности текста, причем прайминг не оказывает заметного влияния на этот процесс. Сами испытуемые не стремятся к установлению смысловых связей между фрагментами текста и пробуют делать это только под нажимом экспериментатора.

Полученные результаты, по мнению исследователей, подтверждают теорию центрального согласования, ранее выдвинутую в книге У.Фрит [28]. Эта теория пытается объяснить разнообразные нарушения, наблюдаемые при аутизме, одним-единственным фактором: рассогласованностью интеграции разноуровневой информации. Утверждается, что центральное согласование, которое в норме управляет сбором различной информации для построения осмысленного целого более высокого порядка, при аутизме ослаблено. Вследствие этого больные могут неплохо справляться с заданиями, где внимание направлено на частные моменты, но показывают низкие результаты там, где требуется схватывать общий смысл.

Представляется, что при рассмотрении данных процессов имеет смысл обратиться к достижениям когнитивной лингвистики — современного междисциплинарного направления, которое ставит своей задачей исследование того, как представлено знание языка в голове человека. Исходя из постулата о связи языка с когницией, представители данной школы стремятся пролить свет на структуры и механизмы сознания, основываясь на фактах языкового использования (подробнее см. в: [29]). Когнитивная лингвистика отрицает идею модулярности, согласно которой знание языка представляет собой отдельную, автономную компетенцию, и провозглашает холистический подход, предполагающий неразрывную связь

языковой способности с другими когнитивными механизмами. Следует заметить, что современные исследования аутизма, как правило, базируются именно на этой предпосылке (ср.: [30, 31]).

В частности, кажется перспективным для моделирования процессов восприятия связного текста в норме и при патологии использовать понятийный аппарат теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера (ее обзор см. в [29, с. 167–193]). В ее основе лежит понятие ментального пространства, которое представляет собой модель ситуации (реальной или гипотетической) в том виде, как она понимается человеком. При порождении и восприятии дискурса происходит динамическое взаимодействие различных ментальных пространств, их возникновение, изменение и смешение (интеграция) друг с другом [32, 33].

Суть понятия концептуальной интеграции состоит в том, что в результате проекций между исходными пространствами рождается «бленд» — новое ментальное пространство, не тождественное ни одному из исходных и не являющееся суммой их элементов и связей. Бленд представляет собой целостный, компактный, легко запоминаемый конструктор, которым удобно оперировать как единым целым. Так, если воспользоваться примерами Фоконье и Тернера, *президент Франции* — это бленд (из понятий «президент» и «Франция»), *красный карандаш* — тоже бленд, допускающий различную интерпретацию в зависимости от того, как именно протекает концептуальная интеграция (то ли корпус карандаша красный, то ли грифель, то ли оба они красные). Как видно из данных примеров, концептуальная интеграция — рутинная когнитивная операция: мы порождаем бленды постоянно, ежеминутно, не отдавая себе в этом отчета.

Возвращаясь к экспериментам, описанным в исследовании Т. Джолифф и С. Барон-Коэна [27], можно сказать, что испытуемые либо не пытались строить бленды, либо не стремились к тому, чтобы они были осмысленными. Дело в том, что бленды бывают более или менее удачные, что зависит от соблюдения принципов оптимальности [33]. Общий смысл этих принципов сводится к тому, что бленд должен быть как можно более целостным и тесно связанным с исходными пространствами, для того чтобы его понимание не вызывало трудностей.

Так, если взять неоднозначное предложение *He bought some glasses*, то принципы оптимальности будут в норме направлять интерпретацию слова *glasses* как ‘очки’ после сообщения о посещении офтальмолога (*John had his eyes tested*), и наоборот, это слово будет понято как ‘стаканы, бокалы’, если речь идет о напитках (*John likes wine*). По сути, данная ситуация схожа с интерпретацией выражения *красный карандаш*, которое тоже понимается с опорой на контекст.

В терминах концептуальной интеграции, в обоих случаях имеются два исходных пространства: одно — известное (посещение врача или пристрастие к вину), а другое понятно лишь частично (‘он купил нечто’). В норме интеграция происходит так, чтобы бленд получился оптимальным, и для этого выбирается соответствующий смысл, обеспечивающий максимально тесное взаимодействие между исходными пространствами и блендом.

Рассуждая о восприятии связности текста, уместно вспомнить и другого представителя когнитивной лингвистики — Р. Лангакера, который ввел понятие «профилеинг» (*profiling*) (см., напр., [34]) для описания значения языковых выражений. Лангакер исходит из того, что любое обозначение предмета или ситуации

«профилирует», или высвечивает, определенную конфигурацию на более широком фоне: так, слово *гипотенуза* «профилирует» одну из сторон прямоугольного треугольника, а словосочетание *лампа над столом* подчеркивает именно присутствие лампы — в отличие от выражения *стол под лампой*, которое может отсылать к той же самой ситуации, но «профилирует», наоборот, стол.

Используя данное понятие, можно сказать, что левый контекст, влияя на выбор определенного значения неоднозначного существительного, как бы «профилирует» соответствующий фрагмент языковой компетенции воспринимающего субъекта. Так происходит потому, что в норме у человека есть так называемая «презумпция текстуальности», которая заставляет его воспринимать последовательность смысловых единиц (слов, словосочетаний, предложений) как единое целое, то есть стремится устанавливать между ними содержательные связи. Таким образом, предшествующее утверждение о посещении офтальмолога «профилирует» в сознании индивида значение ‘очки’ у слова *glasses*, а сообщение о том, что Джон любит вино, — значение ‘стакан, бокалы’.

Рассматривая разнообразные когнитивные и языковые нарушения у больных аутизмом, невозможно не затронуть вопрос об их причинах. Зарубежные психологи в этой связи, как правило, упоминают теорию (модель) психического и теорию центрального согласования (см. выше). Вместе с тем следует заметить, что ни одна из данных теорий не вскрывает глубинных этиологических факторов и механизмов возникновения данного заболевания и служит для исследователей не более чем удобной ссылкой. В этом смысле гораздо более содержательными и перспективными представляются нейропсихологические и нейрофизиологические исследования, направленные на изучение активности различных структур головного мозга у больных аутизмом при выполнении тех или иных заданий и опирающиеся на современные методы функциональной нейровизуализации (см., например: [35, 36]).

Литература

1. Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 110–132.
2. Пашковский В. Э., Пиотровская В. Р., Пиотровский Р. Г. Психиатрическая лингвистика. СПб.: Наука, 1994. 160 с.
3. Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе. М.: Тривола, 2000. 248 с.
4. Спивак Д. Л. Измененные состояния сознания: психология и лингвистика. СПб.: Издательский Дом «Ювента»; Филологический ф-т СПбГУ, 2000. 296 с.
5. Завитаев П. Ю. Клиническая семантика аутизма: автореф. дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2008. 24 с.
6. Микиртумов Б. Е., Завитаев П. Ю. Аутизм: история вопроса и современный взгляд. СПб.: Издательство Н-Л, 2012. 144 с.
7. Anne Ф. Введение в психологическую теорию аутизма. М.: Теревинф, 2006. 216 с.
8. Lord C., Paul R. Language and communication in autism // Handbook of Autism and Pervasive Developmental Disorders / eds D. J. Cohen, F. R. Volkmar. New York: Wiley Press, 1997. P. 195–225.
9. Kelley E. Language in ASD // The Neuropsychology of Autism / ed. by D. Fein. Oxford; New York: Oxford University Press, 2011. P. 123–137.
10. Додзина О. Б. Отражение способностей взаимодействия с предметным и социальным миром в лексическом развитии детей с аутизмом: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 21 с.
11. Лебедева Е. И. Понимание ментального и физического мира детьми с типичным развитием и расстройствами аутистического спектра: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 25 с.

12. Baron-Cohen S., Leslie A. M., Frith U. Does the autistic child have a «theory of mind»? // *Cognition*. 1985. Vol. 21, № 1. P. 37–46.
13. Зотов М. В., Андрианова Н. Е., Попова Д. А., Гусева М. С. Видеть посредством чужих глаз: восприятие социального взаимодействия в норме и при шизофрении // *Культурно-историческая психология*. 2015. Т. 11, № 4. С. 4–21.
14. Chilton P. *Language, Space and Mind: The Conceptual Geometry of Linguistic Meaning*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 334 p.
15. Happé F. An advanced test of theory of mind: Understanding of story characters' thoughts and feelings able autistic, mentally handicapped, and normal children and adults // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 1994. Vol. 24. P. 129–154.
16. Baron-Cohen S. *Mindblindness: An Essay on Autism and Theory of Mind*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. 200 p.
17. Allen M. L., Haywood S., Rajendran G., Branigan H. Evidence for syntactic alignment in children with autism // *Developmental Science*. 2011. Vol. 14, N 3. P. 540–548.
18. Linguistic alignment in adults with and without Asperger's syndrome / Slocombe K. E., Alvarez I., Branigan H. P., Jellema T., Burnett H. G., Fischer A., Li Y. H., Garrod S., Levita L. // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2013. Vol. 43, N 6. P. 1423–1436.
19. Гилберт К., Пумерс Т. *Аутизм: медицинское и педагогическое воздействие*. М.: Владос, 2005. 144 с.
20. The comprehension of humorous materials by adolescents with high-functioning autism and Asperger's syndrome / Emerich D. M., Creaghead N. A., Grether S. M., Murray D., Grasha C. // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2003. Vol. 33, N 3. P. 253–257.
21. Романова А. А. Нейропсихологический анализ составления рассказов детьми с аутистическими расстройствами и трудностями обучения: особенности смысловой организации // *Психологическая наука и образование*. 2011. N 3. С. 95–105.
22. Minshew N. J., Goldstein G., Siegel D. J. Speech and language in high-functioning autistic individuals // *Neuropsychology*. 1995. Vol. 9, N 2. P. 255–261.
23. *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2016. Vol. 46, № 2. Special issue: Discourse and Conversation Analytic Approaches to the Study of Autism Spectrum Disorders. P. 355–435.
24. O'Connor I., Klein P. Explorations of strategies for facilitating the reading comprehension of high-functioning students with autism spectrum disorders // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2004. Vol. 34, N 2. P. 115–127.
25. Wahlberg T., Magliano J. The ability of high function individuals with autism to comprehend written discourse // *Discourse Processes*. 2004. Vol. 38. P. 119–144.
26. Huebner S. V., Mann V. A comprehensive profile of decoding and comprehension in autism spectrum disorders // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2010. Vol. 40, N 4. P. 485–493.
27. Jolliffe T., Baron-Cohen S. A test of central coherence theory: linguistic processing in high-functioning adults with autism or Asperger syndrome: is local coherence impaired? // *Cognition*. 1999. Vol. 71. P. 149–185.
28. Frith U. *Autism: Explaining the Enigma*. Oxford: Basil Blackwell, 1989. 204 p.
29. Скребцова Т. Г. *Когнитивная лингвистика: курс лекций*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.
30. Perlovsky L. Language and cognition // *Neural Networks*. 2009. Vol. 22, N 3. P. 247–257.
31. The interplay between attentional strategies and language processing in high-functioning adults with autism spectrum disorder / Koolen S., Vissers C. Th. W. M., Hendriks A. W. C. J., Egger J. I. M., Verhoeven L. // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2012. Vol. 42, N 5. P. 805–814.
32. Fauconnier G. Domains and connections // *Cognitive Linguistics*. 1990. Vol. 1, N 1. P. 151–174.
33. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks // *Cognitive Science*. 1998. Vol. 22, N 2. P. 133–187.
34. Langacker R. W. A view of linguistic semantics // *Topics in Cognitive Linguistics* / B. Rudzka-Ostyn (ed.). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1988. P. 49–90.
35. Brain routes for reading in adults with and without autism: MEG evidence / Moseley R. L., Pulvermüller F., Mohr B., Lombardo M. V., Baron-Cohen S., Shtyrov Yu. // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2014. Vol. 44, N 1. P. 137–153.
36. Lost for emotion words: What motor and limbic brain activity reveals about autism and semantic theory / Moseley R. L., Shtyrov Yu., Mohr B., Lombardo M. V., Baron-Cohen S., Pulvermüller F. // *Neuroimage*. 2015. Vol. 104. P. 413–422.

Для цитирования: Скребцова Т. Г. О лингвистических аспектах аутизма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 3. С. 18–27.
DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.303

References

1. Iakobson R. Dva aspekta iazyka i dva tipa afaticheskikh narushenii [Two aspects of language and two types of aphasic disturbances]. *Teoriia metafory [Metaphor theory]*. Moscow, Progress, 1990, pp. 110–132. (In Russian)
2. Pashkovskii V.E., Piotrovskaia V.R., Piotrovskii R.G. *Psikhiatricheskaiia lingvistika [Psychiatric linguistics]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 160 p. (In Russian)
3. Belianin V.P. *Osnovy psikholingvisticheskoi diagnostiki: Modeli mira v literature [Foundations of psycholinguistic diagnostics: Models of the world in fiction]*. Moscow, Trivola Publ., 2000. 248 p. (In Russian)
4. Spivak D.L. *Izmenennnye sostoiianiia soznaniia: psikhologiiia i lingvistika [Altered states of mind: psychology and linguistics]*. St. Petersburg, Juventa Publishers, 2000. 296 p. (In Russian)
5. Zavitaev P.Iu. *Klinicheskaia semantika autizma*. Authoref. diss. kand. med. nauk [Clinical semantics of autism. Thesis of PhD]. St. Petersburg, 2008. 24 p. (In Russian)
6. Mikirtumov B.E., Zavitaev P.Iu. *Autizm: istoriia voprosa i sovremennyi vzgliad [Autism: historical background and modern perspective]*. St. Petersburg: N-L Publishers, 2012. 144 p. (In Russian)
7. Appe F. *Vvedenie v psikhologicheskuiu teoriuu autizma [Autism: An introduction to psychological theory]*. Moscow, Terevinf Publ., 2006. 216 p. (In Russian)
8. Lord C., Paul R. Language and communication in autism. *Handbook of Autism and Pervasive Developmental Disorders*. Eds D. J. Cohen, F.R. Volkmar. New York, Wiley Press, 1997, pp. 195–225.
9. Kelley E. Language in ASD. *The Neuropsychology of Autism*. Ed. by D. Fein. Oxford, New York, Oxford University Press, 2011, pp. 123–137.
10. Dodzina O.B. *Otrazhenie sposobnostei vzaimodeistviia s predmetnym i sotsial'nym mirom v leksicheskom razvitiu detei s autizmom*. Authoref. diss. kand. psikhol. nauk [Interacting with the world of objects and social world in autism: aspects of early lexical development. Thesis of PhD]. Moscow, 2006. 21 p. (In Russian)
11. Lebedeva E.I. *Ponimanie mental'nogo i fizicheskogo mira det'mi s tipichnym razvitiem i rasstroistvami autisticheskogo spektra*. Authoref. diss. kand. psikhol. nauk [Comprehension of mental and physical world by children with ASD and their typically developing peers. Thesis of PhD]. Moscow, 2006. 25 p. (In Russian)
12. Baron-Cohen S., Leslie A.M., Frith U. Does the autistic child have a «theory of mind»? *Cognition*, 1985, vol. 21, no. 1, pp. 37–46. (In Russian)
13. Zotov M.V., Andrianova N.E., Popova D.A., Guseva M.S. Videt' posredstvom chuzhikh glaz: vospriiatie sotsial'nogo vzaimodeistviia v norme i pri shizofrenii [Seeing through another's eyes: perception of social interaction in norm and schizofrenia]. *Kul'turno-istoricheskaiia psikhologiiia [Cultural and historical psychology]*, 2015, vol. 11, no. 4, pp. 4–21. (In Russian)
14. Chilton P. *Language, Space and Mind: The Conceptual Geometry of Linguistic Meaning*. Cambridge, Cambridge University Press, 2014. 334 p.
15. Happé F. An advanced test of theory of mind: Understanding of story characters' thoughts and feelings able autistic, mentally handicapped, and normal children and adults. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 1994, vol. 24, pp. 129–154.
16. Baron-Cohen S. *Mindblindness: An Essay on Autism and Theory of Mind*. Cambridge, MA, MIT Press, 1995. 200 p.
17. Allen M.L., Haywood S., Rajendran G., Branigan H. Evidence for syntactic alignment in children with autism. *Developmental Science*, 2011, vol. 14, no. 3, pp. 540–548.
18. Slocombe K.E., Alvarez I., Branigan H.P., Jellema T., Burnett H.G., Fischer A., Li Y.H., Garrod S., Levita L. Linguistic alignment in adults with and without Asperger's syndrome. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2013, vol. 43, no. 6, pp. 1423–1436.
19. Gilbert K., Piters T. *Autizm: meditsinskoe i pedagogicheskoe vozdeistvie [Autism: medical and pedagogical aspects]*. Moscow, Vldos Publ., 2005. 144 p.
20. The comprehension of humorous materials by adolescents with high-functioning autism and Asperger's syndrome / Emerich D.M., Creaghead N.A., Grether S.M., Murray D., Grasha C. // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2003. Vol. 33, № 3. P. 253–257.
21. Romanova A.A. *Neiropsikhologicheskii analiz sostavleniia rasskazov det'mi s autisticheskimi rasstroistvami i trudnostiami obucheniia: osobennosti smyslovoi organizatsii [A neuropsychological analysis of the composition of stories by children with autistic disorders and learning difficulties: features of semantic organization]*

sis of story composition by children with ASD and developmental disorders: the case of semantic organization]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychology and education]*, 2011, no. 3, pp. 95–105.

22. Minschew N. J., Goldstein G., Siegel D. J. Speech and language in high-functioning autistic individuals. *Neuropsychology*, 1995, vol. 9, no. 2, pp. 255–261.

23. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2016, vol. 46, no. 2. Special issue: Discourse and Conversation Analytic Approaches to the Study of Autism Spectrum Disorders, pp. 355–435.

24. O'Connor I., Klein P. Explorations of strategies for facilitating the reading comprehension of high-functioning students with autism spectrum disorders. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2004, vol. 34, no. 2, pp. 115–127.

25. Wahlberg T., Magliano J. The ability of high function individuals with autism to comprehend written discourse. *Discourse Processes*, 2004, vol. 38, pp. 119–144.

26. Huemer S. V., Mann V. A comprehensive profile of decoding and comprehension in autism spectrum disorders. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2010, vol. 40, no. 4, pp. 485–493.

27. Jolliffe T., Baron-Cohen S. A test of central coherence theory: linguistic processing in high-functioning adults with autism or Asperger syndrome: is local coherence impaired? *Cognition*, 1999, vol. 71, pp. 149–185.

28. Frith U. *Autism: Explaining the Enigma*. Oxford, Basil Blackwell, 1989. 204 p.

29. Skrebtsova T. G. Kognitivnaya lingvistika: kurs lektsii [перевод]. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2011. 256 p.

30. Perlovsky L. Language and cognition. *Neural Networks*, 2009, vol. 22, no. 3, pp. 247–257.

31. Koolen S., Vissers C. Th. W. M., Hendriks A. W. C. J., Egger J. I. M., Verhoeven L. The interplay between attentional strategies and language processing in high-functioning adults with autism spectrum disorder. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2012, vol. 42, no. 5, pp. 805–814.

32. Fauconnier G. Domains and connections. *Cognitive Linguistics*, 1990, vol. 1, no. 1, pp. 151–174.

33. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks. *Cognitive Science*, 1998, vol. 22, no. 2, pp. 133–187.

34. Langacker R. W. A view of linguistic semantics. *Topics in Cognitive Linguistics*. Ed. by B. Rudzka-Ostyn. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 1988, pp. 49–90.

35. Moseley R. L., Pulvermüller F., Mohr B., Lombardo M. V., Baron-Cohen S., Shtyrov Yu. Brain routes for reading in adults with and without autism: MEG evidence. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2014, vol. 44, no. 1, pp. 137–153.

36. Moseley R. L., Shtyrov Yu., Mohr B., Lombardo M. V., Baron-Cohen S., Pulvermüller F. Lost for emotion words: What motor and limbic brain activity reveals about autism and semantic theory. *Neuroimage*, 2015, vol. 104, pp. 413–422.

For citation: Skrebtsova T. G. On linguistic aspects of autism. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, 2016, issue 3, pp. 18–27. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.303

Статья поступила в редакцию 27 мая 2016 г.

Е. В. Краснов, Т. В. Корнилова

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ КАК ПРЕДИКТОРЫ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ*

Эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности рассматриваются в статье в качестве предикторов результативности деятельности военных руководителей. Сравниваются гражданские лица (N = 60) и две группы военных руководителей среднего звена (N = 62), классифицированные экспертами как не полностью справляющиеся с поставленными задачами и справляющиеся с поставленными задачами в полном объеме (при оценке по прошествии года практической деятельности). Установлено, что толерантность к неопределенности способствует результативности деятельности военных руководителей, взаимодействуя с переменными эмоционального интеллекта (предиктором выступает внутриличностный эмоциональный интеллект). Таким образом, показана необходимость анализа психологических предпосылок прогнозирования результативности деятельности военных руководителей. Библиогр. 32 назв. Ил. 1. Табл. 4.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, толерантность к неопределенности, результативность, профессиональная деятельность, военные руководители.

E. V. Krasnov, T. V. Kornilova

EMOTIONAL INTELLIGENCE AND TOLERANCE FOR UNCERTAINTY AS RESULT PREDICTORS OF MILITARY LEADERS PROFESSIONAL ACTIVITY

In this article emotional intelligence and tolerance to uncertainty are considered as predictors of effectiveness of military leaders. We compare civilians (N=60) and two groups of mid-level military leaders (N = 62) classified by experts as those that do not fully cope with a task and the those that cope with the task competently (evaluation is based on 1 year practice). It is determined that tolerance of uncertainty contributes to the effectiveness of military leaders through its influence on the variable of emotional intelligence (the predictor is internal emotional intelligence). In this way it is shown that the necessity of analysis of the psychological background in predicting the effectiveness of military leaders. Refs 32. Fig. 1. Tables 4.

Keywords: emotional intelligence, tolerance for uncertainty, result, professional activity, military instructors.

Краснов Евгений Валерьевич — соискатель ученой степени, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, Москва, 119991, Ленинские горы, 1; evkrasnov@gmail.com

Корнилова Татьяна Васильевна — доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, Москва, 119991, Ленинские горы, 1; tvkornilova@mail.ru

Krasnov Evgeniy V. — postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; evkrasnov@gmail.com

Kornilova Tatiana V. — Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; tvkornilova@mail.ru

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 13-36-01254.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

Введение

В настоящее время большое значение придается проблематике успешности профессиональной деятельности руководителей как в государственном, так и в частном секторе. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, особый статус наделяет их властными полномочиями по управлению деятельностью организаций, рабочих коллективов или отдельными проектами, а с другой — возлагает на них высокую степень ответственности за исход предпринятых действий и возможные негативные последствия. От руководителя требуется принимать решения в условиях неопределенности и нестабильности, где он выступает ведущим, определяющим, насколько верный курс будет выбран для дальнейшего развития организации.

Проблема нехватки управленцев, способных ориентироваться и принимать решения в современных социально-экономических условиях, подчеркивается во множестве работ. Фокусом таких исследований становятся образ руководителя и определение психологических предпосылок успешности профессиональной деятельности, в число которых включается и эмоциональное лидерство [1]. Полученные данные в последующем широко используются в практике подбора персонала (recruiting) и психологического отбора руководящих кадров, в том числе в обучении и развитии специалистов в области управления [2, 3].

Профессия военного относится к группе профессий, сопряженных с особым риском, и связана с повышенной сложностью, широким спектром и динамичностью профессиональных задач, эмоциональным напряжением и высокой ценой возможных ошибок. Данные особенности деятельности предъявляют значительные требования к психологическим характеристикам военнослужащих, а особенно военных руководителей [4, 3].

Ряд исследований подтверждает [5, 6], что, несмотря на специфичность внешней среды и характеристик организации, сущность управленческой деятельности в частном и государственном секторах отличается незначительно [7]. Военная служба является видом федеральной государственной службы [8]. И деятельность военного руководителя может рассматриваться в качестве вида управленческой.

Военный руководитель должен быть не только профессионалом в своей области, имеющим высокую физическую подготовленность, но и уметь оказывать влияние на подчиненных, управлять атмосферой коллектива, противодействовать психологическому давлению противника, в том числе в условиях реального боя, быть устойчивым к воздействию различных экстремальных факторов, уметь контролировать неопределенность ситуации, проявлять настойчивость в достижении долгосрочных целей. Если переводить эти свойства в терминологию межличностных различий, у него должны быть развиты эмоциональный интеллект (ЭИ) и толерантность к неопределенности.

В работе «Ум полководца», написанной в 1943 г., Б. М. Теплов выделил особенности деятельности военного руководителя именно с точки зрения эффективности его практического мышления: при принятии решений полководцем действуют, в частности, факторы дефицита времени и необратимости последствий принятых решений. В то время не применялся термин контроля неопределенности, но описанные особенности прямо связаны с умением военного руководителя прогнозировать, правильно рассчитывать ресурсы и брать на себя ответственность.

В современной психологии подчеркивается роль руководителя как лидера. Одной из самых известных теорий лидерства является трансформационная теория [9]. В данной модели руководитель выступает в качестве образца для подражания, трансформирует и мотивирует последователей через идеализированное влияние, интеллектуальную стимуляцию и индивидуальное внимание, вдохновляет их на решение поставленных задач и обеспечивает видением, как эти задачи выполнить. Метаанализ изучения трансформационного лидерства продемонстрировал эффективность этого стиля руководства в организациях как государственного, так и частного сектора [10, 11]. В рамках теории понятия «руководитель» и «лидер» практически идентичны. На практике приветствуется, когда формальный руководитель является одновременно и лидером в коллективе. Подчеркивается эффективность трансформационного лидерского поведения в военных условиях, а также концептуальная связь элементов трансформационного лидерства с эмоциональным интеллектом [1, 9].

Теоретик менеджмента П. Друкер считал, что работа с людьми является центральным звеном в деятельности управляющего [12]. Согласно классификации профессий Е. А. Климова, профессия руководителя относится к типу «человек-человек» и предполагает определенную эмоциональную компетентность, готовность к управлению ситуациями общения. Эффективность коммуникации влияет на результаты профессиональной деятельности. Особенно это заметно в структуре управления, где общение с окружающими принципиально важно, а уровень принимаемых решений особенно высок [13]. Д. Джозеф и Д. Ньюман интегрировали данные о положительной связи ЭИ с успешностью в эмоционально-интенсивных видах деятельности [14].

Д. Макклелланд в своих исследованиях пришел к выводу, что владеющие навыками коммуникации и демонстрирующие более высокий эмоциональный интеллект лидеры эффективнее тех, кому недостает этих качеств [15]. Для получения прогностических критериев успешности профессиональной деятельности он предложил также изучать сотрудников, которые уже показали высокие результаты в конкретной области, и затем тщательно сравнивать их с теми, чьи достижения не более чем средние. Дж. Барлинг с коллегами в статье «Трансформационное лидерство и эмоциональный интеллект: предварительное исследование» пишут о том, что точное измерение ЭИ может оказаться выгодным для отбора и подготовки военных руководителей [16].

ЭИ является одной из важнейших сторон лидерского профиля руководителя [17]. Если вначале работников чаще нанимают по критерию их специфических технических навыков, то на более высоких уровнях организации именно эмоциональный потенциал сопутствует успешной карьере и защищает от карьерного застоя [18].

Таким образом, ЭИ как способность руководителя распознавать и интерпретировать эмоции, возникающие в процессе управленческой деятельности, а также использовать их для решения поставленных задач становится одним из наиболее перспективных ресурсов развития компании [19].

По мнению И. Адизеса, для успешного руководителя важно уметь обеспечить интеграцию, создавая такую атмосферу и систему ценностей, которые будут стимулировать людей действовать сообща. Интегратор тонко чувствует других людей

и понимает, чем отличается сказанное от того, что человеку хочется сказать, обладает эмпатией, имеет глубокий интерес и уважение к людям [20]. Вице-президент Google по персоналу Ласло Бок в книге «Работа рулит! Почему большинство людей в мире хотят работать именно в Google» пишет, что в компании принят такой стиль лидерства, когда в арсенале руководителя на первом месте не наказания и награды, а умение расчистить завалы, встречающиеся на пути, и вдохновить команду [2].

Лидер действует как эмоциональный куратор коллектива, он должен направлять коллективные эмоции в нужное русло, создавать атмосферу дружелюбия, умело бороться с негативными настроениями. Способность лидера вселить в сотрудников энтузиазм, создать настроение единения может определить профессиональный успех команды [1]. М. Лэйн и К. Кленке при анализе различных аспектов организационной деятельности пришли к выводу о важности управления неопределенностью для эффективного лидера. Подчеркивая различие между краткосрочными целями, которые дают быструю обратную связь, позволяют в большем объеме использовать опыт и мотивируют постоянным результатом и ясностью, и долгосрочными, которые не оказывают такой поддержки, они предполагают, что толерантность к неопределенности личности как раз позволяет проявлять настойчивость в достижении долгосрочных целей [21].

Руководители с высоким ЭИ больше удовлетворены своей работой и менее склонны к развитию эмоционального выгорания [22]. ЭИ также выступает фактором, снижающим ригидность управленческих решений и повышающим их эвристичность [23].

Однако, несмотря на важность ЭИ для эффективного руководства, не следует выпускать из внимания тот факт, что в обязанности руководителя входит не только взаимодействие с подчиненными, но и реализация целей и задач коллектива. Большая часть обязанностей руководителя представляет собой принятие различных решений, направленных на достижение профессиональных результатов.

Конструкт неопределенности в психологии соотносится с понятиями выбора и принятия решений как процессами принятия и преодоления неопределенности, риска и личностного самоопределения [24]. Принятие решения как преодоление ситуации неопределенности предполагает авторство выбора и ответственность. Контроль неопределенности означает не ее уничтожение или замалчивание, а готовность принимать вызовы неопределенности, мыслить немислимое, предполагать децентрализацию как возрастание антихрупкости (в терминологии Н. Талеба). Толерантные к неопределенности личности более открыты к осознанию факта, что информация сложна и требует усилий для понимания, в то время как интолерантные личности упрощают и не видят сложности и неопределенности ситуации [25], что соответствует представлениям об интолерантной личности (Т. Адорно и др.).

Толерантность к неопределенности не позволяет быть удовлетворенным частными и неоптимальными решениями *комплексных проблем* [26]. При принятии решений в вербальных задачах *при возможности использования подсказок* именно толерантные к неопределенности лица максимально расширяли сферу своей информированности, в то время как интолерантные не брали подсказки [27]. Интолерантность к неопределенности как стремление к ясности (по опроснику НТН — Новый опросник толерантности к неопределенности) и как непринятие неопределенности в межличностных отношениях не были в этом исследовании

связаны с ЭИ; но снижение межличностной интолерантности к неопределенности, как и снижение показателя понимания эмоций другого человека, действовали в одну сторону — удлинения времени принятия решений «за себя», то есть сопутствовали более длительным размышлениям в ситуации *личностного выбора*. Однако подобных исследований не проводилось на выборах военных руководителей.

Способность позитивно разрешать ситуации неопределенности означает для руководителя также и возможность, работая со сложными проблемами, не совершать скоропалительных решений, избегая фиксированности на отдельном варианте. В этом аспекте толерантность к неопределенности может усиливать исследование новой, необычной или сложной ситуации.

Учитывая рассмотренные предпосылки, мы выдвинули общую *гипотезу* о том, что шкалы эмоционального интеллекта и толерантности к неопределенности могут выступать в качестве предикторов результативности профессиональной деятельности военных руководителей. Нас также интересовал «психологический портрет» военных руководителей в контексте выраженности исследованных свойств. Для решения этой задачи мы сравнивали исследуемую выборку с данными, полученными на сравнимой группе гражданских лиц, выступившей в качестве контрольной.

Методы

Участники исследования. В исследовании приняли участие 122 человека: 1) 62 военных руководителя среднего звена в возрасте от 27 до 42 лет ($M = 31,89$; $SD = 3,80$; все мужчины с высшим образованием, средний стаж работы составляет 9 лет) и 2) 60 гражданских лиц (невоенных) разных специальностей в возрасте от 25 до 52 лет ($M = 31,63$; $SD = 6,30$); 47 чел. — «управленцы» нижнего и среднего звена (руководители отделов на производстве или собственных компаний; число подчиненных — от 3 до 300 чел.), остальные — преподаватели и лица других специальностей; все мужчины.

Схема исследования. Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе все участники проходили психодиагностическое тестирование, а на втором этапе, спустя год, военные оценивались экспертами по результативности их деятельности на основе утвержденных должностных инструкций (регламентов) [8, 7], включающих квалификационные требования к уровню и характеру знаний и навыков, должностные обязанности, сроки и процедуры подготовки, рассмотрения проектов управленческих и иных решений, порядок согласования и принятия данных решений, а также показатели результативности профессиональной служебной деятельности, критерии, описывающие степень достижения результатов, и стандарты ожидаемого уровня выполнения поставленных задач.

В роли экспертов выступили непосредственные руководители участников исследования, обладающие всей полнотой информации об особенностях организации деятельности военнослужащих, находящихся в их подчинении. Согласно результатам внешне-критериальной оценки каждый участник был отнесен к одной из двух категорий результативности: «Справляющиеся с поставленными задачами в полном объеме» и «Не полностью справляющиеся с поставленными задачами». Экспертные оценки сопоставлялись с данными тестирования. В силу того что должностные инструкции (регламенты) содержат сведения ограниченного рас-

пространения, привести их содержание в рамках данной работы не представляется возможным.

Психодиагностические методики

1. Опросник эмоционального интеллекта ЭМИн [28, 29].

В структуре ЭИ выделяется межличностный ЭИ (МЭИ) — понимание эмоций других людей и управление ими, и внутриличностный ЭИ (ВЭИ) — понимание собственных эмоций и управление ими. Опросник дает баллы по субшкалам, измеряющим различные аспекты МЭИ и ВЭИ.

Поскольку обследование групп военных руководителей и лиц невоенных специальностей проходило в разные годы, нами использованы два варианта опросника ЭМИн, поэтому при сравнении выборок по связям между переменными мы использовали только суммарные показатели внутриличностного и межличностного интеллекта.

2. Новый опросник толерантности к неопределенности (НТН) [30].

Три шкалы позволяют оценить: толерантность к неопределенности (ТН) как генерализованное свойство, отражающее позитивное отношение к неопределенности, готовность к решениям, действиям при неполноте ориентиров, новизне и неясности ситуации; интолерантность к неопределенности (ИТН) — как стремление к ясности, следованию правилам и нормам; межличностную интолерантность к неопределенности (МИТН) — стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях.

3. Шкала толерантности к неопределенности MSTAT-I Д. Маклейна [31].

Методика представляет собой опросник, измеряющий склонность личности к жесткой регламентации жизни и полной известности происходящего либо к открытости и неопределенности. ТН и ИТН представлены в ней как полюса единой шкалы.

Обработка данных

Статистический анализ данных проводился с применением программного обеспечения «R» и включал применение корреляционного анализа, t-теста сравнения средних для независимых выборок, U-критерия Манна—Уитни для независимых выборок, критерия W (Шапиро—Уилка), логистической и линейной регрессии.

Результаты

I. *Сравнение свойств толерантности и интолерантности к неопределенности и ЭИ в выборках военных руководителей и гражданских лиц*

Как видно из табл. 1, значимо более высокие показатели ИТН и более низкие показатели ТН проявили военные руководители; суммарные показатели ЭИ выше у военных.

По результатам применения критерия W (Шапиро—Уилка) для выборки военных руководителей по трем шкалам методики ЭМИн (понимание чужих эмоций через экспрессию, способность к осознанию своих эмоций, управление своими эмоциями) установлены распределения, значимо отличающиеся от нормального.

Таблица 1. Сравнение выборочных средних по переменным возраста, отношения к неопределенности и суммарным показателям внутриличностного (ВЭИ) и межличностного (МЭИ) интеллекта

Переменные	М военные	SD	М гражданские	SD	t	Df	p
Возраст	31,89	3,81	31,63	6,30	0,268	96,447	0,7891
ТН	53,32	7,47	60,77	9,03	-3,914	48,848	< 0.001
ИТН	71,73	8,20	60,53	12,04	4,602	42,452	< 0.001
МИТН	30,45	7,91	32,77	7,84	-1,324	57,986	0,1907
ВЭИ	23,39	3,73	19,48	4,75	5,036	111,854	< 0.001
МЭИ	29,89	3,50	21,47	5,85	9,608	95,874	< 0.001

Поэтому для корреляционного анализа далее применялся непараметрический критерий ρ Спирмена.

II. Внутригрупповые связи переменных

Таблица 2. Результаты корреляционного анализа выборки военных руководителей (ρ Спирмена)

Шкалы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
(1) ТН	1	-.066	-.022	.019	-.081	-.141	-.078	.028	-.301	-.087	-.131
(2) ИТН		1	.162	.391	.172	.279	.263	.406	.204	.331	.335
(3) МИТН			1	-.053	-.240	-.044	-.297	-.253	-.331	-.101	-.343
(4) М1				1	.597	.558	.423	.442	.117	.870	.387
(5) М2					1	.337	.350	.354	.300	.735	.355
(6) М3						1	.351	.363	.153	.800	.332
(7) В1							1	.605	.605	.444	.898
(8) В2								1	.414	.456	.785
(9) В3									1	.227	.789
(10) МЭИ										1	.426
(11) ВЭИ											1

Примечания: Жирным шрифтом обозначены корреляции, значимые на уровне $p < .05$.

Расшифровка аббревиатур: ТН — толерантность к неопределенности (ТНН-33); ИТН — интолерантность к неопределенности (ИТНН-33); МИТН — межличностная интолерантность к неопределенности (МИТНН-33); М1 — интуитивное понимание чужих эмоций (ЭМИн); М2 — понимание чужих эмоций через экспрессию (ЭМИн); М3 — управление чужими эмоциями (ЭМИн); В1 — способность к осознанию своих эмоций (ЭМИн); В2 — управление своими эмоциями (ЭМИн); В3 — контроль экспрессии (ЭМИн); МЭИ — межличностный ЭИ (ЭМИн); ВЭИ — внутриличностный ЭИ (ЭМИн).

1. Как видно при сравнении данных двух выборок (табл. 2, 3), в выборке гражданских лиц не наблюдается связей между показателями отношения к неопределенности и эмоционального интеллекта. У военных руководителей такие связи представлены (см. табл. 2): более высокие показатели *толерантности к неопределенности* (ТН) сопутствуют снижению *контроля экспрессии своих эмоций* (В3); более высокие показатели ИТН положительно связаны у военных с ростом *межличностного эмоционального интеллекта* (М1 — *понимание чужих эмоций*, М3 —

Таблица 3. Результаты корреляционного анализа выборки невоенных профессионалов (ρ Спирмена)

Шкалы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
(1) ТН	1	-.27	-.43	-.10	-.06	.15	.17	-.11	-.04	.10	-.02	.11
(2) ИТН		1	.21	.16	.09	.08	.20	.17	.13	.21	.19	.16
(3) МИТН			1	-.18	-.21	-.06	-.11	.00	-.23	-.08	-.23	-.20
(4) МП				1	.59	.21	.55	.20	.91	.37	.74	.59
(5) МУ					1	.40	.64	.20	.85	.52	.65	.81
(6) ВП						1	.56	.41	.38	.90	.77	.60
(7) ВУ							1	.37	.70	.77	.73	.87
(8) ВЭ								1	.28	.64	.40	.57
(9) МЭИ									1	.54	.81	.81
(10) ВЭИ										1	.84	.83
(11) ПЭ											1	.79
(12) УЭ												1

Примечания: Жирным шрифтом обозначены корреляции, значимые на уровне $p < .05$.

Расшифровка аббревиатур: ТН — толерантность к неопределенности (ТНН-33); ИТН — интолерантность к неопределенности (ИТН-33); МИТН — межличностная интолерантность к неопределенности (ИТН-33); МП — понимание чужих эмоций (ЭмИн); МУ — управление чужими эмоциями (ЭмИн); ВП — понимание своих эмоций (ЭмИн); ВУ — управление своими эмоциями (ЭмИн); ВЭ — контроль экспрессии (ЭмИн); МЭИ — межличностный ЭИ (ЭмИн); ВЭИ — внутриличностный ЭИ (ЭмИн); ПЭ — понимание эмоций (ЭмИн); УЭ — управление эмоциями (ЭмИн).

управление чужими эмоциями и суммарный показатель МЭИ) и показателями внутриличностного интеллекта (В1 — осознание своих эмоций, В2 — управление своими эмоциями и суммарный ВЭИ). Неприятие неопределенности в межличностных отношениях (МИТН) у военных отрицательно связано со всеми показателями внутриличностного интеллекта, то есть при повышении ВЭИ снижается неприятие неопределенности во взаимодействии с людьми.

2. Понимание своих эмоций и управление своими эмоциями сходным образом положительно коррелирует в обеих сравниваемых выборках, как и понимание чужих эмоций и управление чужими эмоциями. В выборке гражданских лиц понимание и управление эмоциями положительно связаны с обоими суммарными показателями эмоционального интеллекта; в выборке военных из этих связей выбивается отсутствие корреляции межличностного ЭИ (МЭИ) с контролем экспрессии своих эмоций (В3): выражение своих эмоций у военных руководителей не интегрировано в связи с контролем выражения своих эмоций (есть связь только с одной шкалой понимание чужих эмоций через экспрессию — М2 (см. табл. 3)).

III. Выявление предикторов успешности деятельности военных руководителей

Сравнение средних значений по личностным показателям в группах людей, определенных экспертами как лица, различающиеся по успешности деятельности, представлено в табл. 4.

Гипотеза о различии между группами военных руководителей по шкалам, имеющим распределение, статистически отличающееся от нормального (М2, В1 и В2), также дополнительно проверялась по критерию U (Манна—Уитни). Результаты оказались аналогичны t-тесту сравнения средних.

Таблица 4. Значения t-теста сравнения средних по психологическим переменным для групп военных руководителей, различающихся по успешности деятельности

Переменные шкалы	Не полностью справляющиеся с поставленными задачами (37 чел.)		Справляющиеся с поставленными задачами в полном объеме (25 чел.)		Значение t-критерия
	М	SD	М	SD	
ТН/ИТН по MSTAT	10,38	16,18	20,00	14,35	-2,402
ТН по НТН	54,70	7,20	51,28	7,54	1,802
ИТН по НТН	72,03	8,47	71,28	7,92	0,349
МИТН по НТН	32,32	7,87	27,68	7,27	2,350
М1	18,03	2,44	18,92	2,27	-1,451
М2	12,78	2,19	13,12	2,15	-0,598
М3	17,22	2,82	18,24	2,22	-1,522
В1	14,05	3,24	16,28	3,29	-2,639
В2	15,86	2,54	16,68	2,41	-1,265
В3	12,46	2,64	14,40	1,91	-3,152
МЭИ	48,03	5,95	50,28	5,77	-1,481
ВЭИ	42,38	6,87	47,36	6,43	-2,875

Примечание: Жирным шрифтом выделены шкалы, для которых были установлены значимые различия между группами на уровне $p < ,05$.

При сравнении средних для выборок военнослужащих с разной успешностью деятельности для военных руководителей, справляющихся с поставленными задачами в полном объеме, установлены значимо более высокие значения свойств *толерантности к неопределенности* (по MSTAT), *способности к осознанию своих эмоций* (В1 по ЭМИн), *контроля экспрессии* (В3 по ЭМИн), *внутриличностного ЭИ* (ВЭИ по ЭМИн) и более низкие значения по шкале *межличностная интолерантность к неопределенности* (МИТН), что означает повышение принятия неопределенности в межличностных отношениях. На рис. 1 (а, б, в, г, д) представлены графически значимые различия между группами.

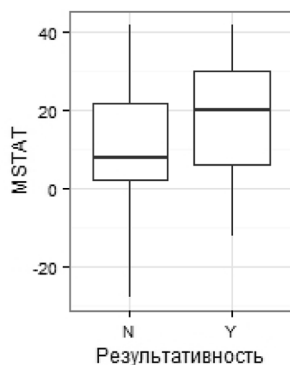
По результатам логистической регрессии (при совместном включении) только переменная *контроль экспрессии* (В3) выступает значимым предиктором результативности военных руководителей в профессиональной деятельности (R квадрат Нейджелкера = 0,192; процент корректных = 66,1; коэффициент регрессии $B = 0,354$; $p = 0,006$; $\text{Exp}(B) = 1,424$).

IV. Показатели MSTAT в выборке военных руководителей

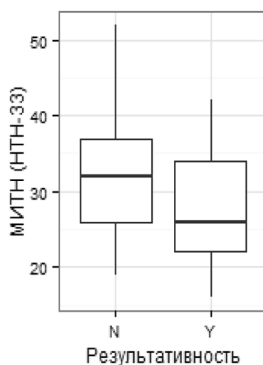
Шкала толерантности-интолерантности к неопределенности по методике MSTAT не была связана со шкалами ТН и ИТН по опроснику НТН, но проявила высокую отрицательную связь с *межличностной интолерантностью к неопределенности* ($\rho = -0,59$, $p < 0,05$).

ТН/ИТН по MSTAT также показала значимые связи со всеми шкалами *внутриличностного эмоционального интеллекта* и шкалой М2 — *понимание чужих эмоций через экспрессию*, продемонстрировав в этих связях конвергентные данные

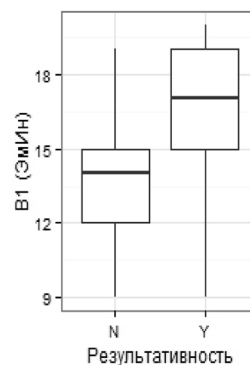
а

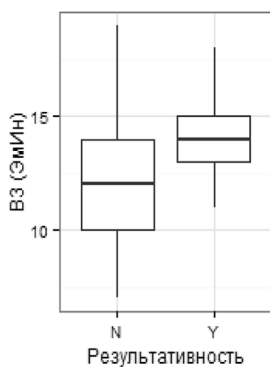
б

в

г

д

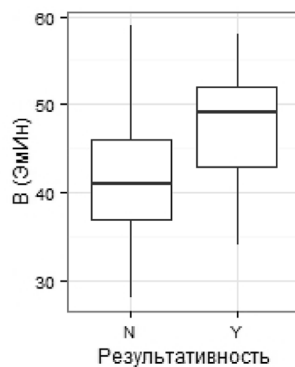

Рис. 1. Графическое представление значимых различий между группами военных руководителей
 Примечание. Результативность: N — группа военных руководителей, не полностью справляющихся с поставленными задачами; Y — группа военных руководителей, справляющихся с поставленными задачами в полном объеме.

со шкалой ИТН, хотя между собой два способа измерения интолерантности к неопределенности не были связаны.

Мы включили шкалу ТН/ИТН в проверку гипотез о возможном влиянии свойств толерантности–интолерантности к неопределенности на показатели ЭИ. И согласно результатам линейной регрессии (R квадрат Нейджелкерка = 0,147; $F = 5,082$; $B = 0,047$; $p = 0,041$) эта шкала (MSTAT) выступила предиктором *контроля экспрессии* (В3 по ЭМИн).

Других предикторов для других показателей отношения к неопределенности (включая шкалы ИТН) не установлено, как и не установлено влияния ТН/ИТН на показатели ЭИ.

Обсуждение результатов

При сравнении выборок военных руководителей и невоенных специалистов установлены значимые различия по переменным толерантности–интолерантности к неопределенности и шкалам эмоционального интеллекта. Если по показателям отношения к неопределенности результаты оказались ожидаемыми — бóльшая интолерантность к неопределенности и меньшая толерантность у лиц, профессионально связанных с необходимостью беспрекословного выполнения приказов и распоряжений вышестоящего руководства, то по выраженности эмоционального интеллекта результаты неожиданны. Они соответствуют контргипотезам о большей выраженности как внутриличностного, так и межличностного эмоционального интеллекта именно у военных руководителей. Это дает основания говорить о специфике психологического профиля военных руководителей (среднего звена), в котором именно эмоциональный интеллект — как процесс, включаемый в межличностные взаимодействия, — способствует преодолению отрицательного отношения к неопределенности. Об этом свидетельствуют также снижение межличностной интолерантности к неопределенности при повышении показателей внутриличностного эмоционального интеллекта у военных и тот факт, что именно контроль экспрессии своих эмоций выступил единственным предиктором отношения к неопределенности (при измерении ТН/ИТН по MSTAT).

Бóльшая толерантность к неопределенности в контрольной выборке невоенных, более 3/4 которой составляли управленцы среднего звена, была ожидаема. Наше исследование проявило и такой аспект их психологического профиля, как более автономное функционирование отношения к неопределенности и эмоционального интеллекта, показатели которых, напротив, взаимосвязаны в выборке военных руководителей.

В качестве парциально функционирующего можно рассматривать свойство *контроль экспрессии своих эмоций*, в выборке военных одновременно отрицательно связанное как с *толерантностью к неопределенности*, так и с *интолерантностью к неопределенности* в межличностных отношениях (МИТН по опроснику НТН). При учете того, что контроль экспрессии выступил значимым предиктором эффективности деятельности военных руководителей (по оценкам экспертов), а *толерантность к неопределенности* по другой методике (MSTAT) выступает предиктором *контроля экспрессии*, можно говорить об опосредствованном влиянии отношения к неопределенности — через звено ЭИ — на эффективность деятельности военных руководителей среднего звена.

Военных в нашей выборке характеризовала положительная связь *интолерантности к неопределенности* с интуитивным *пониманием эмоций* других людей, что не выявлено у невоенных лиц разных специальностей. Интерпретационной гипотезой может служить предположение о компенсаторной роли ЭИ, способствующего — и более выраженного у военных руководителей — ориентировке в «мире людей». Стремление к ясности в «мире идей», связанное с нормативным характером деятельности военнослужащего, не переносится на взаимодействия с сослуживцами: военные руководители, демонстрируя стремление к ясности, не проявляют интолерантности к неопределенности в сфере межличностных взаимодействий.

Успешность в управлении своими эмоциями выступает и предиктором успешности их деятельности. При распределении группы военнослужащих в две подгруппы на основе экспертной оценки того, насколько эффективно они справляются со своей профессиональной деятельностью, был установлен ряд дифференцирующих эти группы отличий. Более эффективными оказались лица с более высокими показателями *толерантности к неопределенности* по методике MSTAT и снижением *интолерантности к неопределенности в межличностных отношениях* по методике ИТН.

Проявление разных шкал двух методик измерения толерантности–интолерантности к неопределенности в связях с результативностью деятельности военных руководителей среднего звена и разные взаимосвязи со шкалами эмоционального интеллекта демонстрируют, с одной стороны, конвергентную валидность двух методик измерения отношения к неопределенности, а с другой стороны, их разную дифференцирующую роль в связях с другими психологическими переменными. Последнее подтверждает необходимость множественного измерения этих свойств, учитывая проблему надежности именно по отношению к этому классу средств [32].

Наиболее противоречивой в связях с показателями ТН–ИТН выглядит переменная внутриличностного эмоционального интеллекта *контроль экспрессии*. Психологические различия групп военнослужащих с разной эффективностью в профессиональной деятельности (по экспертным — внешним, непсихологическим критериям) включили кроме показателя *контроля экспрессии* своих эмоций также более высокие показатели *способности к осознанию своих эмоций* (В1 по ЭМИн) и суммарного *внутриличностного эмоционального интеллекта*.

Таким образом, нам удалось верифицировать ряд гипотез о роли свойств толерантности–интолерантности к неопределенности и эмоционального интеллекта как связанных с большей эффективностью военных руководителей. При этом мы выявили специфику связей этих свойств по отношению к их связям в контрольной группе взрослых лиц других специальностей. Непосредственное влияние на успешность деятельности военных руководителей оказывает контроль экспрессии как способность контролировать внешние проявления своих эмоций. Более толерантное (спокойное, позитивное) отношение к неопределенным ситуациям у военнослужащих связано с лучшим контролем экспрессии своих эмоций, более высоким внутриличностным эмоциональным интеллектом в целом и, видимо, снижает общий стресс и эмоциональный накал, что в свою очередь позволяет лучше регулировать собственные эмоции, проявляя самообладание в проблемных ситуациях.

Выводы

1. Военные руководители среднего звена отличаются от гражданских лиц, преимущественно представляющих управленцев среднего и нижнего звена, более высокой интолерантностью к неопределенности и более низкой толерантностью к неопределенности.

2. Военные руководители характеризуются более высоким эмоциональным интеллектом (по сравнению с гражданскими управленцами) и взаимосвязью эмоционального интеллекта с отношением к неопределенности.

3. У военных руководителей с повышением внутриличностного эмоционального интеллекта снижается межличностная интолерантность к неопределенности.

4. Шкалы толерантности/интолерантности к неопределенности по разным опросникам не коррелируют между собой, но проявляют конвергентные связи со шкалами эмоционального интеллекта.

5. Толерантность к неопределенности (по опроснику MSTAT) выступает предиктором контроля экспрессии эмоций у военных руководителей.

6. Интолерантность к неопределенности (по опроснику НТН) тем выше, чем выше показатели внутриличностного и межличностного интеллекта у военных руководителей, что не проявляется в выборке гражданских управленцев.

7. Толерантность и интолерантность к неопределенности и свойства эмоционального интеллекта позволяют охарактеризовать специфику психологического профиля военных руководителей с более высокой эффективностью в их служебной деятельности: большей эффективности способствуют более высокая толерантность к неопределенности (по MSTAT), принятие неопределенности в межличностных отношениях и более высокий внутриличностный эмоциональный интеллект.

Таким образом, нами показана необходимость анализа психологических предпосылок прогнозирования эффективности деятельности военных руководителей, в отличие от лиц контрольной группы (специалистов невоенных профессий).

Литература

1. Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М.: Альпина Паблишер, 2012. 301 с.

2. Бок Л. Работа рулит! Почему большинство людей в мире хотят работать именно в Google. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 384 с.

3. Решетников М. М. Психология войны: от локальной до ядерной. Прогнозирование состояния, поведения и деятельности людей. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2011. 496 с.

4. Стернберг Р. Дж., Форсайт Дж. Б., Хедланд Дж., Григоренко Е. Л. Практический интеллект. СПб.: Питер, 2002. 272 с.

5. Kingsley G., Reed P. Decision Process Models and Organizational Context: Level and Sector Make a Difference // *Public Productivity & Management Review*. 1991. Vol. 14, N 4. P. 397–413.

6. Moon M. Organizational Commitment Revised in New Public Management. Motivation, Organizational Culture, Sector and Managerial Level // *Public Productivity & Management Review*. 2000. Vol. 24, N 2. P. 177–194.

7. Божья-Воля А. А. Оценка результативности государственных служащих руководящего состава: международный опыт и российские перспективы // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2009. № 2. С. 81–103.

8. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 15.02.2016) «О воинской обязанности и военной службе» // СПС Консультант Плюс: Законодательство: Версия Проф. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260 (дата обращения: 10.04.2016).

9. Livingstone H., Nadjiwon-Foster M., Smithers S. Emotional Intelligence and Military Leadership. Report Prepared for the Canadian Forces Leadership Institute. Ottawa: DND, 2002. 54 p.

10. Fuller J. B., Patterson C. E., Hester K., Stringer D. Y. A quantitative review of research on charismatic leadership // *Psychological Reports*. 1996. Vol. 78, N 1. P. 271–287.

11. Lowe K. B., Kroeck K. G., Sivasubramaniam N. Effectiveness correlates of transformational and transactional leadership: A meta-analytic review of the MLQ literature. // *Leadership Quarterly*. 1996. Vol. 7, N 3. P. 385–425.

12. Друкер П. Ф. Эффективный руководитель. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. 481 с.

13. Полянова Л. М. Влияние уровня эмоционального интеллекта руководителя на эффективность управленческой деятельности: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2015. 25 с.

14. Joseph D. L., Newman D. A. Emotional Intelligence: An Integrative Meta-Analysis and Cascading Model // *Journal of Applied Psychology*. 2010. Vol. 95, N 1. P. 54–78.

15. McClelland D. Identifying Competencies with Behavioral-Event Interviews // *Psychological Science*. 1998. Vol. 9, N 5. P. 331–339.
 16. Barling J., Slater F., Kelloway E. K. Transformational leadership and emotional intelligence: An exploratory study // *The Leadership and Organizational Development Journal*. 2000. Vol. 21, N 3. P. 157–161.
 17. Егоров И. А. Влияние уровня эмоционального интеллекта руководителей организаций на выполнение управленческих функций: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 24 с.
 18. Кетс де Врис М. Мистика лидерства. Развитие эмоционального интеллекта / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2013. 277 с.
 19. Хлевная Е. А. Роль эмоционального интеллекта в эффективности деятельности (на примере руководителей): автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 28 с.
 20. Адизес И. К. Идеальный руководитель: почему им нельзя стать и что из этого следует. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 264 с.
 21. Lane M. S., Klenke K. The Ambiguity Tolerance Interface: A Modified Social Cognitive Model for Leading under Uncertainty // *Journal of Leadership & Organizational Studies*. 2004. Vol. 10, N 3. P. 69–81.
 22. Панкова Т. А. Роль эмоционального интеллекта в эффективности деятельности руководителя // *Психологические исследования: электрон. науч. журн*, 2010. № 2 (10). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 18.08.2015).
 23. Карнов А. В. Влияние эмоционального интеллекта на эффективность управленческой деятельности // *Психология XXI века*. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2008. Т. 1. С. 287–90.
 24. Корнилова Т. В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // *Психологические исследования*, 2015. Т. 8, № 40. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.09.2015).
 25. Зотова Е. Ю. Современные исследования толерантности к неопределенности в зарубежной психологии // *Вестник НГУ. Серия: Психология*. 2009. Т. 3, вып. 1. С. 147–155.
 26. Zenasni F., Besancon M., Lubart T. I. Creativity and Tolerance of Ambiguity: An Empirical Study // *Journal of Creative Behavior*. 2008. Vol. 4, N 1. P. 61–73.
 27. Корнилова Т. В. Толерантность к неопределенности и эмоциональный интеллект при принятии решений в условиях подсказки // *Психология. Журнал высшей школы экономики*. 2014. № 4. С. 19–36.
 28. Люсин Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // *Психологическая диагностика*. 2006. № 4. С. 3–22.
 29. Люсин Д. В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // *Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям* / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 264–278.
 30. Корнилова Т. В. Новый опросник толерантности–интолерантности к неопределенности // *Психологический журнал*. 2010. Т. 31, № 1. С. 74–86.
 31. Луковицкая Е. Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1998. 27 с.
 32. Корнилова Т. В., Чумакова М. А. Шкалы Толерантности и Интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // *Экспериментальная психология*. 2014. № 1. С. 46–54.
- Для цитирования:** Краснов Е. В., Корнилова Т. В. Эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности как предикторы результативности деятельности военных руководителей // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика*. 2016. Вып. 3. С. 28–43. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.304

References

1. Goulman D., Boiatsis R., Makki E. *Emotsional'noe liderstvo: Iskusstvo upravleniia liud'mi na osnove emotsional'nogo intellekta [Primal Leadership: Learning to Lead with Emotional Intelligence]*. Moscow, Alpina Publisher, 2012. 301 p. (In Russian)
2. Bok L. *Rabota rulit! Pochemu bol'shinstvo liudei v mire khotiat rabotat' imenno v Google [Work Rules!: Insights from Inside Google That Will Transform How You Live and Lead]*. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2015. 384 p. (In Russian)
3. Reshetnikov M. M. *Psikhologiya voyny: ot lokal'noi do iadernoi. Prognozirovaniie sostoianiiia, povedeniia i deiatel'nosti liudei [Psychology of war: from local to nuclear. Forecasting of people condition, behavior and activity]*. St. Petersburg, Vostochno-Evropeiskii Institut Psikhooanaliza Publ., 2011. 496 p. (In Russian)

4. Sternberg R. Dzh., Forsait Dzh. B., Khedland Dzh., Grigorenko E. L. *Prakticheskii intellect [Practical intelligence in everyday life]*. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 272 p. (In Russian)
5. Kingsley G., Reed P. Decision Process Models and Organizational Context: Level and Sector Make a Difference. *Public Productivity & Management Review*, 1991, vol. 14, no. 4, pp. 397–413.
6. Moon M. Organizational Commitment Revised in New Public Management. Motivation, Organizational Culture, Sector and Managerial Level. *Public Productivity & Management Review*, 2000, vol. 24, no. 2, pp. 177–194.
7. Bozh'ia-Volia A. A. Otsenka rezul'tativnosti gosudarstvennykh sluzhashchikh rukovodiashchego sostava: mezhdunarodnyi opyt i rossiiskie perspektivy [Performance assessment of senior civil servants: international practice and Russian Perspectives]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia [Questions state and municipal management]*, 2009, no. 2, pp. 81–103. (In Russian)
8. Federal'nyi zakon ot 28.03.1998 № 53-FZ (red. ot 15.02.2016) «O voinskoj obiazannosti i voennoi sluzhbe» [Federal law from 28.03.1998 № 53-FZ (edited 15.02.2016) "About military duty and military service"]. *SPS Konsul'tant Plus: Zakonodatel'stvo: Versiia Prof.* [SPS ConsultantPlus: Legislation: Version Prof.]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260 (accessed 10.04.2016). (In Russian)
9. Livingstone H., Nadjiwon-Foster M., Smithers S. *Emotional Intelligence and Military Leadership. Report Prepared for the Canadian Forces Leadership Institute*. Ottawa, DND, 2002. 54 p.
10. Fuller J. B., Patterson C. E., Hester K., Stringer D. Y. A quantitative review of research on charismatic leadership. *Psychological Reports*, 1996, vol. 78, no. 1, pp. 271–287.
11. Lowe K. B., Kroeck K. G., Sivasubramaniam N. Effectiveness correlates of transformational and transactional leadership: A meta-analytic review of the MLQ literature. *Leadership Quarterly*, 1996, vol. 7, no. 3, pp. 385–425.
12. Druker P. F. *Effektivnyi rukovoditel' [The Effective Executive]*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber, 2012. 481 p. (In Russian)
13. Polianova L. M. *Vliianie urovnia emotsional'nogo intellekta rukovoditelia na effektivnost' upravlencheskoi deiatel'nosti*. Authoref. diss. kand. sots. nauk [The level of leader's Emotional Intelligence influence on effectiveness of management activity: abstract of a thesis, candidate of social science. Thesis of PhD]. Moscow, 2015. 25 p. (In Russian)
14. Joseph D. L., Newman D. A. Emotional Intelligence: An Integrative Meta-Analysis and Cascading Model. *Journal of Applied Psychology*, 2010, vol. 95, no. 1, pp. 54–78.
15. McClelland D. Identifying Competencies with Behavioral-Event Interviews. *Psychological Science*, 1998, vol. 9, no. 5, pp. 331–339.
16. Barling J., Slater F., Kelloway E. K. Transformational leadership and emotional intelligence: An exploratory study. *The Leadership and Organizational Development Journal*, 2000, vol. 21, no. 3, pp. 157–161.
17. Egorov I. A. *Vliianie urovnia emotsional'nogo intellekta rukovoditelei organizatsii na vypolnenie upravlencheskikh funktsii*. Authoref. diss. kand. psikhol. nauk [The level of leader's Emotional Intelligence influence on management functions performance. Thesis of PhD]. Moscow, 2006. 24 p. (In Russian)
18. Kets de Vris M. *Mistika liderstva. Razvitie emotsional'nogo intellekta [The Leadership Mystique: a user's manual for the human enterprise]*. Transl. from Engl. Moscow, Alpina Publisher, 2013. 277 p. (In Russian)
19. Khlevnaia E. A. *Rol' emotsional'nogo intellekta v effektivnosti deiatel'nosti (na primere rukovoditelei)*. Authoref. diss. kand. psikhol. nauk [The role of emotional intelligence in performance effectiveness (evidence from leaders). Thesis of PhD]. Moscow, 2012. 28 p. (In Russian)
20. Adizes I. K. *Ideal'nyi rukovoditel': pochemu im nel'zia stat' i chto iz etogo sleduet [The Ideal Executive: Why You Cannot Be One and What to Do About It]*. Moscow, Alpina Publisher, 2007. 264 p. (In Russian)
21. Lane M. S., Klenke K. The Ambiguity Tolerance Interface: A Modified Social Cognitive Model for Leading under Uncertainty. *Journal of Leadership & Organizational Studies*, 2004, vol. 10, no. 3, pp. 69–81.
22. Pankova T. A. *Rol' emotsional'nogo intellekta v effektivnosti deiatel'nosti rukovoditelia [The role of emotional intelligence in leadership effectiveness]*. *Psikhologicheskie issledovaniia: elektron. nauch. zhurn. [Psychological research]*, 2010, no. 2 (10). Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 18.08.2015). (In Russian)
23. Karpov A. V. *Vliianie emotsional'nogo intellekta na effektivnost' upravlencheskoi deiatel'nosti [Emotional intelligence influence on management effectiveness]*. *Psikhologiya XXI veka. T. 1 [Psychology of XXI century. Vol. 1]*. Yaroslavl, YarGU Publ., 2008, pp. 287–290. (In Russian)
24. Kornilova T. V. *Printsip neopredelennosti v psikhologii vybora i riska [The principle of uncertainty in psychology of choice and risk]*. *Psikhologicheskie issledovaniia [Psychological research]*, 2015, vol. 8, no. 40, pp. 3. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 10.09.2015). (In Russian)

25. Zotova E. Iu. Sovremennye issledovaniia tolerantnosti k neopredelennosti v zarubezhnoi psikhologii [Modern researches of tolerance to uncertainty in foreign psychology]. *Vestnik NGU. Series: Psychology*, 2009, vol. 3, issue 1, pp. 147–155. (In Russian)
26. Zenasni F., Besancon M., Lubart T.I. Creativity and Tolerance of Ambiguity: An Empirical Study. *Journal of Creative Behavior*, 2008, vol. 4, no. 1, pp. 61–73.
27. Kornilova T. V. Tolerantnost' k neopredelennosti i emotsional'nyi intellekt pri priniatii reshenii v usloviakh podskazki [Tolerance for Uncertainty and Emotional Intelligence and the Use of Hints in Decision-Making]. *Psikhologiiia. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2014, no. 4, pp. 19–36. (In Russian)
28. Liusin D. V. Novaia metodika dlia izmereniia emotsional'nogo intellekta: oprosnik EmIn [New method of emotional intelligence measurement: EmIn questionnaire]. *Psikhologicheskaiia diagnostika* [Psychological diagnosis], 2006, no. 4, pp. 3–22. (In Russian)
29. Liusin D. V. Oprosnik na emotsional'nyi intellekt EmIn: novye psikhometricheskie dannye [Emotional intelligence questionnaire EmIn: new psychometrical data]. *Sotsial'nyi i emotsional'nyi intellekt: Ot protsessov k izmereniiam* [Social and emotional intelligence: from processes to measurement]. Eds D. V. Lyusin, D. V. Ushakov. Moscow, Publishing house "Psychology Institute RAN", 2009, pp. 264–278. (In Russian)
30. Kornilova T. V. Novyi oprosnik tolerantnosti–intolerantnosti k neopredelennosti [New questionnaire of tolerance-intolerance to uncertainty]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological magazine], 2010, vol. 31, no. 1, pp. 74–86. (In Russian)
31. Lukovitskaia E. G. *Sotsial'no-psikhologicheskoe znachenie tolerantnosti k neopredelennosti*. Authoref. diss. kand. psikhol. nauk [Socio-psychological significance of tolerance to uncertainty. Thesis of PhD]. St. Petersburg, 1998. 27 p. (In Russian)
32. Kornilova T. V., Chumakova M. A. Shkaly Tolerantnosti i Intolerantnosti k neopredelennosti v modifikatsii oprosnika S. Badnera [Scales of tolerance-intolerance to uncertainty in S. Badner questionnaire modification]. *Ekspertimental'naia psikhologiiia* [Experimental psychology], 2014, no 1, pp. 46–54. (In Russian)

For citation: Krasnov E. V., Kornilova T. V. Emotional intelligence and tolerance for uncertainty as result predictors of military leaders professional activity. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, 2016, issue 3, pp. 28–43. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.304

Статья поступила в редакцию 27 января 2016 г.

А. Д. Наследов, Л. Б. Киселева

АДАПТАЦИЯ «ОПРОСНИКА ПЕРФЕКЦИОНИЗМА»¹ ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ ПЕРФЕКЦИОНИСТСКИХ УСТАНОВОК СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ

В статье описываются процедура и результаты адаптации «Опросника перфекционизма» Н. Г. Гараян и А. Б. Холмогоровой для диагностики перфекционистских установок студентов первого курса технических вузов. Конфирматорный факторный анализ позволил с достаточно высоким уровнем надежности дифференцировать три шкалы опросника, которые воспроизводятся без изменений в различных половозрастных выборках студентов вузов. Шкалы идентифицированы как «Высокие стандарты и притязания», «Критическое отношение к себе и сомнения в собственных силах» и «Постоянное сравнение себя с другими при ориентации на самых успешных». Значения по шкале «Высокие стандарты и притязания» положительно коррелируют с учебной мотивацией, мотивацией к успеху, интересом к учебным дисциплинам и с оценкой их важности для образования студентов, что может свидетельствовать о позитивном (конструктивном) характере конструкта в учебной деятельности студентов первого курса технических вузов. Показатели шкалы «Критическое отношение к себе и сомнения в собственных силах», напротив, отрицательно коррелируют с учебной мотивацией и мотивацией к успеху и положительно — с трудностью освоения учебных дисциплин, что дает возможность выдвинуть предположение о негативном характере данного компонента перфекционистской установки. Связей шкалы «Постоянное сравнение себя с другими при ориентации на самых успешных» как с мотивацией, так и с отношением к предметам не обнаружено, однако данная шкала значительно коррелирует со шкалой «Критическое отношение к себе и сомнения в собственных силах». Разработаны тестовые нормы шкал перфекционистских установок студентов первого курса технических вузов. Библиогр. 37 назв. Ил. 1. Табл. 8.

Ключевые слова: адаптация «Опросника перфекционизма», перфекционизм, перфекционистские установки, конфирматорный факторный анализ, студенты, мотивация, интерес.

A. D. Nasledov, L. B. Kiseleva

ADAPTATION OF THE “PERFECTIONISM QUESTIONNAIRE” TO DIAGNOSE PERFECTIONIST ATTITUDES AMONG FIRST-YEAR TECHNICAL UNIVERSITY STUDENTS

The article describes the procedure and adaptation results of the “Perfectionism questionnaire” by N. G. Garanyan and A. B. Kholmogorova to diagnose perfectionist attitudes among first-year technical university students. A confirmatory factor analysis allows to differentiate three questionnaire scales which are reproduced unchanged in different sex and age samples of university students at a sufficiently high level of reliability. The scales are identified as “High standards and ambitions”, “Self-critical attitude and the lack of self-confidence” and “Constant comparison of yourself to those who are

Наследов Андрей Дмитриевич — кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; andrey.nasledov@gmail.com

Киселева Людмила Борисовна — старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, Российская Федерация, 190008, Санкт-Петербург, Лоцманская ул., 3; ludmila2405@rambler.ru

Nasledov A. D. — PhD, Associate Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; andrey.nasledov@gmail.com

Kiseleva L. B. — Senior lecturer, Saint-Petersburg State Marine Technical University, 3, Lotsmanskaya ul., St. Petersburg, 190008, Russian Federation; andrey.nasledov@gmail.com

¹ Авторы опросника: Н.Г. Гараян, А.Б. Холмогорова [1].

most successful". The values on the scale "High standards and ambitions" are positively correlated with learning motivation, motivation to success, interest in academic disciplines and their importance for education, which may indicate the positive (constructive) character of the constructor in educational activity of students. The indicators of the scale "Self-critical attitude and the lack of self-confidence", by contrast, are negatively correlated with learning motivation and motivation to success, and positively done with the difficulty of mastering academic disciplines, which gives the opportunity to put forward the assumption of the negative nature of the component of the perfectionist attitudes. The links between the scale "Constant comparison of yourself to those who are most successful" and both motivation and attitude to academic disciplines are not detected. However, "Constant comparison of yourself to those who are most successful" is significantly correlated with the scale "Self-critical attitude and the lack of self-confidence". Test norms of the scales to diagnose perfectionist attitudes among first-year technical university students are developed. Refs 37. Fig. 1. Tables 8.

Keywords: adaptation of the "Perfectionism Questionnaire", perfectionism, perfectionist attitudes, confirmatory factor analysis, university students, motivation, interest.

Введение

Проблема перфекционизма исследуется в рамках трех научно-методологических подходов: психоаналитического, когнитивного и бихевиориального. Систематическое изучение перфекционизма началось с работ психоаналитиков, которые описывали преимущественно невротические и нарциссические типы перфекционизма. В современных психоаналитических концепциях, помимо указанных выше типов перфекционизма, существует стилевой подход, при котором перфекционизм рассматривается как особый жизненный стиль нарциссической личности или как интегральная стилевая характеристика психической деятельности личности [2]. Все психоаналитические модели предполагают, что перфекционизм оказывает исключительно негативное влияние на личность. Бихевиориальные модели перфекционизма преследуют цель объяснить механизмы, лежащие в основе конструкта, а также дифференцировать позитивный и негативный перфекционизм [2]. Однако наиболее популярными моделями, которые привлекают внимание современных психологов, являются когнитивные модели перфекционизма.

Активное исследование параметров перфекционизма западными психологами в рамках когнитивного подхода началось с появления в 1990 г. методики П. Хьюитта и Г. Флетта «Многомерная шкала перфекционизма». Шкала содержит три подшкалы, дающие возможность оценить три аспекта феномена: перфекционизм, ориентированный на себя (установление чрезмерно высоких стандартов деятельности); перфекционизм, адресованный другим людям (предъявление чрезмерно высоких требований к другим) и социально ориентированный перфекционизм (ощущение индивида, что ему навязывают нереалистично высокие стандарты) [2–5]. Тогда же Р. Фростом была представлена собственная методика, которая также называлась «Многомерная шкала перфекционизма», однако шкал было уже шесть. Четыре из них оценивали Я-ориентированный перфекционизм: высокие личные стандарты, сомнения в собственных действиях, озабоченность ошибками, организованность, и в отдельные шкалы были выделены семейные аспекты перфекционизма: восприятие родительской критики и восприятие родительских ожиданий [4, 6].

Как можно заметить по наименованиям шкал первых и наиболее востребованных методик, представления о структуре перфекционизма у их авторов различны. Тем не менее большинство исследователей признают центральным в понятии

перфекционизма установление индивидом высоких стандартов деятельности, которые, однако, не всегда трактуются одинаково. Некоторые психологи рассматривают их как позитивные, качественные аспекты личности [6–9], в то время как другие полагают, что жесткие стандарты негативно влияют на психическое состояние индивида [1, 3, 4, 10, 11].

Р. Слейни, К. Райс и Д. Эшби являются авторами методики «Почти совершенная шкала», которая имеет пять подшкал: высокие стандарты, склонность к порядку, тревога, прокрастинация, проблемы в интерперсональных отношениях [2, 5, 9]. Впоследствии авторы отказались от некоторых шкал и в обновленную версию ввели новую шкалу, оценивающую то, насколько человек близок к совершенству. В результате появилась методика «Исправленная почти совершенная шкала», представленная тремя подшкалами: стандарты, порядок и расхождение — ощущение индивидом несоответствия между стандартами и реальными достижениями. Р. Слейни полагает, что расхождение (ощущение несоответствия) — ключевой фактор в определении адаптивности перфекционизма, его центральный аспект [2, 7, 9].

Проблема дифференциации позитивного и негативного перфекционизма остается одной из самых обсуждаемых в настоящее время, несмотря на то что впервые подробное описание признаков обоих видов перфекционизма было сделано Д. Хамачеком еще в 1978 г. По мнению автора, нормальный перфекционист отличается от невротического тем, что, несмотря на жесткие стандарты, которые он устанавливает для себя, он более адаптивен и не воспринимает собственные ошибки как катастрофу [5]. С целью дифференциальной диагностики перфекционизма в рамках бихевиориального подхода Л. Терри-Шотом разработана «Шкала позитивного и негативного перфекционизма» [12–14].

В России первые исследования перфекционизма были проведены в лаборатории клинической психологии и психотерапии Московского НИИ психиатрии Минздравсоцразвития РФ в 1990 г., то есть практически одновременно с появлением первых шкал оценки перфекционизма и всплеском интереса к феномену на Западе. Н. Г. Гаранян и А. Б. Холмогорова, опираясь на опыт психотерапевтической работы, выделили пять его параметров: 1. Завышенные (по сравнению с индивидуальными возможностями) стандарты деятельности и притязания. 2. Восприятие других людей как делегирующих высокие ожидания (искаженные социальные когниции). 3. Постоянное сравнение себя с окружающими при ориентации на самых успешных индивидов (персонализация). 4. Дихотомическая оценка результата деятельности и ее планирование по принципу «все или ничего» (поляризованное мышление). 5. Селектирование информации о собственных неудачах и ошибках (негативное селектирование). На основе данной концепции авторами был разработан и валидизирован «Опросник перфекционизма», который является первым и наиболее известным отечественным инструментом оценки конструкта [1].

В настоящем исследовании предпринята попытка адаптации методики для диагностики перфекционистских установок первокурсников технических вузов с последующей оценкой влияния этих установок на учебную мотивацию, мотивацию к успеху и отношение студентов к учебным дисциплинам общеобразовательного цикла. Выбор методики обусловлен тем, что она разработана отечественными учеными на российской выборке, дает возможность измерить пять параметров перфекционизма, ее валидность подтверждена многократными исследованиями [1, 10,

11, 15, 16], и его шкалы достаточно надежны по внутренней согласованности (коэффициент Альфа–Кронбаха от 0.6038 до 0.7855) [1, 10].

Данный инструмент был разработан с целью изучения перфекционизма у пациентов с расстройствами аффективного спектра. Опросник является психодиагностическим инструментом в условиях медицинской и психиатрической практики и предназначен для врачей-психиатров и психотерапевтов [16]. Пункты опросника основаны преимущественно на высказываниях пациентов, которые проходили лечение в формате когнитивной терапии [15]. Опросник апробирован и валидизирован Т. Ю. Юдеевой в 2008 г. при исследовании пациентов с депрессивными и тревожными расстройствами [1, 10].

Однако несмотря на то, что первоначально опросник разрабатывался для специфической группы респондентов, в дальнейшем он получил широкое применение при диагностике российских студентов. Сами авторы методики нередко применяли опросник на указанной выборке. Так, Н. Г. Гараян исследовала связь перфекционизма со студенческой дезадаптацией [17], влияние конструкта на прокрастинацию, показатели тревоги, депрессию и мотивацию студентов [18]; А. Б. Холмогорова на студенческой выборке обнаружила связь перфекционизма с социальной тревожностью [19]. М. В. Москова применяла методику для оценки эмоциональной дезадаптации студентов [20]. Л. Б. Киселева исследовала влияние перфекционизма на успешность студентов в английском языке [21]. Немалое количество статей опубликовано в последние годы М. В. Ларских, которая активно исследует феномен перфекционизма студентов, используя наряду с прочими методиками «Опросник перфекционизма» [22, 23]. Кроме этого, Опросник применялся не только для изучения перфекционизма у студентов, а также для оценки перфекционизма у преподавателей [24].

Учитывая постоянно возрастающий интерес к феномену перфекционизма и, как следствие, более частое обращение к известному Опроснику для диагностики студентов, авторы поставили перед собой задачу провести процедуру психометрической проверки инструмента на выборке студентов первого курса технических вузов с использованием современных методов статистической обработки данных.

Метод

Выборка. Респондентами исследования являлись 345 студентов первых курсов двух схожих по профилю обучения Санкт-петербургских университетов (возраст — от 18 до 21 года): Морского технического университета (171 чел.) и Университета морского и речного флота им. Макарова (174 чел.). Среди них 137 девушек и 208 юношей, обучающихся по техническим специальностям — 225 чел., по экономическим — 120 чел. Все респонденты дали информированное согласие на исследование, которое проводилось в конце семестра, перед началом летней сессии.

Материалы. В качестве основного стимульного материала использовался «Опросник перфекционизма» Н. Г. Гараян и А. Б. Холмогоровой, включающий 29 утверждений, на каждое из которых предлагалось четыре формы ответа: «безусловно, да» (4 балла), «пожалуй, да» (3 балла), «пожалуй, нет» (1 балл), «безусловно, нет» (0 баллов) [1, 18]. Первоначально авторами методики было выделено шесть факторов, но фактор «контроль над чувствами» не обладал достаточно высокими

показателями надежности, и пункты данной шкалы не были сгруппированы в отдельную шкалу. В связи с этим пять пунктов опросника не учитывались при оценке уровня перфекционизма. 29 утверждений распределились по шести шкалам следующим образом [16, с. 4–6].

Шкала 1. *«Восприятие других людей как делегирующих высокие ожидания (при постоянном сравнении себя с другими)»*

1. Когда меня хвалят, мне кажется, что я произвожу лучшее впечатление, чем я есть на самом деле.

2. Когда люди хвалят меня за что-либо выполненное мною, я боюсь, что я не смогу в будущем оправдывать их ожидания.

3. Я опасаясь, что важные для меня люди могут обнаружить, что я менее способный, чем они думали обо мне.

6. Мне часто кажется, что многие люди справляются с работой лучше, чем я.

9. Когда я добиваюсь хорошего результата в чем-либо, у меня возникают сомнения, смогу ли я повторить его.

10. Я часто сравниваю не в свою пользу мои способности со способностями окружающих и думаю, что они умнее и удачливее меня.

19. Творения других людей (книги, фильмы, какие-то другие полученными ими результаты) часто служат мне напоминанием того, как я мало достиг.

Шкала 2. *«Завышенные притязания и требования к себе»*

11. Я недоволен собой, если я не достиг максимально хорошего результата, возможного в данном виде деятельности.

16. Я никогда не останавливаюсь на достигнутом, добившись чего-то, сразу ставлю себе новую цель.

22. В своей работе я ориентируюсь на самые высокие стандарты.

23. За какое бы дело я не брался, меня не устраивает средний результат.

27. В самых разных ситуациях (даже не связанных с работой) ко мне приходит мысль о том, как мало я достиг.

Шкала 3. *«Высокие стандарты деятельности при ориентации на полюс самых успешных»*

5. Я редко выполняю разные виды деятельности настолько хорошо, насколько мне хотелось бы.

8. Когда я задумываюсь о своей жизни, мне кажется, что я достиг очень не-многого.

17. Если приложенные мною в какой-либо области усилия не приводят к осязаемому в реальной жизни результату, то я считаю, что это время потрачено зря, даже если в то время я получал удовольствие.

25. В моих неудачах меня не утешает мысль о людях со средними возможностями, которым тоже многое не удается.

26. В своих жизненных целях и задачах я ориентируюсь на людей способных и многого достигших.

Шкала 4. *«Селектирование информации о собственных неудачах и ошибках»*

4. Я чаще вспоминаю случаи, в которых я проявил себя не лучшим образом, чем эпизоды, когда я был на высоте.

13. После какого-либо не слишком удачного контакта я страшно расстраиваюсь и потом неделями все перебираю, что я сказал или сделал не так.

20. Я часто терзаюсь мыслями о собственном несовершенстве.

Шкала 5. «Поляризованное мышление — все или ничего»

12. Я часто отказываюсь от идеи написать письмо знакомым или друзьям, так как кажется невозможным описать в письме все, что произошло за последние годы.

21. Мне кажется, лучше не браться за дело вовсе, чем сделать его не очень хорошо.

28. Я убежден, что настоящий профессионализм исключает ошибки и провалы.

29. Я уверен, что настоящая дружба предполагает полное взаимопонимание во всем.

Шкала 6. «Контроль над чувствами» (в оригинальной методике не учитывается)

7. Похвалы и комплименты в мой адрес часто кажутся мне незаслуженными.

14. Я стараюсь быть выше любого недружелюбия в свой адрес и ругаю себя, если оно все же меня задевает.

15. Я чувствую дискомфорт, если люди, которых я ценю, не платят мне тем же, и делаю максимум, чтобы завоевать их расположение.

18. Если мне предстоит выступать перед аудиторией и я из-за этого волнуюсь, то сержусь на себя за то, что не в силах справиться с нервозностью.

24. Я склонен часто сравнивать себя с другими людьми.

Для валидации методики диагностики перфекционистских установок студентов были применены методики А. А. Реана и В. А. Якунина «Изучение мотивов учебной деятельности студентов» (модификация Н. Ц. Бадмаевой) [25], Т. Элерса «Методика диагностики личности на мотивацию к успеху» [26], В. А. Якунина и Н. И. Мешкова «Шкала для изучения отношения студентов» [27], а также «Индекс жизненного стиля Р. Плутчика» (адаптация Л. И. Вассермана) [28].

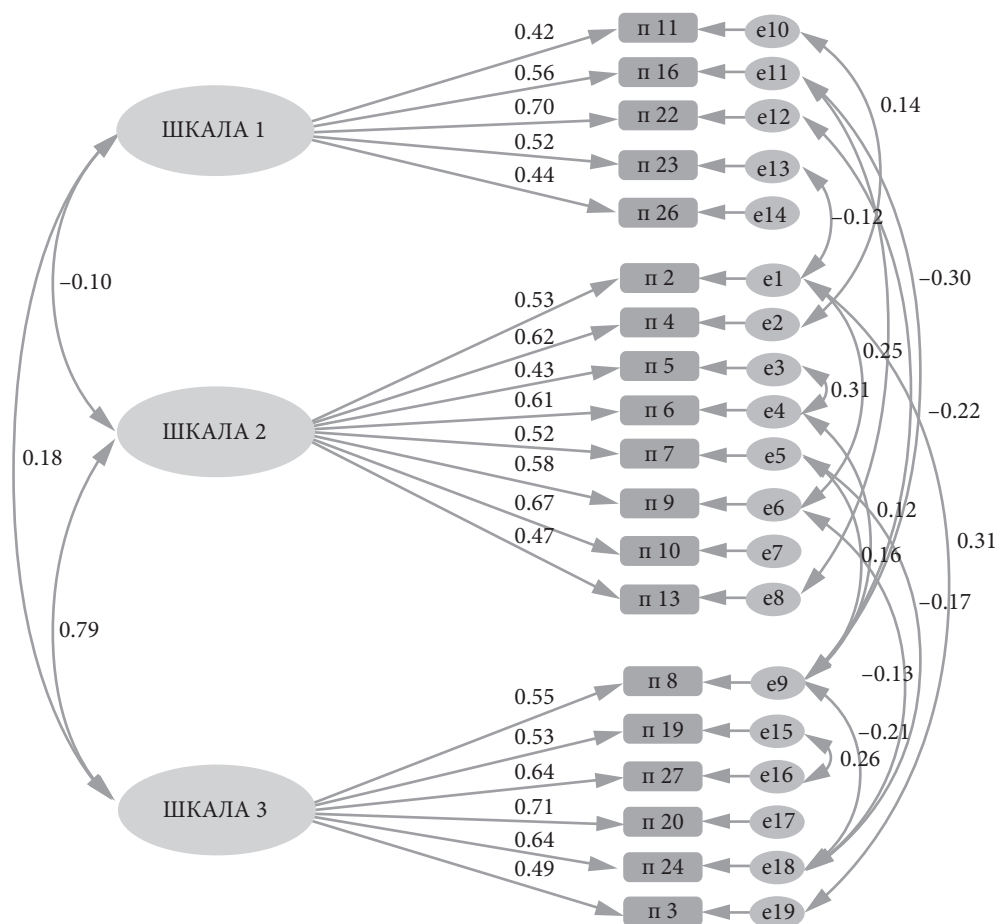
Результаты

Проверка факторной валидности шкал и их надежности. С целью проверки и коррекции факторной валидности шкал методики применялся конфирматорный факторный анализ (КФА) с использованием программы моделирования структурными уравнениями IBM SPSS AMOS 22 [29, 30]. Применение КФА позволяет получить ответы на три вопроса, принципиальных при разработке многошкального опросника: 1. Действительно ли каждый пункт опросника статистически значимо связан с данной шкалой. 2. Является ли связь каждого пункта с другими шкалами, к которым этот пункт не относится, пренебрежимо малой (равной нулю). 3. Отличается ли дисперсия каждого фактора (шкалы) статистически достоверно от нуля (в противном случае это фиктивная шкала, с нулевой дискриминативностью) [31, 32].

В качестве исходной априорной модели была взяты шесть факторов, первоначально выделенных авторами методики [1, 16] с соответствующими индикаторами (утверждениями) с нумерацией в соответствии с исходной методикой (см. раздел «Материалы» в данной статье). В связи с тем что эта модель плохо соответствовала исходным данным по известным индексам согласия [29, 30], далее она пошагово модифицировалась: устранялись статистически недостоверные или добавлялись

статистически достоверные связи, удалялись факторы, дисперсия которых близка к 0, удалялись пункты, которые являлись значимыми индикаторами более, чем для одного фактора. Итоговая (апостериорная) модель состоит из трех факторов и хорошо соответствует исходным данным по показателям индексов согласия, приведенным под схемой на рис. 1.

Корректность применения КФА подтверждается достаточной численностью выборки и многомерной нормальностью распределения переменных. Выборка является приемлемой по численности (N), если выполняется соотношение $N \gg 5T$ (где T — число оцениваемых параметров) [29, 33]. В нашем случае $N = 345$, $T = 55$, то есть для нашей модели численность выборки является приемлемой. Требование многомерной нормальности признается выполненным, если C.R. (Critical Ra-

CMIN=245.317; df= 135; p=0.000; GFI=0.932; CFI=0.934; RMSEA=0.049; Pclose=0.572

Рис. 1. Итоговая апостериорная модель структуры методики

Примечание: в прямоугольных контурах — явные переменные-индикаторы, в округлых контурах — латентные Факторы-Шкалы и «ошибки» измерения, числа у направленных стрелок — стандартизованные коэффициенты регрессии, числа у ненаправленных стрелок — величины корреляций между переменными.

tio — критическое отношение) многомерного эксцесса незначительно превышает 5 [29, 33]. В нашем случае $C.R. = 5,460$, что свидетельствует о несущественном отклонении от многомерной нормальности и применимости наиболее мощного метода анализа (ML — Maximum likelihood). Все оцениваемые параметры модели статистически достоверны: регрессионные коэффициенты ($p < 0,001$), дисперсии латентных переменных (шкал) ($p < 0,001$) и ковариаций (корреляций) между ошибками ($p < 0,05$). Корреляции между шкалами: 2 и 3 ($p < 0,001$), 3 и 1 ($p < 0,05$) — статистически достоверны, 1 и 2 ($p > 0,05$) — статистически недостоверны.

Для проверки инвариантности и факторной валидности модели в зависимости от пола и вуза студентов был проведен КФА отдельно для каждого вуза, для юношей и для девушек. Индексы согласия представлены в табл. 1.

Таблица 1. Индексы соответствия трехшкальной модели разным частям выборки данных

Выборка	CMIN	df	p	GFI	CFI	RMSEA	Pclose
СПбГМТУ	162,86	137	0,065	0,914	0,966	0,033	0,931
СПбГУМРФ	180,16	132	0,003	0,907	0,950	0,046	0,645
Юноши	151,48	127	0,068	0,932	0,974	0,031	0,972
Девушки	158,27	137	0,103	0,896	0,971	0,034	0,885

Модели для разных выборок оказались идентичными по составу индикаторов (явных переменных) и их связям с факторами и полностью соответствовали общей модели (рис. 1). Отличались эти модели только связями между ошибками измерения явных переменных. Индексы соответствия модели разным подвыборкам свидетельствуют о хорошей устойчивости трехшкальной общей модели и ее независимости от пола и вуза.

Надежность шкал проверялась по внутренней согласованности входящих в них пунктов с применением метода Альфа—Кронбаха [34, с. 306], с вычислением общего показателя Альфа и Альфа для шкалы, если пункт удален. Ни один из пунктов каждой шкалы не является лишним: при удалении любого из пунктов надежность шкалы снижается. Значения Альфа—Кронбаха: для шкалы 1 (0,649), шкалы 2 (0,772) и для шкалы 3 (0,732).

Далее для каждого респондента рассчитывался суммарный балл по каждой шкале как сумма входящих в него пунктов. Статистики асимметрии и эксцесса по модулю не превышают 1, следовательно, можно считать распределения для шкал приблизительно нормальными. Различия между средними в зависимости от пола, вуза и специальности проверялись при помощи трехфакторного дисперсионного анализа. Различия между средними для соответствующих подвыборок не обнаружены: главные эффекты факторов и их взаимодействий статистически недостоверны для каждой из шкал ($p > 0,1$). В табл. 2 приведены основные статистические показатели шкал: для всей выборки и в зависимости от пола.

Связь шкал методики с мотивами учебной деятельности студентов (методика А. Реана, В. Якунина) и их мотивацией к успеху (шкала Т. Элерса). Факторный анализ методики А. Реана и В. Якунина показал, что в первый фактор (до вращения) все пункты методики входят с факторной нагрузкой не ниже 0,4 и образуют

Таблица 2. Статистические нормы для шкал:
общие и в зависимости от пола

Пол		Шкала 1	Шкала 2	Шкала 3
ж	Среднее	13,93	13,39	10,96
	Стд. откл.	3,80	6,95	5,89
м	Среднее	13,14	12,32	10,09
	Стд. откл.	3,86	6,38	5,45
Всего	Среднее	13,46	12,74	10,43
	Стд. откл.	3,85	6,62	5,64

одну шкалу с высокой надежностью (Альфа—Кронбаха 0,820). Поэтому ответы по всем пунктам этой методики суммировались в одну шкалу «Учебная мотивация». В табл. 3 приведены корреляции Пирсона шкал методики с «Учебной мотивацией» и «Мотивацией к успеху».

Таблица 3. Корреляции шкал с «Учебной мотивацией»
и «Мотивацией к успеху» (N = 345)

Переменные		Шкала 1	Шкала 2	Шкала 3
Учебная мотивация	R Пирсона	,380**	-,138*	-,041
	p	,000	,011	,445
Мотивация к успеху	R Пирсона	,416**	-,165**	,001
	p	,000	,002	,992

Примечание: п/ж выделены статистически значимые связи.

* — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$.

Таким образом, шкала 1 на высоком уровне значимости положительно коррелирует как с учебной мотивацией, так и с мотивацией к успеху, шкала 2 отрицательно коррелирует с этими показателями, связь шкалы 3 с этими показателями не выявлена.

Связь шкал методики с отношениями студентов к учебным дисциплинам (методика В. А. Якунина и Н. Мешкова). В процессе исследования студентов просили выразить их отношение (важность, интерес, трудность) к четырем учебным дисциплинам общеобразовательного цикла: математике, физике (точные науки) и истории, английскому языку (гуманитарные предметы). По результатам факторного анализа (метод главных компонент) соответствующих 12 переменных было выделено три фактора: F1 — «Важность точных наук, интерес к ним», F2 — «Важность гуманитарных предметов, интерес к ним», F3 — «Трудность освоения учебных предметов». В табл. 4 представлены факторные нагрузки после Вари-макс-вращения.

Далее выделенные факторы вычислялись как новые переменные. В табл. 5 представлены корреляции Пирсона шкал разрабатываемой методики с факторами отношений к учебным дисциплинам.

Таблица 4. Факторная структура отношений студентов к учебным дисциплинам

Переменные	Факторы		
	1	2	3
Важность физики	,804		
Важность математики	,789		
Интерес к физике	,706		
Интерес к математике	,651		
Интерес к английскому		,735	
Важность истории		,723	
Важность английского		,649	
Интерес к истории		,591	
Трудность физики			,724
Трудность математики			,693
Трудность английского			,648
Трудность истории			,455

Примечание: нагрузки менее 0,4 не указаны.

Таблица 5. Корреляции шкал с отношениями студентов к учебным дисциплинам (N = 345)

Факторы отношений к учебным дисциплинам		Шкала 1	Шкала 2	Шкала 3
Важность точных наук, интерес к ним	R Пирсона	,226**	-,016	-,044
	p	,000	,760	,415
Важность гуманитарных предметов, интерес к ним	R Пирсона	,239**	,003	,056
	p	,000	,950	,302
Трудность освоения учебных предметов	R Пирсона	-,036	,142**	,090
	p	,511	,008	,094

Примечание: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; п/ж выделены статистически значимые связи.

Таким образом, шкала 1 положительно коррелирует с важностью для студентов точных и гуманитарных наук, и с интересом к ним. Шкала 2 положительно коррелирует с трудностью для студентов освоения учебных предметов.

Связь шкал методики с механизмами психологической защиты (методика Р. Плутчика). Применяемая методика «Индекс жизненного стиля» диагностирует восемь типов психологической защиты. Исходя из предположения, что защитное поведение характеризуется совместным действием нескольких типов защит, а также с целью снижения размерности данных мы применили факторный анализ (метод главных компонент) в отношении показателей этой методики (табл. 6).

Таким образом, выделены два фактора (блока) психологических защит. Все защиты, входящие в фактор М31, ориентированы, скорее, на внешнюю среду, а защиты М32 можно характеризовать как внутренние защиты [35]. Далее данные факторы были вычислены как новые переменные М31 и М32. В табл. 7 представлены корреляции шкал и факторов психологической защиты (М31, М32).

Таблица 6. Факторная структура типов психологических защит

Психологические защиты	Факторы	
	М31	М32
Регрессия	,795	
Замещение	,716	
Проекция	,693	
Компенсация	,632	
Отрицание		,631
Вытеснение		-,623
Реактивные образования		,579
Интеллектуализация		

Примечание: не указаны нагрузки менее 0,4 по абсол. величине.

Таблица 7. Корреляции шкал с факторами психологических защит (М31, М32)

Корреляции		Шкала 1	Шкала 2	Шкала 3
М31	R Пирсона	,150**	,344**	,427**
	p	,00521	,00000	,00000
М32	R Пирсона	,399**	-,123*	-,061
	p	,00000	,02264	,25934

Примечания: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; п/ж выделены статистически значимые связи.

Таблица 8. Тестовые нормы шкал перфекционистских установок студентов (таблицы перевода сырых баллов в стены)

Шкала 1 («Стандарты деятельности»)										
Уровни	низкий		ниже среднего		средний		выше среднего		высокий	
Стены	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
%	2.32	4.93	8.12	14.49	17.68	22.90	13.33	12.17	4.06	
Баллы	< 5	5-7	8-9	10-11	12-13	14-15	16-17	18-19	20	
Шкала 2 («Самокритичность»)										
Уровни	низкий		ниже среднего		средний		выше среднего		высокий	
Стены	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
%	0.87	4.35	9.57	15.36	19.42	21.74	11.59	10.72	4.35	2.03
Баллы	0	1-2	3-5	6-8	9-12	13-16	17-19	20-23	24-26	> 26
Шкала 3 («Ориентация на других»)										
Уровни	низкий		ниже среднего		средний		выше среднего		высокий	
Стены	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
%	1.74	4.93	7.54	14.49	20.58	20.58	12.46	11.30	3.77	2.61
Баллы	0	1-2	3-4	5-6	7-9	10-13	14-16	17-19	20-21	> 21

Таким образом, шкалы 1 и 2 статистически значимо коррелируют с двумя факторами психологических защит, но Шкала 1 сильнее (положительно) — с М32 ($R^2 > 0,15$), а шкала 2 сильнее (положительно) — с фактором М31 ($R^2 > 0,11$). шкала 3 значительно коррелирует с М31 ($R^2 > 0,18$).

Стандартизация методики производилась для всей выборки студентов ($N = 345$), с применением алгоритма нелинейной стандартизации [31; 34, с. 272]. Результаты стандартизации (тестовые нормы) представлены в табл. 8.

Обсуждение результатов

Факторная валидность. Результаты применения КФА свидетельствуют о трехшкальной структуре опросника. О существовании соответствующих трех конструктов и их дифференцирующей способности говорит их дисперсия, статистически значимо отличающаяся от 0 ($p < 0,001$). Факторную валидность этих шкал подтверждает отсутствие «пересечений» конструктов — каждый пункт (вопрос) опросника статистически значимо связан только с одним из факторов, а связь с другим фактором неотличима от 0, что убеждает в самостоятельности выделяемых этими шкалами латентных конструктов. Данная трехшкальная структура воспроизводится без изменений в различных по полу и вузу выборках студентов. Шкалы обладают достаточной надежностью по внутренней согласованности пунктов.

Содержательная валидность. Шкала 1 включает в себя почти все пункты оригинальной методики по шкале «Завышенные притязания и требования к себе». Однако п. 22 «Я ориентируюсь на самые высокие стандарты», как нам кажется, скорее соответствует шкале «Высокие стандарты», чем «Завышенные притязания». Данное допущение и наличие в выделенной шкале пункта из оригинальной шкалы «Высокие стандарты деятельности при ориентации на полюс самых успешных» (П. 26) позволили нам сделать предположение о принадлежности «высоких стандартов» и «притязаний» к одной шкале, что к тому же полностью соответствует концепции авторов методики о структуре перфекционизма [1, с. 95]. Таким образом, мы полагаем, что **шкала 1** может быть названа «**Высокие стандарты и притязания**».

Шкала 2 включает в себя четыре пункта шкалы «Восприятие других людей как делегирующих высокие ожидания (при постоянном сравнении себя с другими)», однако некоторые пункты, по нашему мнению, допускают также и другую интерпретацию. Так, п. 9 «Когда я добиваюсь хорошего результата в чем-либо, у меня возникают сомнения, смогу ли я повторить его» может выражать также сомнения в собственных силах, а п. 10 «Я часто сравниваю не в свою пользу мои способности со способностями окружающих и думаю, что они умнее и удачливее меня», кроме «постоянного сравнения себя с другими» подразумевает также самокритику. В шкалу 2 вошли два пункта из шкалы «Селектирование информации о собственных неудачах и ошибках», которые также можно интерпретировать как критическое отношение к собственным действиям, что, по нашему мнению, не вступает ни в какое противоречие с концепцией авторов методики. Например, п. 13 «После какого-либо не слишком удачного контакта я страшно расстраиваюсь и потом неделями все перебираю, что я сказал или сделал не так» помимо селектирования негативной информации также может подразумевать, по нашему мнению, самокритику. Таким образом, основываясь на полученной структурной модели и анализе выделенных

пунктов, мы предположили, что *шкала 2* может быть названа «*Критическое отношение к себе и сомнения в собственных силах*». Подобное предположение не противоречит концепции Д. Фроста, который выделяет «сомнения в собственных действиях» как один из компонентов структуры перфекционизма [4, с. 11]. В то же время П. Хьюит и Г. Флетт, раскрывая содержание Я-ориентированного перфекционизма, наряду с другим компонентами выделили «самокопание и самокритику» [4; 5, с. 161].

Шкала 3 включает в себя пункты из следующих шкал: «Восприятие других людей как делегирующих высокие ожидания (при постоянном сравнении себя с другими)» (2 пункта), «Высокие стандарты деятельности при ориентации на полюс самых успешных» (1 пункт), «Селектирование информации о собственных неудачах и ошибках» (1 пункт), «Завышенные притязания и требования к себе» (1 пункт) и п. 24 «Я склонен часто сравнивать себя с другими людьми», который не вошел ни в одну из оригинальных шкал. Несмотря на подобный разброс пунктов по оригинальным шкалам, нам представляется, что всех их можно объединить в *шкале 3* под общим названием «*Постоянное сравнение себя с другими при ориентации на самых успешных*», что полностью соответствует концепции авторов методики о структуре перфекционизма [1, с. 95].

Конвергентная и дивергентная валидность шкал. Шкала 1 «Высокие стандарты и притязания» имеет значимые положительные связи с учебной мотивацией. Полученные результаты, очевидно, свидетельствуют о том, что ориентированные на высокие стандарты студенты более мотивированы на академический успех, у них выше учебно-познавательная мотивация. Значительные корреляционные связи между шкалой «Высокие стандарты и притязания» и мотивацией к успеху ($r=0,416$) дают возможность предположить, что наличие высоких стандартов у студентов первых курсов технических вузов способствует усилению мотивации к успеху. Обнаружены также статистически достоверные положительные связи шкалы «Высокие стандарты и притязания» как с интересом студентов ко всем основным общеобразовательным учебным дисциплинам, так и с оценкой важности этих предметов для их образования.

Положительное влияние фактора «Высокие стандарты и притязания» на учебную мотивацию, мотивацию к успеху, интерес к учебным дисциплинам, а также оценку важности основных общеобразовательных предметов может свидетельствовать о его позитивном характере, то есть фактор «Высокие стандарты и притязания» для данной выборки студентов, по нашему мнению, можно рассматривать как позитивный (конструктивный) параметр перфекционизма. Сделанный на основании настоящего исследования вывод не противоречит работам зарубежных и отечественных ученых. Так, в концепции Р. Слейни высокие стандарты рассматриваются автором как адаптивные формы перфекционизма [9]. Р. Фрост в своей шестикомпонентной модели перфекционизма выделяет два фактора высшего порядка: «Позитивное стремление к достижениям» и «Дезадаптивная озабоченность оценкой» [2, 8]. В. А. Ясная и С. Н. Ениколопов рассматривают как одно из основных достоинств модели Р. Фроста наличие в ней не только негативных, но и позитивных форм перфекционизма [2]. Можно обнаружить также достаточное количество отечественных публикаций за последние 5 лет, которые посвящены изучению не только клинического, но и адаптивного перфекционизма. Так, А. А. Золотарева

предложила инструментарий для диагностики нормального и патологического типов перфекционизма — «Дифференциальный тест перфекционизма» [36]. М. В. Ларских ввела понятие «конструктивный перфекционизм педагога» [24], а также «конструктивный перфекционизм студента», под которым автор понимает интегративное личностное образование, которое, наряду с прочим, включает в себя «высокие требования к себе» и «притязания высокого уровня» [22, с. 49]. А. С. Распопова в диссертационном исследовании представила результаты изучения конструктивных проявлений перфекционизма в спорте, отмечая при этом, что отечественные работы посвящены преимущественно исследованию клинического перфекционизма, что контрастирует с исследованиями зарубежных коллег, которые активно изучают также и позитивные аспекты конструкта [37].

Фактор «Высокие стандарты и притязания» также сильно коррелирует с фактором психологических защит «внутреннего реагирования» М32, включающим «отрицание», «реактивные образования» и «вытеснение» (с обратным знаком), то есть с более зрелыми механизмами защиты, что дает нам основания предполагать наличие практичности и высокого самоконтроля у студентов, имеющих выраженные перфекционистские установки этого типа.

Шкала 2 «Критическое отношение к себе и сомнения в собственных силах», напротив, имеет статистически достоверные отрицательные связи с учебной мотивацией и мотивацией к успеху и положительные — с трудностью освоения учебных дисциплин. Эта шкала демонстрирует сильные корреляционные связи с фактором психологических защит «внешнего реагирования» М31 («регрессия», «замещение», «проекция», «компенсация») и отрицательную связь с фактором М32 (защитными механизмами «внутреннего реагирования»). На этом основании мы предположили наличие более примитивных механизмов защиты [35] у студентов с высокими показателями по шкале «Критическое отношение к себе и сомнения в собственных силах», чем у студентов, обладающих высокими показателями по шкале «Высокие стандарты и притязания», которые прибегают преимущественно к защитным механизмам «внутреннего реагирования». Студенты с ярко выраженной перфекционистской установкой «Критическое отношение к себе и сомнения в собственных силах» характеризуются сниженной мотивацией достижения успеха, более низкой учебной мотивацией, что дает нам основание сделать предположение о негативном (неконструктивном) характере такого типа перфекционистской установки у диагностируемых студентов в отношении указанных выше аспектов учебной деятельности.

Шкала 3 «Постоянное сравнение себя с другими при ориентации на самых успешных» не имеет статистически значимых связей ни с учебной мотивацией и мотивацией к успеху, ни с отношением к учебным дисциплинам, однако она значительно коррелирует со шкалой 2 «Критическое отношение к себе и сомнения в собственных силах». Данный факт может означать, что перфекционистская ориентация на высокие достижения других людей тесно связана с самокритичностью. Видимо, студентам с выраженной установкой на достижения других кажется, что другие справляются с работой лучше, в то время как они сами редко способны выполнить какой-либо вид деятельности настолько хорошо, насколько им хотелось бы. Кроме того, шкала «Постоянное сравнение себя с другими при ориентации на самых успешных», по сравнению с двумя другими шкалами, демонстрирует самую

сильную корреляционную связь в отношении психологических защит, причем только с фактором М31 (ее «внешних» видов). Это может свидетельствовать о том, что студенты с выраженной ориентацией на достижения других в большей степени склонны избегать сложных актуальных задач («регрессия»), чаще направляют негативные чувства на более безопасные объекты («замещение»), имеют тенденцию возлагать свою вину за неудачи на других («проекция»), стремятся восполнить неудачи в одной области достижениями в другой («компенсация») [35].

Заключение

Конфирматорный факторный анализ данных диагностики студентов по методике Н. Г. Гаранян, А. Б. Холмогоровой «Опросник перфекционизма» позволил получить адаптированный вариант оригинальной методики, надежный трехшкальный опросник, факторная валидность которого подтверждена на разных выборках студентов первого курса технических вузов. Настоящее исследование показало, что методика, предназначенная первоначально для измерения параметров перфекционизма у пациентов с депрессивными и тревожными расстройствами, в ее адаптированном виде применима для студенческой популяции — для диагностики перфекционистских установок у студентов первого курса технических вузов.

Изначально предполагалось, что перфекционистские установки студентов будут иметь сходные с клиническим перфекционизмом негативные эффекты. Однако оказалось, что только один из трех выделенных конструктов («Критическое отношение к себе и сомнения в собственных силах») продемонстрировал в данной выборке студентов влияние на снижение учебной мотивации и мотивации к успеху. Кроме того, студенты с высокими показателями по этому фактору отмечают трудность освоения для них всех общеобразовательных дисциплин. Неожиданным оказался и тот факт, что в процессе применения методики, предназначенной для измерения патологического перфекционизма, было обнаружено очевидное положительное влияние конструкта «Высокие стандарты и притязания» на учебную мотивацию и мотивацию к успеху, интерес и оценку важности учебных дисциплин, что дает возможность выдвинуть предположение о позитивном (конструктивном) характере этой стороны перфекционистских установок. Связь выделенных шкал с показателями негативного аффекта в настоящем исследовании не рассматривалась, так как авторы решали другие задачи, поэтому предположение о конструктивности шкалы «Высокие стандарты и притязания» можно сделать только в отношении указанных выше аспектов учебной деятельности для студентов первых курсов технических вузов.

Проблемой дополнительного исследования является уточнение конструктивной валидности шкал с использованием более широкого набора психологических конструктов и внешних критериев, в частности — учебной успешности.

Литература

1. Гаранян Н. Г., Юдеева Т. Ю. Структура перфекционизма у пациентов с депрессивными и тревожными расстройствами // Психологический журнал. 2009. Т. 30, № 6. С. 93–102.
2. Ясная В. А., Ениколопов С. Н. Современные модели перфекционизма // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 29. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 16.11.2015).

3. *Hewitt P.L., Flett G.L.* Perfectionism in the self and social contexts: Conceptualization, assessment, and association with psychopathology // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. Vol. 60, N 3. P.456–470.
4. *Flett G.L., Hewitt P.L.* Perfectionism and maladjustment: An overview of theoretical, definitional, and treatment issues // *Flett G.L., Hewitt P.L. Perfectionism: Theory, Research, and Treatment*. Washington: American Psychological Association, 2002. P.5–13.
5. *Ясная В.А., Ениколопов С.Н.* Перфекционизм: история изучения и современное состояние проблемы // *Вопросы психологии*. 2007. № 4. С. 157–167.
6. *Frost R. O., Marten P. A., Lahart C., Rosenblate R.* The dimensions of perfectionism // *Cognitive Therapy and Research*. 1990. Vol. 14, N 5. P.449–468.
7. *Gnilka P.B., Ashby J.S., Noble C.M.* Adaptive and maladaptive perfectionism as mediators of adult attachment styles and depression, hopelessness, and life satisfaction // *Journal of Counseling and Development*. 2013. Vol.91. P.78–86.
8. A comparison of two measures of perfectionism / *Frost R. O., Heimberg R., Holt C., Mattia J., Neubauer A.* // *Personality and Individual Differences*. 1993. Vol. 14. P.119–126.
9. *Slaney R. B., Rice K. G., Ashby J. S.* A programmatic approach to measuring perfectionism: The Almost Perfect Scales // *Flett G. L., Hewitt P. L. Perfectionism: Theory, Research, and Treatment*. Washington: Amer. Psychol. Assoc., 2002. P.63–88.
10. *Юдеева Т.Ю.* Перфекционизм как личностный фактор депрессивных и тревожных расстройств: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 23 с.
11. *Гаранян Н.Г.* Типологический подход к изучению перфекционизма // *Вопросы психологии*. 2009. № 6. С. 52–60.
12. *Terry-Short L., Owens R., Slade P., Dewey M.* Positive and negative perfectionism // *Personality and Individual Differences*. 1995. Vol. 18 (5). P.663–668.
13. The relationship between perfectionism and academic achievement, depression and anxiety / *Roohafza H., Afshar H., Sadeghi M., Soleymani B., Saadaty A., Matinpour M., Asadollahi G.* // *Iranian Journal of Psychiatry and Behavioral Sciences*. 2010. Vol. 4 (2). P.31–36.
14. *Pahlavani H. A., Alam S., Monazami M., Bahmaei S.* The relationship of positive and negative perfectionism with competitive state anxiety in adolescent players // *Annals of Biological Research*. 2013. Vol. 4 (5). P.216–221.
15. *Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б., Юдеева Т.Ю.* Перфекционизм, депрессия и тревога // *Московский психотерапевтический журнал*. 2001. № 4. С. 18–48.
16. *Гаранян Н.Г., Юдеева Т.Ю.* Диагностика перфекционизма при расстройствах аффективно-ного спектра: пособие для врачей. М.: ФГУ «Московский НИИ психиатрии Федерального агентства здравоохранения», 2008. 19 с.
17. *Гаранян Н.Г., Андрусенко Д.А., Хломов И.Д.* Перфекционизм как фактор студенческой дезадаптации // *Психологическая наука и образование*. 2009. № 1. С. 72–81.
18. *Гаранян Н.Г., Низовцева А.А.* Структура мотива достижения у студентов с разным уровнем перфекционизма // *Электронный журнал «Психологическая наука и образование»*. 2012. № 1. С. 1–13. URL: www.psyedu.ru (дата обращения: 14.01.2016).
19. *Павлова Т.С., Холмогорова А.Б.* Психологические факторы социальной тревожности в студенческом возрасте // *Консультативная психология и психотерапия*. 2011. № 1. С. 29–43.
20. *Москова М.В.* Личностные факторы эмоциональной дезадаптации студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 25 с.
21. *Киселева Л.Б.* Уровень перфекционизма у студентов с различной успеваемостью по английскому языку // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2015. № 11(55). С. 427–441. URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 21.01.2016)
22. *Ларских М.В.* Конструктивный перфекционизм студента: сущность, структура, критерии и показатели // *Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования*. 2014. № 2. С. 48–51.
23. *Ларских М.В.* Индивидуально-типологические детерминанты перфекционизма студента // *Известия ВГПУ*. 2015. № 2 (267). С. 227–231.
24. *Ларских М.В.* Формирование конструктивного перфекционизма педагога: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тамбов, 2011. 28 с.
25. *Бадмаева Н.Ц.* Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей: Монография. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2004. С. 151–154.
26. *Столяренко Л.Д.* Основы психологии. Практикум. Ростов н/Д.: «Феникс», 2005. С. 513–515.
27. *Мешков Н.И., Якунин В.А.* Психолого-педагогические факторы учебной успешности студентов // *Вестн. Ленингр. ун-та*. 1980. Вып. 2, № 11. С. 55–59.

28. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля: пособие для психологов и врачей / Вассерман Л. И., Ерышев О. Ф., Клубова Е. Б., Петрова Н. Н., Беспалько И. Г., Беребин М. А., Савельева М. И., Тауменова Л. М., Штрахова А. В., Аристова Т. А., Осадчий И. М. СПб.: Изд-во НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2005. 54 с.

29. *Byrne B. M. Structural Equation Modeling with AMOS: Basic Concepts, Applications, and Programming* (2nd ed.) (Multivariate applications series). New York: Taylor & Francis Group, 2010. 396 p.

30. *Наследов А. Д. IBM SPSS 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных*. СПб.: Питер, 2013. 416 с.

31. *Наследов А. Д., Семенов В. Ю.* Модификация шкалы социального интеллекта Tromso для российских школьников // *Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 12.* 2015. Вып. 4. С. 5–21.

32. *Славинская И. С., Наследов А. Д., Дворецкая М. Я.* Разработка методики диагностики нравственных ориентаций // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2015. № 1 (45). С. 3–26. URL: <http://ej.soc-journal.ru> (дата обращения: 12.12.2015).

33. *Kline R. B. Principles and practice of structural equation modeling*. 3rd ed. New York: The Guilford Press, 2011. 432 p.

34. *Шмелев А. Г.* Практическая тестология. Тестирование в образовании, прикладной психологии и управлении персоналом. М.: ООО «ИПЦ «Маска», 2013. 688 с.

35. *Тулубьева Т. В.* Психологическая защита и особенности личности в юношеском возрасте: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2001. 173 с.

36. *Золотарева А. А.* Диагностика индивидуальных различий перфекционизма личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 25 с.

37. *Распопова А. С.* Возрастные особенности проявления перфекционизма в спорте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2012. 24 с.

Для цитирования: Наследов А. Д., Киселева Л. Б. Адаптация «Опросника перфекционизма» для диагностики перфекционистских установок студентов первого курса технических вузов // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика*. 2016. Вып. 3. С. 44–64. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.305

References

1. Garanian N.G., Iudeeva T.Iu. Struktura perfektsionizma u patsientov s depressivnymi i trevozhnymi rasstroistvami [The structure of perfectionism among patients with depressive and anxiety disorders]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]*, 2009, vol. 30, no. 6, pp. 93–102. (In Russian)

2. Iasnaia V.A., Enikolopov S.N. Sovremennye modeli perfektsionizma [Contemporary models of perfectionism]. *Psikhologicheskie issledovaniia [Psychological studies]*, 2013, vol. 6, no. 29, p. 1. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 16.11.2015). (In Russian)

3. Hewitt P.L., Flett G.L. Perfectionism in the self and social contexts: Conceptualization, assessment, and association with psychopathology. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1991, vol. 60, no. 3, pp. 456–470.

4. Flett G.L., Hewitt P.L. Perfectionism and maladjustment: An overview of theoretical, definitional, and treatment issues. *Flett G.L., Hewitt P.L. Perfectionism: Theory, Research, and Treatment*. Washington, American Psychological Association, 2002, pp. 5–13.

5. Iasnaia V.A., Enikolopov S.N. Perfeksionizm: istoriia izucheniia i sovremennoe sostoianie problemy [Perfectionism: history of research and current state of the problem]. *Voprosy psikhologii [Issues of psychology]*, 2007, no. 4, pp. 157–167. (In Russian)

6. Frost R.O., Marten P.A., Lahart C., Rosenblate R. The dimensions of perfectionism. *Cognitive Therapy and Research*, 1990, vol. 14, no. 5, pp. 449–468.

7. Gnilka R.V., Ashby J.S., Noble C.M. Adaptive and maladaptive perfectionism as mediators of adult attachment styles and depression, hopelessness, and life satisfaction. *Journal of Counseling and Development*, 2013, vol. 91, pp. 78–86.

8. Frost R.O., Heimberg R., Holt C., Mattia J., Neubauer A. A comparison of two measures of perfectionism. *Personality and Individual Differences*, 1993, vol. 14, pp. 119–126.

9. Slaney R.B., Rice K.G., Ashby J.S. A programmatic approach to measuring perfectionism: The Almost Perfect Scales. *Flett G.L., Hewitt P.L. Perfectionism: Theory, Research, and Treatment*. Washington, Amer. Psychol. Assoc. Publ., 2002, pp. 63–88.

10. Iudeeva T.Iu. *Perfeksionizm kak lichnostnyi faktor depressivnykh i trevozhnykh rasstroivstv*. Autoref. diss. kand. psikhol. nauk [Perfectionism as a personality factor of depressive and anxiety disorders. Thesis of PhD]. Moscow, 2007. 23 p. (In Russian)

11. Garanian N.G. Tipologicheskii podkhod k izucheniiu perfektsionizma [Typological approach to studying perfectionism]. *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology], 2009, no. 6, pp. 52–60. (In Russian)
12. Terry-Short L., Owens R., Slade P., Dewey M. Positive and negative perfectionism. *Personality and Individual Differences*. 1995, vol. 18 (5), pp. 663–668.
13. Roohafza H., Afshar H., Sadeghi M., Soleymani B., Saadaty A., Matinpour M., Asadollahi G. The relationship between perfectionism and academic achievement, depression and anxiety. *Iranian Journal of Psychiatry and Behavioral Sciences*, 2010, vol. 4 (2), pp. 31–36.
14. Pahlavani H.A., Alam S., Monazami M., Bahmaei S. The relationship of positive and negative perfectionism with competitive state anxiety in adolescent players. *Annals of Biological Research*, 2013, vol. 4 (5), pp. 216–221.
15. Garanian N.G., Kholmogorova A.B., Iudeeva T.Iu. Perfektsionizm, depressiia i trevoga [Perfectionism, depression and anxiety]. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal*, 2001, no. 4, pp. 18–48. (In Russian)
16. Garanian N.G., Iudeeva T.Iu. *Diagnostika perfektsionizma pri rasstroivstvakh affektivnogo spektra. Posobie dlia vrachei* [Diagnosis of perfectionism in disorders of the affective spectrum. Manual for doctors]. Moscow, FGU “Moscow research Institute of psychiatry of the Federal Agency of Healthcare” Publ., 2008. 19 p. (In Russian)
17. Garanian N.G., Andrusenko D.A., Khlovov I.D. Perfektsionizm kak faktor studencheskoi dezadaptatsii [Perfectionism as a factor of student maladjustment]. *Psikhologicheskaiia nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2009, no. 1, pp. 72–81. (In Russian)
18. Garanian N.G., Nizovtseva A.A. Struktura motiva dostizheniia u studentov s raznym urovnem perfektsionizma [The structure of the achievement motive among students with different levels of perfectionism]. *Elektronnyi zhurnal «Psikhologicheskaiia nauka i obrazovanie»* [Electronic journal “Psychological science and education”], 2012, no. 1, pp. 1–13. Available at: www.psyedu.ru (accessed 14.01.2016) (In Russian)
19. Pavlova T.S., Kholmogorova A.B. Psikhologicheskie faktory sotsial’noi trevozhnosti v studencheskom vozraste [Psychological factors of social anxiety at student’s age]. *Konsul’tativnaia psikhologiiia i psikhoterapiia* [Counseling psychology and psychotherapy], 2011, no. 1, pp. 29–43. (In Russian)
20. Moskova M.V. *Lichnostnye faktory emotsional’noi dezadaptatsii studentov*. Authoref. diss. kand. psikhol. nauk [Personal factors of emotional maladjustment of students Thesis of PhD]. Moscow, 2008. 25 p. (In Russian)
21. Kiseleva L.B. Uroven’ perfektsionizma u studentov s razlichnoi uspevaemost’iu po angliiskomu iazyku [The level of perfectionism among students with different academic performance in English]. *Sovremennye issledovaniia sotsial’nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)* [Modern research of social problems (electronic scientific journal)], 2015, no. 11 (55), pp. 427–441. Available at: www.sisp.nkras.ru (accessed 21.01.2016). (In Russian)
22. Larskikh M.V. Konstruktivnyi perfektsionizm studenta: sushchnost’, struktura, kriterii i pokazateli [Constructive perfectionism of students: essence, structure, criteria and indicators]. *Vestnik VGU. Serii: Problemy vysshego obrazovaniia* [Scientific bulletin of VSU. Series: Problems of higher education], 2014, no. 2, pp. 48–51. (In Russian)
23. Larskikh M.V. Individual’no-tipologicheskie determinanty perfektsionizma studenta [Individual and typological determinants of student’s perfectionism]. *Izvestiia VGPU* [Scientific bulletin of the Volgograd State Pedagogical University], 2015, no. 2 (267), pp. 227–231. (In Russian)
24. Larskikh M.V. *Formirovanie konstruktivnogo perfektsionizma pedagoga*. Authoref. diss. kand. psikhol.nauk [Forming of teacher’s constructive perfectionism. Thesis of PhD]. Tambov, 2011. 28 p. (In Russian)
25. Badmaeva N. Ts. *Vliianie motivatsionnogo faktora na razvitie umstvennykh sposobnostei: Monografiia* [The influence of motivational factors on the development of mental abilities. Monography]. Ulan-Ude: VSGTU, 2004, pp. 151–154. (In Russian)
26. Stoliarenko L.D. *Osnovy psikhologii. Praktikum* [Fundamentals of psychology. Workshop]. Rostov-on-Don, 2005, pp. 513–515. (In Russian)
27. Meshkov N.I., Iakunin V.A. Psikhologo-pedagogicheskie faktory uchebnoi uspekhnosti studentov [Psychological and pedagogical factors of students’ educational success]. *Vestn. Leningr. un-ta*, 1980, no. 11, vol. 2, pp. 55–59. (In Russian)
28. Vasserman L.I., Eryshev O.F., Klubova E.B., Petrova N.N., Bepal’ko I.G., Berebin M.A., Saveleva M.I., Taukenova L.M., Shtrakhova A.V., Aristova T.A., Osadchii I.M. *Psikhologicheskaiia diagnostika indeksa zhiznennogo stilia. Posobie dlia psikhologov i vrachei* [Psychological diagnostics of index life-style. The manual for psychologists and doctors]. St. Petersburg, NIPNI after V.M. Bekhterev, 2005. 54 pp. (In Russian)

29. Byrne B. M. *Structural Equation Modeling with AMOS: Basic Concepts, Applications, and Programming (2nd ed.) (Multivariate applications series)*. New York, Taylor & Francis Group, 2010. 396 p.
30. Nasledov A. D. *IBM SPSS 20 i AMOS: professional'nyi statisticheskii analiz dannykh [IBM SPSS 20 and AMOS: professional statistical data analysis]*. St. Petersburg, Piter Publ., 2013. 416 p. (In Russian)
31. Nasledov A. D., Semenov V. Iu. Modifikatsiia shkaly sotsial'nogo intellekta Tromso dlia rossiiskikh shkol'nikov [Modification of the Tromso social intelligence scale to the Russian school pupils]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 12. Sociology*, 2015, no. 12–4, pp. 17–27. (In Russian)
32. Slavinskaia I. S., Nasledov A. D., Dvoret'skaia M. Ia. Razrabotka metodiki diagnostiki npravstvennykh orientatsii [Development of the diagnosis method of moral orientations]. *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal) [Recent studies of social problems (electronic scientific journal)]*, 2015, no. 1 (45), pp. 3–26. Available at: <http://ej.soc-journal.ru> (accessed 12.12.2015). (In Russian)
33. Kline R. B. *Principles and practice of structural equation modeling. 3rd ed.* New York, The Guilford Press, 2011. 432 p.
34. Shmelev A. G. *Prakticheskaia testologiya. Testirovanie v obrazovanii, prikladnoi psikhologii i upravlenii personalom [Practical testology. Testing in education, applied psychology and human resource management]*. Moscow, OOO "IPTs 'Maska'", 2013. 688 p. (In Russian)
35. Tulupëva T. V. *Psikhologicheskaiia zashchita i osobennosti lichnosti v iunosheskom vozraste*. Diss. ... kand. psikhol. nauk [Psychological protection and features of personality in adolescence. PhD diss.]. St. Petersburg, 2001. 173 p. (In Russian)
36. Zolotareva A. A. *Diagnostika individual'nykh razlichii perfektsionizma lichnosti*. : Autoref. diss. kand. psikhol. nauk [Diagnosis of individual differences in perfectionist personality. Thesis of PhD]. Moscow, 2012. 25 p. (In Russian)
37. Raspopova A. S. *Vozrastnye osobennosti proiavleniia perfektsionizma v sporte*. Autoref. diss. kand. psikhol. nauk [Age features of perfectionism manifestation in sport. Thesis of PhD]. Krasnodar, 2012. 24 p. (In Russian)

For citation: Nasledov A. D., Kiseleva L. B. Adaptation of the "Perfectionism questionnaire" to diagnose perfectionist attitudes among first-year technical university students. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, 2016, issue 3, pp. 44–64. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.305

Статья поступила в редакцию 1 марта 2016 г.

Инструкция: Уважаемые студенты! Выразите, пожалуйста, согласие или несогласие с каждым из 19 утверждений, сделав отметку в соответствующей графе.

Утверждения	Безусловно, да	Пожалуй, да	Пожалуй, нет	Безусловно, нет
1. Когда меня хвалят, мне кажется, что я произвожу лучшее впечатление, чем я есть на самом деле.				
2. Я опасаясь, что важные для меня люди могут обнаружить, что я менее способный, чем они думали обо мне				
3. Я чаще вспоминаю случаи, в которых я проявил себя не лучшим образом, чем эпизоды, в которых был на высоте.				
4. Я редко выполняю разные виды деятельности настолько хорошо, насколько мне хотелось бы.				
5. Мне часто кажется, что многие люди справляются с работой лучше, чем я.				
6. Похвалы и комплименты в мой адрес часто кажутся мне незаслуженными.				
7. Когда я задумываюсь о своей жизни, мне кажется, что я достиг очень немногого.				
8. Когда я добиваюсь хорошего результата в чем-либо, у меня возникают сомнения, смогу ли я повторить его.				
9. Я часто сравниваю не в свою пользу мои способности со способностями окружающих и думаю, что они умнее и удачливее меня.				
10. Я недоволен собой, если я не достиг максимально хорошего результата, возможного в данном виде деятельности.				
11. После какого-либо не слишком удачного контакта я страшно расстраиваюсь и потом неделями все перебираю, что я сказал или сделал не так.				
12. Я никогда не останавливаюсь на достигнутом, добившись чего-то, сразу ставлю себе новую цель.				
13. Творения других людей (книги, фильмы, какие-то другие полученные ими результаты) часто служат мне напоминанием того, как я мало достиг.				
14. Я часто терзаюсь мыслями о собственном несовершенстве.				
15. В своей работе я ориентируюсь на самые высокие стандарты.				
16. За какое бы дело я ни брался, меня не устраивает средний результат				
17. Я склонен часто сравнивать себя с другими людьми.				
18. В своих жизненных целях и задачах я ориентируюсь на людей способных и многого достигших.				
19. В самых разных ситуациях ко мне приходит мысль о том, как мало я достиг.				

Обработка и интерпретация результатов

По каждой шкале необходимо подсчитать «сырой балл», суммируя баллы по каждому пункту конкретной шкалы:

«безусловно, да» — 4 балла;

«пожалуй, да» — 3 балла;

«пожалуй, нет» — 1 балл;

«безусловно, нет» — 0 баллов.

Шкала «Стандарты деятельности», утверждения: 11, 16, 22, 23, 26.

Шкала «Самокритика», утверждения: 2, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 13.

Шкала «Ориентация на других», утверждения: 3, 8, 19, 20, 24, 27.

Для исследовательских целей рекомендуется применять «сырые баллы». Для интерпретации результатов индивидуального тестирования следует применять стандартные оценки по шкале стенов. Перевод сырых баллов в стенов производится при помощи табл. 8.

Г. К. Кислица

ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ПЕРЕЖИВАНИЯ БЛАГОДАРНОСТИ

Статья посвящена изучению феномена благодарности. Рассмотрена актуальность исследования позитивных сторон жизни человека, в том числе благодарности. Приведены данные эмпирического исследования феномена благодарности с помощью контент-анализа. Проанализировано 45 различных жизненных ситуаций, запускающих переживание благодарности. Выявлены характеристики переживания благодарности и ее психотерапевтический потенциал. Поставлен ряд вопросов для дальнейшего исследования феномена благодарности. Библиогр. 32 назв. Табл. 1.

Ключевые слова: переживание благодарности, психологические ресурсы, психотерапевтический потенциал.

G. K. Kislica

STUDY ON THE PHENOMENON OF GRATITUDE

The article is devoted to studying the experience of the phenomenon of gratitude. The importance of the positive side of human life including gratitude is explored. 45 everyday situations inducing gratitude experience are analyzed. The psychotherapeutic potential of gratitude is highlighted. The further prospects or research are sketched. Refs 32. Table 1.

Keywords: the experience of gratitude, psychological resources, psychotherapeutic potential.

В современном мире большое внимание уделяется вопросам душевного и социального благополучия как неотъемлемым компонентам понятия «здоровье». В частности, в условиях увеличивающегося темпа жизни, значительно возросших информационных нагрузок весьма актуальна тема поиска и использования психологических ресурсов личности. Опора на них может быть ключевым моментом в саморегуляции как в повседневной жизни, так и в сложных жизненных ситуациях.

Долгое время психология в большей степени концентрировалась на изучении негативных сторон жизни с целью «понять и обезвредить» их влияние на психику и здоровье человека. Выход на сцену на рубеже XX–XXI вв. направления, которое было названо позитивной психологией [1], положило начало активному изучению позитивных сторон жизни человека. В рамках этого направления поиск и развитие индивидуальных достоинств в большей степени способствуют успеху и удовлетворению, чем длительная трата сил на попытки исправления своих слабостей [2]. Прямым следствием этого стало изучение различных позитивных явлений, состояний, черт характера человека, которые при включении их в жизнь могут служить ресурсом и опорой для положительной адаптации к реалиям современного мира.

Одним из таких явлений, на наш взгляд, может быть феномен благодарности. Благодарность как форма взаимодействия человека с миром известна давно. Однако систематическое исследование благодарности в рамках психологической

Кислица Галина Константиновна — психолог, ОАО Реабилитационный центр для инвалидов «Преодоление», 127083, Российская Федерация, Москва, ул. 8-го Марта, 6А, стр. 1; galkis-1@yandex.ru

Kislica Galina K. — psychologist, Rehabilitation Center “Overcoming”, 6A, bild. 1, ul. 8 Marta, Moscow, 127083, Russian Federation; galkis-1@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

науки началось относительно недавно и проводилось в основном в зарубежной практике [3–5]. Зарубежные данные позволяют предположить, что диспозиционно благодарные люди чаще способны практиковать позитивный взгляд на мир, осуществляя селекцию происходящих событий сквозь «розовые очки» благодарности. В свою очередь, эта схема подкрепляет встречное отношение других людей — «мир соглашается». Благодарные люди склонны чаще использовать конструктивные копинг-стратегии — инструментальное поведение и поиск социальной поддержки. Это побуждает их раньше замечать социальные ресурсы и использовать их, проявлять целеустремленность и энергию в решении проблем, что способствует достижению успеха.

Так же привычные хорошие эмоции предохраняют от психических нарушений; опыт благодарности, которая сцеплена со многими позитивными переживаниями, способен изменить эмоциональный баланс человека к лучшему.

Результаты зарубежных исследований не всегда можно напрямую перенести на нашу действительность в силу особенностей российской ментальности [6, 7], которой, по мнению И. А. Джидарьян, присуща «крайняя антиномичность и двойственность, удивительная способность объединять противоположное и взаимоисключающее» [8].

Анализ литературы [9–16] позволяет выдвинуть гипотезу, что благодарность как социокультурное явление и ее переживание как психологический феномен представляют собой мощный ресурс психотерапевтической поддержки для переживающего это чувство.

Вместе с тем есть данные, которые позволяют говорить о неоднозначности явления благодарности. В системной психотерапии Б. Хеллингера [15] благодарность рассматривается как возможность установления баланса между «давать» и «брать», от сохранения которого зависит душевное равновесие не только отдельного человека, но и любой системы человеческих отношений (семейной, родовой, трудовых коллективов). Однако искаженно понятая благодарность может вести к так называемой «фундаментальной лояльности» по отношению к членам своей семьи, которая мешает свободному жизненному пути отдельного человека. Примером такой искаженной лояльности может служить распространенное явление одиночества у взрослых людей, полностью посвятивших себя уходу за кем-то из престарелых родителей, в результате чего они так и не создают собственной семьи. Подобные примеры рассматриваются А. А. Шутценбергер, исследующей трансгенерационные связи [17]. В этом контексте благодарность тесно смыкается с понятием справедливости, которой придерживается та или иная группа.

Так в какой же роли чаще всего предстает благодарность в нашей жизни?

Мы предприняли небольшое пилотное исследование с целью выявления на российской выборке характеристик переживания благодарности, наличия (или отсутствия) ее ресурсных возможностей и определения перспективности дальнейших исследований.

В исследовании участвовало 10 добровольцев (9 женщин, 1 мужчина) в возрасте от 29 до 49 лет, все с высшим образованием, психически здоровы, социально адаптированы, получают второе высшее психологическое образование. Инструкция была предельно простой: «Вспомните, когда в своей жизни Вы переживали чувство благодарности, и дайте его описание в стиле дневникового метода».

Было получено 45 описаний переживания респондентами чувства благодарности. Проанализировав их, мы увидели, что все они относились к разному времени, различным ситуациям и обстоятельствам и само эмоциональное восприятие ситуации, за которую человек был благодарен, у разных людей тоже различно. На основании этого мы выделили следующие категории, характеризующие переживание благодарности тем или иным человеком.

1. Жизненный период, к которому относятся воспоминания о пережитой благодарности.

2. Адресат благодарности — кому или чему благодарен человек в жизни.

3. Обстоятельства, запускающие переживание благодарности.

4. Характер самой благодарности — эмоциональная окраска переживания: воспринимается оно позитивно или в ходе переживания возникает чувство неловкости, примешивается чувство горечи. Возможен также вариант формальной благодарности.

Полученные описания в дальнейшем обрабатывались с помощью элементов контент-анализа [18, 19].

В качестве единиц анализа были выбраны ситуации, стимулирующие переживание благодарности. Подсчитывалось количество ситуаций в каждой категории и количество слов, используемых для их описания. Как и в анализе других проективных материалов (в частности, рассказов по Тематическому апперцептивному тесту (ТАТ)), предполагалось, что фиксация и, соответственно, аффективная заряженность того или иного явления отражаются в пропорциональном увеличении количества слов для его описания. Таким образом, используя эти данные, можно косвенно судить о значимости того или иного явления и переживания в жизни человека.

Нарративные методики имеют свои ограничения, так как конечный продукт зависит от характерологического типа его автора: эмоционально чувствительный человек может испытывать трудности с художественным описанием, которое может показаться сухим, а художественно одаренные люди, склонные к демонстративному вербализму, в действительности могут быть эмоционально скованными. Тем не менее в нашем исследовании были получены интересные материалы (табл. 1).

Остановимся на них подробнее.

Реже всего респонденты в своих воспоминаниях обращались к детству (12 % от всех воспоминаний). И почти все детские воспоминания связаны с чувством любви и понимания, которые они получали от родителей или других значимых взрослых. С благодарностью вспоминаются и те люди, которые помогли в детстве поднять свою самооценку. Интересно, что респонденты, с благодарностью вспоминаявшие свое детство, описали больше ситуаций, связанных с переживанием этого чувства и в другие периоды жизни.

В духовной литературе детство часто описывается как особая пора чистоты и невинности человеческого сознания. Дети умеют быть погруженными в настоящий момент и переживать «здесь и сейчас» со всей яркостью и искренностью чувств, соответствующих реальному моменту жизни. Они способны веселиться и радоваться без причины, просто от избытка жизни внутри и вокруг. Среди описаний, относящихся к детству, были те, в которых благодарность предстает как высшее переживание, возникшее в ответ на мгновенное расширенное восприятие действительности, способное охватить в единое мгновение все, что дано жизнью.

Таблица 1. Данные исследования описаний благодарности, полученные с применением элементов контент-анализа

Категории анализа		Единицы анализа (ситуация)	Пропорция представленности категории в тексте (по количеству слов в описании)	Всего слов
Жизненный период, к которому обращена ситуация благодарности	Детство	7	495 (11,96 %)	4139
	Юность (16–25 лет)	6	1379 (33,31 %)	
	Зрелость	18	1351 (32,63 %)	
	Неопределенный период	14	914 (22,1 %)	
Адресат благодарности	Старшие — более сильные (родители, учителя, старшие родственники, коллеги)	20	1891 (48,42 %)	3905
	Равные по статусу (супруги, друзья, случайные знакомые)	23	1587 (40,64 %)	
	Младшие (дети)	1	42 (1,08 %)	
	Я-сам	2	71 (1,82 %)	
	Экзистенциальная персонификация (Бог, судьба)	9	314 (8,04 %)	
Обстоятельства, запускающие переживание	Спасение-избавление	4	940 (21,47 %)	4378
	Прибавление-подарок	4	155 (3,54 %)	
	Приращение опыта-знаний	6	445 (10,16 %)	
	Поддержка в ситуациях, переживаемых как кризисные	13	1256 (28,69 %)	
	Повышение самооценки	5	367 (8,38 %)	
	Перманентное присутствие	8	773 (17,66 %)	
	Направленные любовь и внимание	5	442 (10,1 %)	
Характер благодарности	Позитивное переживание	36	3485 (87 %)	4005
	Ощущение неловкости, горечи	7	478 (11,95 %)	
	Формальная	2	42 (1,05 %)	

Запечатление подобных моментов важно для души, их целительная сила действует и в последующие годы. Фактически она остается на всю жизнь. В психотерапевтической практике есть много методик, основанных на воспоминании реальных ситуаций, содержащих в себе опыт переживания высших состояний — счастья, любви, благодарности [20–27]. В такие моменты человек испытывает чувство единения и гармонии с бытием. Воспоминание на уровне образов, ощущений этого

состояния позволяет человеку прервать цепь дурного настроения, негативных мыслей и действовать наиболее адекватно моменту.

Интересно соотношение воспоминаний о благодарности в периоды юности и зрелости. Происходившее в юности у большинства респондентов описано более подробно. Из всего количества материала — 45 эпизодов, связанных с переживанием благодарности, — к юности с уверенностью можно отнести только шесть. Однако пропорция представленности (по количеству слов в описании) этой категории в тексте практически такая же, как и представленность периода зрелости. В четырех эпизодах это благодарность лицу старшему и в чем-то более сильному, в двух случаях это благодарность ровесникам за понимание в трудных ситуациях и за то, что они просто были рядом в нужный момент. Тема разделенного чувства — радости, тревоги и т.д. — отмечается многими респондентами. У одних она выражена явно, у других предполагается за словами «понимание, сочувствие, поддержка» и всегда воспринимается с благодарностью. Следовательно, для возникновения чувства благодарности важен момент «сонастраивания» двух людей на одну волну. Хотя это не является необходимым условием возникновения благодарности. Просто в этом случае благодарность переживается как чистое, ничем не замутненное чувство. Если же двое находятся в разных эмоциональных состояниях, то они оказываются, образно говоря, «в разных весовых категориях». При этом к чувству благодарности может примешиваться ощущение неловкости или легкой горечи. Такие примеры есть. «Безмерное чувство благодарности я испытала по отношению к своему коллеге на переговорах, где все мы работали переводчиками. Нас с подружкой пригласили туда, не уточнив, что это будет синхронный перевод. Когда мы оказались пред лицом сего неприятного сюрприза, отступать было уже некуда. ... Слава Богу, немецкая сторона привезла своего переводчика, который и взял весь огонь на себя, мы бы не справились. По окончании я пошла и призналась ему в огромной благодарности, которую и в самом деле чувствовала. Правда, она была смешана с чувством унижения (так опозориться!) и огромного огорчения (так попасть!), просто рыдать хотелось. Да и чувство благодарности было каким-то “дочерним” — человек намного старше меня и так по-отечески взял нас сразу под опеку: мы сразу признались, что никогда синхронистками не были и что мы просто в ужасе. На что он ответил: “Маленькие, не волнуйтесь”».

Различие в эмоциональном состоянии не препятствует самой ситуации возникновения благодарности, но может внести в нее фон некоторой негативности (в виде неловкости, от которой хочется как можно скорее избавиться).

Возникает ситуация, хорошо описанная Тацитом: «Благодеяния приятны только тогда, когда знаешь, что можешь за них отплатить» [28, с. 176]. Здесь ответная благодарность выступает как мера уравнивания отношений. В противном случае нарушается внутренний баланс, при котором люди могут чувствовать себя равными и независимыми партнерами. Возникающие отношения должностования вместо положительных эмоций вызывают эмоции негативные и желание отдалиться от человека, оказавшего помощь.

Благодарность, не объединенная общим чувством, по словам Аристотеля, «быстро стареет» [28, с. 93].

В представленных материалах мы постарались выделить обстоятельства, запускающие переживание благодарности. Список их может быть расширен. В данном

случае мы опирались только на тот фактический материал, который был получен от респондентов. Получилось следующее:

1. Обстоятельства «спасения-избавления» — ситуации, в которых участие другого человека дало возможность выйти из травматической для респондента ситуации или избавило его от тяжелых душевных переживаний. Пример: молодая семья из-за непредвиденных ранее обстоятельств оказалась не в состоянии оплачивать съемную квартиру. Ситуация казалась безвыходной, но тут друзья предложили им жить в пустовавшей у них квартире совершенно бесплатно, пока обстоятельства не изменятся.

2. «Приобретение-подарок» — ситуации, в которых респондент получил ценную для него материальную помощь (например, средства на дополнительное образование) или неожиданный, приятный, запоминающийся подарок («...вся квартира в цветах и открытках»).

3. «Приращение опыта-знаний» — ситуации, из которых человек вышел с осознанием своих новых возможностей, с лучшим пониманием себя, своих сил, с чувством приобретенной мудрости. Пример: воспоминание одной из участниц выездной конференции, в которой она оказалась единственной студенткой среди профессионалов.

4. «Поддержка в кризисных ситуациях». Например: послеразводные ситуации, острые моменты переживания детско-родительских отношений, переживание неразделенных чувств.

5. «Повышение самооценки» — ситуации, которые прямо способствовали повышению самооценки человека и были оценены как таковые им самим. Пример: «...чувство благодарности к своей первой учительнице. Она делала меня всегда такой значимой, значительной. Это была благодарность пополам с влюбленностью».

6. «Перманентное присутствие» — ситуации, в которых для респондента оказывается значимым само присутствие в его жизни какого-то человека, обстоятельства. Пример: «Не раз и не два мне приходилось попадать в ситуации, выход из которых приводил меня к мысли “кто-то там наверху хорошо ко мне относится”. Чувствую в такие моменты спокойную благодарность за все, что есть, и все, что было».

7. «Направленные любовь и внимание» — ситуации, в которых человек явно и недвусмысленно чувствует, что он любим и внимание другого человека направлено именно ему, индивидуально, выделяя его из общего контекста жизни.

В ряде описаний трудно выделить единственное качество ситуации, способствующее возникновению чувства благодарности. В таком случае это описание было учтено в обеих категориях.

Среди адресатов благодарности примерно одинаковое количество старших — более сильных и равных по статусу людей. Только один респондент с благодарностью вспомнил детей, двое испытали чувство благодарности по отношению к себе. Часто встречались описания благодарности по отношению к экзистенциальным персонификациям — Богу, жизни, судьбе. Из-за ограниченного количества данных трудно сказать, есть ли зависимость между адресатом благодарности и характером, то есть полнотой, благодарности. В полученных нами материалах такая зависимость не прослеживается.

Предпринятый опыт исследования феномена благодарности носил поисковый характер. Его целью было наметить возможные направления дальнейшего исследования. Это обусловило и ограниченность выборки, и использование пока толь-

ко качественной оценки феномена благодарности. В дальнейшем предполагается значительно расширить объем выборки, а также включить в исследование подбор тестовых инструментов для сбора и анализа количественных данных.

Выводы

Благодарность занимает важное место в жизни человека. Действие благодарности как психологического явления многообразно. Она может быть проявлена на уровне мыслей, чувств, действий, переживаться как целостное состояние, охватывающее эмоциональную, ментальную и физическую (телесную) сферы человека.

Эмпирический анализ показал, что переживание благодарности содержит в себе большой терапевтический ресурс. Психотерапевтический эффект для переживающего благодарность может выражаться в позитивном ответном действии (поддержка, помощь), в чувствах признательности, любви, симпатии, в перестройке мыслей на позитивный и продуктивный лад, в мировоззрении в целом (развивается принятие жизни во всех ее аспектах). Масштаб изменений различен. Однако в любом случае он ведет человека к большей цельности и, следовательно, обладает психотерапевтическим эффектом. Кроме того, ретроспективный опыт благодарности вскрывает невидимые, лежащие не на поверхности ресурсы трудной в прошлом ситуации. Это знание побуждает человека к поисковой активности подобных скрытых резервов и потенциалов в ситуации нынешней.

Благодарность может быть различна по своему характеру. Она может переживаться как безусловно позитивное чувство или как смешанное, в котором радость и облегчение соединяются с досадой и чувством неловкости. Это происходит в ситуациях, выявляющих какие-то глубоко потаенные личные слабости. Неожиданные жизненные трудности могут дезадаптировать человека, взломать привычные для него приемы совладания и выявить то, что ему вовсе не хотелось бы демонстрировать окружающим. В результате чувство стыда, досады, что оказался в смешной, нелепой или «стыдной» ситуации, «заставляет» благодарность быстро исчезать из памяти.

Описание «утасяющей» благодарности наводит на мысль о своеобразном «раздвоении» ее переживания на интеллектуальное и эмоциональное. В случае частичного проживания благодарности можно говорить о наличии у переживающего ее человека определенного внутреннего конфликта.

В случае полного проживания благодарности можно говорить о том, что человек на внутреннем уровне продуктивно переживает свой жизненный опыт, приращивая достижения прошлого к настоящему. Таким образом, способность человека к переживанию благодарности может быть достаточно диагностичной.

Проведенный эмпирический анализ выявил ряд вопросов, которые требуют дальнейшей проработки. В частности, в какой мере способность к благодарности обусловлена воспитанием, а в какой — психотипом личности конкретного человека. Можно ли говорить о «неудачном» процессе переживания благодарности [29, 30]? От чего мы защищаемся и что скрываем от себя в этом случае?

В чем мера справедливости в случае выражения и принятия благодарности и можно ли найти единую для всех справедливость? Всегда ли благодарность связана со справедливостью или у нее есть иные функции [31, 32]? Эти и другие вопросы делают интересным дальнейшее исследование феномена благодарности.

В целом, на наш взгляд, дальнейшее изучение такого явления, как благодарность, может внести полезный вклад в исследование проблемы совладающего поведения и добавить новые творческие подходы в осуществлении психотерапии.

Литература

1. Леонтьев Д. А. Позитивная психология — повестка дня нового столетия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 4. С. 36–58.
2. Селигман Мартин Э. П. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни / пер. с англ. М.: София, 2006. 368 с.
3. Emmons R., McCullough M. Counting Blessings Versus Burdens: An Experimental Investigation of Gratitude and Subjective Well-being in Daily Life // Journal of Personality & Social Psychology. 2003. Vol. 84 (2). P. 377–389.
4. Fredrickson B. L. Gratitude, like other positive emotions, broadens and builds // The psychology of gratitude / Eds R. A. Emmons, M. E. McCullough. New York: Oxford University Press, 2004. P. 145–166.
5. Wood A. M., Froh J. J., Geraghty A. W. A. Gratitude and well-being: A review and theoretical integration // Clinical Psychology Review. 2010. Vol. 30. P. 890–905.
6. Знаков В. В. Половые, гендерные и личностные различия в понимании моральной дилеммы // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 1. С. 41–51.
7. Марцинковская Т. Д. Русская ментальность и ее отражение в науках о человеке. М.: Агентство «Блиц», 1994. 155 с.
8. Джидарьян И. А. Психология счастья и оптимизма. М.: Институт психологии РАН, 2013. 268 с.
9. Аристотель. Никомахова этика. М.: ЭКСМО-Пресс, 1997. 255 с.
10. Кобзева В. В. Этикет в вопросах и ответах. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. 288 с.
11. Лебедева А. А. Позитивная психология как альтернатива традиционному клиническому подходу к изучению качества жизни лиц с ограниченными возможностями здоровья // Современная зарубежная психология. 2012. № 2. С. 17–28.
12. Кислицца Г. К., Нартова-Бочавер С. К. Благодарность как личностный ресурс: к постановке проблемы // Вопросы психологии. 2016. (в печати)
13. Нельсон Н. С., Калаба Д. Л. Сила благодарности: Ключ к полноценной жизни. М.: ООО Издательский дом «София», 2005. 304 с.
14. Святой Филарет, митрополит Московский. Меч духовный / сост. и коммент. д-ра фило-соф. наук П. В. Калитина; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 720 с.
15. Хеллингс Б. И в середине тебе станет легко: книга для тех, кто хочет найти гармонию в отношениях, любви и стать счастливым. 2-е изд. / пер. с нем. И. Д. Беляковой. М.: Институт консультирования и системных решений, Институт психотерапии, 2006. 208 с.
16. Льюис К. С. Любовь. Страдание, Надежда: Притчи. Трактаты / пер. с англ. М.: Республика, 1992. 430 с.
17. Шутценбергер А. А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. М.: Институт психотерапии, 2005. 256 с.
18. Горбатов Д. С. Практикум по психологическому исследованию: Учебное пособие. Самара: Издательский дом «БАХРАХ — М», 2006. 272 с.
19. Моль А. Социодинамика культуры / пер. с фр.; предисл. Б. В. Бирюкова. 3-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 416 с.
20. Гурангов В., Долохов В. Курс начинающего волшебника: учебник везения. СПб.: Питер, 2000. (Серия «Сам себе психолог»). 192 с.
21. Emmons R. A. Personal Strivings, Daily Life Events, and Psychological and Physical Well-Being // J. Pers. 1991. Vol. 59, № 3. P. 453–472.
22. Кристалл Ф. Техники сновидения наяву, или Невидимые цепи бытия. М.: Амрита — Русь, 2013. 304 с.
23. Пезишкян Н. Позитивная семейная психотерапия: семья как психотерапевт / пер. с англ., нем. М.: Смысл, 1993. 332 с.
24. Рейнуотер Дж. Это в ваших силах. М.: Прогресс, 1992. 240 с.
25. Семинар с доктором медицины Милтоном Эриксоном (уроки гипноза) / ред. и коммент. Дж. К. Зейга; пер. с англ. Т. К. Кругловой. М.: Независимая фирма «Класс», 2003. 336 с.
26. Флоренская Т. А. Диалог в практической психологии. Наука о душе. М.: Владос, 2001. 208 с.

27. Малярова Н. В., Кислица Г. К. Задачи духовного развития детей в современных условиях // Актуальные проблемы современного детства: сб. науч. трудов к 10-летию принятия Конвенции о правах ребенка и создания НИИ детства РФ. Вып. VI / под общ. ред. А. А. Лиханова, Е. М. Рыбинского. М.: НИИ детства РФ, 1999. С. 85–94.

28. Мудрость тысячелетий: энциклопедия / авт.-сост. В. Балязин. М.: ОЛМА ПРЕСС, 2003. 848 с.

29. Нартова-Бочавер С. К. Два типа нравственной самоактуализации личности // Психологический журнал. 1993. Т. 14, № 4. С. 24–31.

30. Васильюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.

31. Нартова-Бочавер С. К., Астанина Н. Б. «Униженность и оскорбленность» как черта личности: феноменологический анализ позиции жертвы // Социальная психология и общество. 2014. № 2. С. 13–26.

32. Нартова-Бочавер С. К., Астанина Н. Б. Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования // Психологический журнал. 2014. Т. 35, № 1. С. 16–32.

Для цитирования: Кислица Г. К. Исследование феноменологии переживания благодарности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 3. С. 65–74. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.306

References

1. Leont'ev D. A. Pozitivnaia psikhologiya — povestka dnia novogo stoletia [Positive psychology — an agenda for the new century]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyssei shkoly ekonomiki* [Psychology. Magazine of Higher School of Economics], 2012, vol. 9, no. 4, pp. 36–58. (In Russian)

2. Seligman Martin E. P. *Novaya pozitivnaia psikhologiya: Nauchnyi vzgliad na schast'e i smysl zhizni* [The new positive psychology: the scientific view on happiness and the meaning of life]. Transl. from English. Moscow, Publishing House "Sofia", 2006. 368 p. (In Russian)

3. Emmons R., McCullough M. Counting Blessings Versus Burdens: An Experimental Investigation of Gratitude and Subjective Well-being in Daily Life. *Journal of Personality & Social Psychology*, 2003, vol. 84 (2). P. 377–389.

4. Fredrickson B. L. Gratitude, like other positive emotions, broadens and builds. *The psychology of gratitude*. Eds R. A. Emmons, M. E. McCullough. New York, Oxford University Press, 2004, pp. 145–166.

5. Wood A. M., Froh J. J., Geraghty A. W. A. Gratitude and well-being: A review and theoretical integration. *Clinical Psychology Review*, 2010, vol. 30, pp. 890–905.

6. Znakov V. V. Polovye, gendernye i lichnostnye razlichia v ponimanii moral'noi dilemmy [Sex, gender and personality differences in understanding the moral dilemma]. *Psikhologicheskii zhurnal* [A psychological journal], 2004, vol. 25, no. 1, pp. 41–51. (In Russian)

7. Martsinkovskaia T. D. *Russkaia mental'nost' i ee otrazhenie v naukakh o cheloveke* [The Russian mentality and its reflection in sciences about the person]. Moscow, Agency "Blits" Publ., 1994. 155 p. (In Russian)

8. Dzhidarian I. A. *Psikhologiya schast'ia i optimizma* [The psychology of happiness and optimism]. Moscow, Publishing House "Institute of Psychology", 2013. 268 p. (In Russian)

9. Aristotel'. *Nikomakhova etika* [Nikomakhova Ethics]. Moscow, EKSMO-Press, 1997. 255 p. (In Russian)

10. Kobzeva V. V. *Etiket v voprosakh i otvetakh* [Etiquette in questions and answers]. Moscow, FAIR-PRESS, 2003. 288 p. (In Russian)

11. Lebedeva A. A. Pozitivnaia psikhologiya kak al'ternativa traditsionnomu klinicheskomu podkhodu k izucheniiu kachestva zhizni lits s ogranichennymi vozmozhnostiami zdorov'ia [Positive psychology as alternative to traditional clinical approach to studying of quality of life of persons with limited opportunities of health]. *Sovremennaia zarubezhnaia psikhologiya* [Modern foreign psychology], 2012, no. 2, pp. 17–28. (In Russian)

12. Kisliitsa G. K., Nartova-Bochaver S. K. Blagodarnost' kak lichnostnyi resurs: k postanovke problemy [Gratitude as a Personal resource: to the problem statement]. *Voprosy psikhologii* [Questions psychology], 2016 (in the press). (In Russian)

13. Nel'son N. S., Kalaba D. L. *Sila blagodarnosti: Kliuch k polnotsennoi zhizni* [Power of gratitude: the Key to a Vibrant Life]. Moscow, Publishing House "Sofia", 2005. 304 p. (In Russian)

14. Sviatitel' Filaret, mitropolit Moskovskii. *Mech dukhovnyi* [Prelate Philaret, Metropolitan of Moscow. The sword of the spirit]. Drawing up and comments P. V. Kalitin; ed. by O. A. Platonov. Moscow, Institute of Russian civilization Publ., 2010. 720 p. (In Russian)

15. Khellinger B. *I v seredine tebe stanet legko: kniga dlia tekh, kto khochet naiti garmoniiu v otnosheniakh, liubvi i stat' schastlivym. Izd. 2-e* [And in the middle it will become easy for you: the book for those who want to find harmony in the relations, love and to become happy. The Edition second]. Transl. from German by I. D. Belyakova. Moscow, Institute of consultation and system decisions, Publishing house of Institute of psychotherapy, 2006. 208 p. (In Russian)
16. L'uis K. S. *Liubov'. Stradanie, Nadezhda: Pritchi. Traktaty* [Love. Suffering. Hope: Parables. Treatises]. Transl. from English. Moscow, Republic, 1992. 430 p. (In Russian)
17. Shuttsenberger A. A. *Sindrom predkov: Transgeneratsionnye sviazi, semeinye tainy, sindrom godovshchiny, peredacha travm i prakticheskoe ispol'zovanie genosotsiogrammy* [Syndrome of ancestors: Transgenerative connection, family secrets, syndrome of anniversary, transfer of injuries and practical use of a genosotsiogramma]. Moscow, Publishing house of Institute of psychotherapy, 2005. 256 p. (In Russian)
18. Gorbato D. S. *Praktikum po psikhologicheskomu issledovaniuu: Uchebnoe posobie* [Workshop on psychological research: Education guidance]. Samara, Publishing House "BAHRAH-M", 2006. 272 p. (In Russian)
19. Mol' A. *Sotsiodinamika kul'tury* [Culture sociodynamics]. Transl. from French. 3-th edition. Moscow, LCI Publishing house, 2008. 416 p. (In Russian)
20. Gurangov V., Dolokhov V. *Kurs nachinaiushchego volshebника: uchebnik vezeniiia* [Kurs of the beginning wizard: textbook of luck]. St. Petersburg, Piter Publ., 2000. 192 p. (In Russian)
21. Emmons R. A. Personal Strivings, Daily Life Events, and Psychological and Physical Well-Being. *J. Pers.*, 1991, vol. 59, no. 3, pp. 453–472.
22. Kristall F. *Tekhniki snovideniia na iavu ili nevidimye tsepi byt'ia* [Technicians of a dream to Java or invisible chains of life]. Moscow, Amrita — Russia Publ., 2007. 304 p. (In Russian)
23. Pezeshkian N. *Pozitivnaia semeinaia psikhoterapiia: sem'ia kak psikhoterapevt* [Positive family psychotherapy: Family as a psychotherapist]. Transl. from Engl., French. Moscow, Smysl, 1993. 322 p. (In Russian)
24. Reinuoter Dzh. *Eto v vashikh silakh* [It is in your power]. Moscow, Progress Publ., 1992. 240 p. (In Russian)
25. *Seminar s doktorom meditsiny Miltonom Eriksonom (uroki gipnoza)* [Seminar with Dr. Milton Erickson (hypnosis lessons)]. Ed. by Dzh. K. Zeiga; transl. from Engl. T. K. Kruglova. Moscow, "Class" Independent firm Publ., 2003. 336 p. (In Russian)
26. Florenskaia T. A. *Dialog v prakticheskoi psikhologii. Nauka o dushe* [Dialogues in practical psychology. Science of the soul]. Moscow, Vados Publishing House, 2001. 208 p. (In Russian)
27. Maliarova N. V., Kisliitsa G. K. Zadachi dukhovnogo razvitiia detei v sovremennykh usloviakh [The task of the spiritual development of children in modern conditions]. *Aktual'nye problemy sovremennogo detstva: sb. nauchn. trudov k 10-letiiu prin'iat'ia Konventsii o pravakh rebenka i sozdaniia NII detstva RDF. Vyp. VI* [Actual problems of modern childhood. Collection of scientific papers to the 10-anniversary of the Convention on the rights of the child]. Eds A. A. Likhanov, E. M. Rybinskii. Moscow, Scientific research institute of the childhood of RDF Publ., 1999, pp. 85–94. (In Russian)
28. *Mudrost' tysiacheletii. Entsiklopediia* [The wisdom of the millennia. Encyclopedia]. Author-compiler V. Balyazin. Moscow, OLMA PRESS, 2003. 848 p. (In Russian)
29. Nartova-Bochaver S. K. *Dva tipa nraivstvennoi samoaktualizatsii lichnosti* [Two types of moral self-updating of the personality]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological magazine], 1993, vol. 14, no. 4, pp. 24–31. (In Russian)
30. Vasiliuk F. E. *Psikhologiia perezhivaniia (analiz preodoleniia kriticheskikh situatsii)* [Experience psychology (analysis of overcoming of critical situations)]. Moscow, Publishing house of the Moscow university, 1984. 200 p. (In Russian)
31. Nartova-Bochaver S. K., Astanina N. B. «Unizhennost' i oskorblennost'» kak cherta lichnosti: fenomenologicheskii analiz pozitsii zhertvy ["Degradedness and Insultedness" as Personality Trait: A Phenomenological Analysis of Victim Position]. *Sotsial'naia psikhologiia i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2014, vol. 5, no. 2, pp. 13–26.
32. Nartova-Bochaver S. K., Astanina N. B. *Psikhologicheskie problemy spravedlivosti v zarubezhnoi personologii: teorii i empiricheskie issledovaniia* [Theories and empirical researches on Justice in the foreign personality Psychology]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2014, vol. 35, no. 1, pp. 16–32. (In Russian)

For citation: Kislica G. K. Study on the phenomenon of gratitude. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, 2016, issue 3, pp. 65–74. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.306

Статья поступила в редакцию 26 февраля 2016 г.

С. Ван, Е. И. Петанова

ЛИЧНОСТНЫЕ АДАПТАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ

В статье анализируются личностные факторы, выделяемые иностранными авторами как ресурсы или «барьеры» адаптации китайских студентов к обучению за границей. Приводятся результаты сравнительной психодиагностики свойств личности китайских студентов, обучающихся в российском и китайском вузах. Разработаны рекомендации по активизации адаптационных ресурсов китайских студентов, обучающихся за границей. Библиогр. 20 назв. Табл. 1.

Ключевые слова: китайские студенты, личностный ресурс, адаптация, свойства личности, психологическое здоровье, Я-концепция.

Wang S., Petanova E. I.

PERSONAL "BARRIERS" OF ADAPTATION OF THE CHINESE STUDENTS TO TRAINING IN THE RUSSIAN HIGHER EDUCATION INSTITUTION

The article analyses personal factors identified by foreign authors as resources or 'barriers' of adaptation of Chinese students to study abroad. Results of comparative psychodiagnostics of properties of the identity of the Chinese students who train in the Russian and Chinese higher education institutions are given. Recommendations about the mobilisation of adaptive resources of Chinese students who are trained abroad are developed. Refs 20 назв. Table 1.

Keywords: Chinese students, personal resource, adaptation, properties of the personality, psychological health, Self-concept.

Актуальность изучения личностных ресурсов китайских студентов, обучающихся за границей, в частности в российских вузах, обусловлена тем, что численность таких студентов ежегодно увеличивается (студенты из Поднебесной составляют на сегодняшний день пятую часть иностранных студентов мира) [1]. Принимающие страны с готовностью включились в решение непростой проблемы обеспечения эффективного профессионального обучения и личностного развития студентам из Китая [2]. В ранее выполненных исследованиях психолого-педагогических характеристик иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, получены эмпирические данные о том, что эффективность их обучения во многом зависит от того, насколько успешно на первом этапе состоится процесс социально-психологической адаптации к новой языковой, социально-культурной и образовательной среде [3]. Разные составляющие адаптационного процесса китайских студентов изучаются в исследованиях китайских аспирантов и их научных руководителей на психологическом факультете Санкт-Петербургского государственного

Ван Сяо — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; wangxiao@mail.ru

Петанова Елена Ивановна — кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; petanovaelena@rambler.ru

Wang S. — postgraduate student, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; wangxiao@mail.ru

Petanova Elena I. — PhD, Associate Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; petanovaelena@rambler.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

университета (СПбГУ). Преимущественно в этих работах сравниваются психологические характеристики студентов из российских и китайских вузов. Например, в исследовании О. И. Даниленко, Ц. Ли и И. Сюй было выявлено, что уровень адаптированности к учебной группе у студентов китайских вузов младших и старших курсов одинаков. В то же время у китайских студентов, обучающихся в российских вузах, уровень адаптированности к учебной группе и учебной деятельности у студентов старших курсов выше, чем у первокурсников [4]. На основании этого можно сказать, что у китайских студентов, обучающихся в российских вузах, более выражена динамика процесса адаптации к обучению в вузе, чем у тех, кто обучается на родине. Возникает необходимость найти этому объяснение. Первое предположение состоит в том, что исходный уровень адаптированности у китайских студентов, обучающихся на родине, высокий и остается высоким в процессе всего вузовского обучения. Однако известна эмпирическая информация о том, что уровень адаптированности у большего числа китайских первокурсников средний. Так, в исследовании Е. И. Петановой и Ц. Лю сравнивались показатели адаптированности российских студентов первого курса СПбГУ и китайских из Пекинского университета (ПГУ). Выяснилось, что по распределению студентов в соответствии с уровнем сформированности их адаптированности (высокий, средний, низкий) примерно у 50 % российских и китайских первокурсников средняя адаптированность, то есть нет значимых различий между сравниваемыми группами [5]. Также установлено, что по содержанию корреляционных связей между характеризующими адаптированность факторами у респондентов из СПбГУ и ПГУ обнаружено больше похожих тенденций, чем различий. Единственное значимое различие состояло в том, что у российских студентов адаптированность имеет обратную связь со склонностью «быть ведомым», то есть ведомость не является для россиян фактором, способствующим формированию адаптированности [5]. Итак, уровень адаптированности у российских и китайских первокурсников, обучающихся на родине, примерно одинаковый. Уровень адаптированности китайских студентов, начинающих обучение в российских вузах, значительно ниже, чем у российских сокурсников [6–8]. Очевидно, что китайские студенты на первом этапе обучения в российских вузах испытывают значительные трудности, прежде всего связанные с их слабым знанием русского языка. Для преодоления речевых сложностей китайские студенты прилагают значительные усилия, и процесс коммуникативно-речевой адаптации сопровождается высокой психической напряженностью, которая сказывается на их уровне психического здоровья [9]. Стресс, связанный с необходимостью преодолеть речевую несостоятельность, заставляет студентов активировать все имеющиеся физиологические и психологические ресурсы, в том числе и личностные. Высокий уровень стрессоуязвимости китайских студентов констатирован в целом ряде психолого-педагогических исследований. Так, в диссертационной работе Чэнь Ц., подготовленной в Тульском педагогическом университете, было показано, что китайские студенты испытывают наибольшие трудности в области языковой, учебной и межкультурной адаптации, тогда как физиологическая и психологическая адаптация проходят достаточно легко [10].

Значительный объем работ по проблеме психологической адаптации иностранных студентов выполнен в университетах Европы и Америки. Причем китайские студенты, обучающиеся в США, часто становятся объектами психологиче-

ских наблюдений у исследователей, имеющих личный опыт адаптации к обучению в зарубежном вузе. Так Венли Ю., преподаватель (Кинский университет в США), в прошлом студент из Китая, описал особенности социально-психологической адаптации китайцев, обучающихся в США, и их отношение к ассимиляции в американскую культуру [11]. Автор выделяет трудности, с которыми сталкиваются китайские студенты и в обучении, и вне учебной программы. Это устный английский и трудности коммуникации со студентами, что создает проблемы в обучении, а также ограниченные взаимодействия с американцами в неучебное время. Кроме того, у китайских студентов смешанное восприятие американской культуры и различное отношение к культурной ассимиляции. Венли Ю. изучил материалы по проблеме социальной адаптации иностранных студентов в образовательную систему США начиная с середины XX века и классифицировал информацию по темам исследований. Например, он выделил работы по изучению барьеров адаптации, с которыми сталкиваются иностранные студенты; или работы, в которых изучался уровень психологического благополучия иностранных студентов в США [11].

В исследовании Гудиканст выявлено, что умеренный уровень беспокойства и неуверенности может помочь приспособиться к иностранному социальному окружению, но чрезмерное беспокойство и неуверенность приведут к неудаче в регулировании деятельности или сложностям в коммуникации [12]. Используя термин «личностный ресурс», можно сказать, что умеренная тревога функционально является адаптационным ресурсом личности.

В нашем представлении свойства личности, способствующие адаптации или формированию адаптированности, следует считать ресурсными свойствами личности. Однако проблемным является доказательство того, что конкретные свойства личности позитивно влияют на процесс адаптации, потому что может быть и так, что на фоне адаптированности эти свойства личности оказываются более актуализированными. Так, в нашем ранее выполненном исследовании было установлено, что уровень психологического здоровья у высокоадаптированных китайских студентов-первокурсников значимо выше, чем у низко адаптированных [9]. Есть основание считать, что психологическое здоровье действительно является ресурсом личности в процессе социокультурной адаптации. Но с той же степенью вероятности можно говорить о том, что в состоянии адаптированности характеристики личности, выделенные как критерии психологического здоровья, будут иметь более позитивное содержание. В поисках вектора в рассматриваемой взаимосвязи мы воспользуемся трактовкой психологического здоровья китайского автора Ю. Кун, у которого психологическое здоровье определяется как «характеристика человека, *благодаря которой* люди могут приспособиться к изменениям в окружающей среде, сохраняя черты личности, познавательные и эмоциональные реакции в активном состоянии и сохраняя способность их нормального регулирования. В практике жизни *психологическое здоровье может способствовать* пониманию себя, самоконтролю, адекватному реагированию на внешние влияния, а также обеспечивает поддержание психологического равновесия и гармонии личности» [13]. Из процитированного определения можно заключить, что психологическое здоровье является личностным ресурсом, который может оказать влияние на процесс и результат адаптации. Таким образом, мы можем выделить уже два значимых ресурса личности, влияющих на адаптацию китайских студентов к обучению

в российском вузе. Это компетентностный ресурс личности, характеризующийся достаточным для общения и обучения уровнем знания русского языка, и хорошее психологическое здоровье, предполагающее позитивное психофизическое состояние в новых условиях жизни и обучения, отсутствие пессимистических жизненных и образовательных аутопророчеств и общий позитивный фон настроения, а также эффективный самоконтроль и адекватное реагирование на ситуационные сложности [9].

В рассмотренных исследованиях указывается на две составляющие личностного адаптационного ресурса, в то время как другие авторы определяют *личностный ресурс* как «сложный психологический феномен, недостаточно изученный и сохраняющий проблемность и востребованность в личном и социокультурном пространствах» [14, 15]. Так, А. А. Борисова разработала теоретическую модель структуры личностных ресурсов межкультурной адаптации иностранных студентов в стране обучения. Анализируя теоретический материал и результаты эмпирических исследований, она выделила наиболее универсальные составляющие феномена «*личностные ресурсы межкультурной адаптации: жизнестойкость, способность к конструктивному copingу, личностный динамизм, толерантность к неопределенности*» [15]. Эти качества необходимы любому человеку, независимо от социально-демографических характеристик, вида деятельности и обстоятельств жизни. В свою очередь, Н. Е. Водопьянова обосновала то, что личностный ресурс — это «внутренние и внешние переменные, способствующие психологической устойчивости в стрессогенных ситуациях; это эмоциональные, мотивационно-волевые, когнитивные и поведенческие конструкты, которые человек актуализирует для адаптации к стрессогенным/стрессовым трудовым и жизненным ситуациям» [16]. Несмотря на многоаспектность личностного адаптационного ресурса (судя по цитируемым описаниям его содержания), потребность в дальнейшем содержательном изучении феномена «*личностный ресурс межкультурной адаптации*» остается в том числе в связи с актуализацией личностного ресурса у иностранных студентов в условиях вузовского обучения за границей.

В нашем понимании несомненно, что ресурсом личности можно считать некоторые элементы Я-концепции, актуализация которых обеспечивает преодоление сложных жизненных обстоятельств. Например, психологическое здоровье личности интегрируется из Я-образов, составляющих значимый аспект Я-концепции активной, жизнерадостной, верящей в свои силы и способности, эффективно проявляющей себя в сложных обстоятельствах личности. Так же и представления личности о своей нейродинамике (нейротизм), локусе контроля (экстернальность–интернальность), доброжелательности, открытости новому опыту, степени ответственности и т. д. составляют частные Я-образы. Все актуальные в сложных обстоятельствах Я-образы составляют структуру функциональной Я-концепции личности, опосредующей реализацию значимой для личности задачи. Поэтому элементы Я-концепции непременно должны быть взаимосвязаны с феноменологией адаптированности личности, а в содержании элементов Я-концепции проявится субъективная оценка личностью процесса и результата адаптации. И такая взаимосвязь выявлена в эмпирических исследованиях. Так Гудиканст определил, что к факторам управления неуверенностью и беспокойством при адаптации следует отнести самопонимание адаптирующегося, а также нравственные принципы

взаимодействия и отношение личности к ситуационным условиям процесса адаптации [12]. В нашем исследовании также было обнаружено, что специфика адаптационной феноменологии китайских студентов, обучающихся в российских вузах, связана с особенностями их Я-концепции [17]. Итак, указаны теоретические и эмпирические основания, по которым содержание Я-концепции можно считать адаптационным ресурсом личности.

Далее мы предположили, что в структуре Я-концепции студента в ситуации его адаптации к новой этнокультурной и образовательной среде могут активизироваться Я-образы свойств его личности, являющиеся предикторами адаптации. Как отмечает Ван Иджириин, каждый из пяти факторов, включенных в диагностический конструкт «Большая пятерка» («Bigfive»), выполняет определенную функцию в плане адаптации индивида к социальной среде. В частности, экстраверсия отвечает за приближение положительных событий, нейротизм — за избегание негативных событий, добросовестность — за эффективное управление реакциями приближения и избегания, открытость опыту отражает интерес к различного рода наградам, а доброжелательность — к формированию социальных альянсов и связей [18]. Мы воспринимаем данное утверждение как гипотетический посыл для эмпирического изучения.

Итак, в результате обобщения научной информации нами были выделены личностные характеристики, которые ранее не были изучены комплексно как детерминанты в адаптации студентов, обучающихся в неродной этнокультуре: психологическое здоровье, Я-концепция, локус экстернальности–интернальности и свойства личности из конструкта «Bigfive». Содержание этого конструкта, в нашем представлении, соответствует понятию «комплексный личностный ресурс». Этот конструкт был эмпирически изучен в 2014–2015 гг.

Эмпирическое исследование основывалось на том, что при сравнении свойств личности китайских студентов из двух групп — обучающихся в России и обучающихся на родине — мы сможем выделить межгрупповые различия. В значимых различиях личностных характеристик китайских студентов, обучающихся не на родине, может отражаться влияние адаптационного напряжения. Более низкий уровень выраженности качества личности может объясняться тем, что данное качество в процессе адаптации выполнило функцию ресурса и в связи с этим степень его выраженности ниже, чем проявление этого качества в ситуации, не связанной с адаптационным напряжением.

Гипотеза исследования состояла в том, что различия в свойствах личности студентов из сравниваемых групп отражают личностный адаптационный ресурс, выявляемый при сложной адаптации к обучению студентов, обучающихся не на родине. **Целью** являлось изучение личностного адаптационного ресурса китайских студентов, обучающихся за границей (на примере китайских студентов, обучающихся в Санкт-Петербурге). **Предметом исследования** были свойства личности китайских студентов-первокурсников, включенные в теоретический конструкт: личностный адаптационный ресурс. **Объект исследования:** китайские студенты-первокурсники, обучающиеся на родине и за границей.

Выборку составили всего 197 китайских студентов-первокурсников. Из них 100 человек — студенты-первокурсники вузов Санкт-Петербурга, проживающие в России меньше двух лет. Студенты первого курса китайского регионального

университета — 97 человек. Возраст всех респондентов — 17–19 лет. Численность мужчин и женщин в двух группах была сбалансирована.

Методы исследования. Мы учли языковые возможности респондентов и выполнили психодиагностику на китайском языке. Поэтому использовались психодиагностические методики, адаптированные в Китае: 1. «Big five» (адаптирована на китайском языке Ч. Сианхин; были выявлены показатели по шкалам: экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, нейротизм, открытость). 2. «Self-concept» (адаптирована на китайском языке В. Чонгуи) для изучения системы представлений индивида о самом себе (изучаемые представления о себе самом в большей или меньшей степени осознаны и обладают относительной устойчивостью). 3. Изучение психического здоровья выполнялось посредством опросника «UPI — University Personality Inventory» (адаптирована на китайский язык Fan Fumin).

Проведен статистический анализ полученных данных по программе SPSS 20.

Последовательность обработки полученных результатов. Была выполнена проверка распределения на нормальность методом Колмогорова—Смирнова, показавшая, что полученные данные имеют нормальное распределение. Выявление различий в свойствах личности студентов из сравниваемых групп выполнялось по критерию Манна—Уитни. Результаты психодиагностики отражены в табл. 1.

Таблица 1. Показатели свойств личности китайских студентов, обучающихся в российских и китайских вузах

Переменные	Обучаются в российских вузах, n = 100	Обучаются в китайских вузах, n = 97	Уровень достоверности
	Среднее значение и стандарт. отклонения	Среднее значение и стандарт. отклонения	p
Нейротизм	48,15 ± 7,588	48,74 ± 7,931	> 0,05
Экстраверсия	47,08 ± 5,081	50,9 ± 5,324	0,000
Открытость опыту	47,3 ± 5,478	48,09 ± 5,202	> 0,05
Доброжелательность	43,26 ± 6,729	43,91 ± 6,532	> 0,05
Добросовестность	47,39 ± 3,776	53,59 ± 4,548	0,000
Психическое здоровье	1,92 ± 0,734	2,25 ± 0,778	0,003
Я-концепция	266,79 ± 16,422	272,76 ± 10,657	< 0,01

Обсуждение результатов. Посредством статистики удалось выявить различия в показателях, полученных в двух сравниваемых группах студентов-первокурсников.

Все средние показатели по пяти диагностическим шкалам опросника «Big five» соответствуют среднему уровню выраженности диагностируемых свойств личности для возраста 18–25 лет [19].

Показатели по пяти диагностическим шкалам у китайских студентов, обучающихся в российских вузах, статистических различий не имеют. Условно все пять показателей соответствуют среднему уровню выраженности (ниже 51 балла). Получен «линейный график показателей», который дает основание предположить, что респонденты при ответах были психологически напряжены.

У студентов, обучающихся в Китае, по диагностическим шкалам есть разница в уровне выраженности показателей. Наиболее высокий показатель получен по шкале «добросовестность», а значимо более низкий показатель — по шкале «добросовестность». В соответствии с информацией Хиггинсэтол, добросовестность может быть достаточно хорошим предиктором академической успеваемости [20]. Однако при получении психодиагностических показателей проверить эту тенденцию было невозможно, так как исследование проводилось в конце первого учебного семестра до экзаменационной сессии.

Между сравниваемыми группами выявлены статистически значимые различия по двум шкалам: «экстраверсия» и «добросовестность». Более высокий показатель по фактору «добросовестность» констатирован у китайских студентов, обучающихся на родине, возможно, потому, что в китайских вузах уровень требований, предъявляемых к студенту, выше, чем к иностранным студентам в российских вузах, и это сказывается на степени готовности студентов быть добросовестными. Также, возможно, что трудности, которые преодолеваются китайскими студентами при обучении за границей, не позволяют им проявить более высокий уровень выраженности (или самооценки) таких качеств, как ответственность, пунктуальность, последовательность и др., обобщенных характеристикой «добросовестность».

Степень выраженности «экстраверсии» выше у китайских студентов, обучающихся в Китае. Содержание этой шкалы позволяет считать, что для студентов, обучающихся в Китае, несколько выше, чем у их сверстников, обучающихся в России, внешний локус контроля эмоций и импульсивных влечений. В поведении это также проявляется в том, что студенты, обучающиеся на родине, чаще в ситуации стресса ориентированы на социальную поддержку и имеют преимущества в быстроте адаптации, спокойствии и уверенности в себе.

Также получены различия в «психическом здоровье» студентов: у студентов, обучающихся в российских вузах, показатели значимо ниже, чем у студентов, обучающихся на родине. Это может быть показателем того, что ресурс стрессоустойчивости у студентов, обучающихся за границей, уже несколько исчерпан.

Все качества личности, значимые при преодолении ситуационных сложностей, отражаются на уровне самооценки, Я-образах, самоотношении, интегральной Я-концепции. Этим объясняется то, что интегральный показатель Я-концепции у обучающихся в российских вузах несколько ниже, чем у студентов китайских вузов.

Таким образом, сравнительный анализ показателей по комплексу свойств личности (рассматриваемых нами как личностный адаптационный ресурс) выявил, что по четырем факторам из семи у китайских студентов, обучающихся на родине, результаты позитивнее, чем у студентов, обучающихся за границей.

Известно, что в сложных обстоятельствах жизни совладание со стресс-факторами происходит за счет наиболее «развитых» качеств личности или тех, что составляют «ядро» Я-концепции. Если влияние стресс-фактора оказывается продолжительным и психическая нагрузка не снижается, то степень выраженности той характеристики личности, которая «обеспечивала совладание», снижается.

По результатам нашего исследования можно сказать, что в ситуации этнокультурной и языковой адаптации у китайских студентов-первокурсников более «затратными» оказались свойства личности, отражающие регуляторно-волевые (добросовестность) и ауто смысловые (Я-концепция) свойства личности, а также

психическое здоровье. Эти качества выполнили функцию адаптационного ресурса личности у китайских студентов-первокурсников, адаптирующихся к обучению в российских вузах.

Научная содержательность выполненного исследования отражена в выводах, констатирующих выявленные в сравнительном анализе факты:

— большая «затратность» личностных ресурсов установлена у студентов, обучающихся за рубежом;

— студенты из сравниваемых групп отличаются по степени выраженности показателей «добросовестность», «экстернальность», а также по интегральному показателю «Я-концепция» и «психическому здоровью»;

— личностным адаптационным ресурсом студентов, обучающихся не на родине, есть основание считать, добросовестность, Я-концепцию, психическое здоровье личности.

В заключение можно сказать, что в связи со снижением ресурса личности в процессе адаптации к новой социокультурной и языковой среде китайские студенты, обучающиеся за границей, нуждаются в психологическом сопровождении, содержание которого видится в психологической компенсации ресурсных возможностей личности.

Практическая направленность исследования состоит в использовании эмпирических результатов для создания программы психологического сопровождения китайских студентов, обучающихся в российских вузах. Такая программа могла бы способствовать оптимизации процесса их адаптации к обучению в российском вузе и минимизации снижения личностных ресурсов.

Общие рекомендации по психологическому сопровождению китайских студентов-первокурсников, обучающихся в российских вузах, сводятся к следующим тезисам.

Для китайских студентов, обучающихся в российских вузах, целесообразны психологические занятия по развитию функциональных элементов Я-концепции и активизации ее устойчивости. Для развития позитивного содержания Я-концепции на практике при взаимодействии с китайскими студентами рекомендуется делать замечания и указания только при индивидуальной работе с ними, а при групповой работе активировать позитивную самооценку, то есть способствовать коррекции состояния неуверенности или повышенного беспокойства.

Рекомендуется ознакомить китайских студентов-первокурсников с российскими традициями речевого взаимодействия, что может способствовать формированию навыка речевого этикета и снижению психического напряжения в общении и готовности воспользоваться социальной поддержкой.

Для повышения учебной эффективности от проявления качества «добросовестность» необходимо информировать китайских студентов об основных принципах самоорганизации в учебной деятельности, предоставить информацию о тайм-менеджменте. Важно ознакомить студентов с техниками работы с учебным и научным текстом, апробировать технологию создания научного текста, в том числе текста, соответствующего требованиям, предъявляемым к студенческим квалификационным работам.

Данные рекомендации включены в программу сопровождения китайских студентов, которая в настоящее время апробируется.

Литература

1. Кошелева Е. Ю. Учебные и поведенческие стратегии китайских студентов: социокультурный анализ / ред. Е. Ю. Кошелева // Портрет образовательного мигранта. Основные аспекты академической, языковой и социокультурной адаптации. Томск: РАУШМБХ, 2011. 140 с.
2. Гузарова Н. И., Петровская Т. С. К вопросу о повышении эффективности адаптации китайских студентов к академической и социально-культурной среде Сибирского университета (на материале Томского политехнического университета) // Матер. междунар. науч.-практ. конф. «Русско-китайские языковые связи и проблемы межкультурной коммуникации в современном мире». Омск: Изд-во Ом. ГПУ, 2009. С. 26–29.
3. Иванова М. А. Психологические аспекты адаптации иностранных студентов к высшей школе. СПб.: Изд-во Полторака, 2010. 290 с.
4. Даниленко О. И., Ли Ц., Сюй И. Адаптированность китайских студентов на разных этапах обучения в вузах России и Китая // Психологические аспекты межкультурной адаптации: коллективная монография / под общ. ред. В. В. Калиты. Владивосток: Дальнаука, 2015. С. 90–110.
5. Петанова Е. И., Бордовская Н. В., Лю Ц. Сравнительный анализ адаптированности студентов-первокурсников к условиям образовательной среды (на примере Пекинского и Санкт-Петербургского университета) // Вестн. Тверского гос. ун-та. Серия: психология и педагогика. 2015. Вып. 4. С. 95–102.
6. Антомян Л. В., Петанова Е. И. Адаптация российских и иностранных студентов к обучению в вузе (на примере первокурсников СПбГУ) // Сб. материалов конференции «Дружининские чтения». Сочи: Изд-во ФГБОУ ВПО «СГУ», 2011. Т. 2. С. 38–39.
7. Ван С. Изучение адаптированности китайских студентов, обучающихся в вузах Санкт-Петербурга // Мат-лы междунар. науч. конф. молодых ученых «Психология XXI века». СПб.: СПбГУ, 2014. С. 157–158.
8. Петанова Е. И., Лю Ц. Кросс-культурные аспекты выделения задачи психологического сопровождения первокурсников СПбГУ (россиян и китайцев) // Матер. конф. «Инновационный потенциал субъектов образовательного пространства в условиях модернизации образования». Ростов-н/Д: ЮФУ, 2014. С. 199–202.
9. Ван С. Психологическое здоровье студентов как фактор адаптации к обучению за границей // Мат-лы конф. «Ананьевские чтения — 2014». СПб.: СПбГУ, 2014. С. 233–235.
10. Чэнь Ц. Повышение значимости воспитательной системы российского педагогического вуза для социальной адаптации китайских студентов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тула, 2010. 22 с.
11. Wenli Y. Academic and Cultural Experiences of Chinese Students at an American University: A Qualitative Study // Intercultural Communication Studies 2011. Vol. 20, issue 1. P. 141–157.
12. Gudykunst W. B. An anxiety / uncertainty management (AUM) theory of strangers' intercultural adjustment // Theorizing about intercultural communication. Sage. Thousand Oaks, CA.: Washington DC, 2005. P. 419–457.
13. Yan K., Berliner A., David C. Chinese international students' academic stressors in the United States // College Student Journal. 2009. Vol. 43, issue 4. P. 939–960.
14. Новгородская В. А. Личностный ресурс студентов вуза как детерминанта эффективного профессионального самоопределения: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Сочи, 2012. 26 с.
15. Борисова А. А. Личностные ресурсы межкультурной адаптации иностранных студентов // Science and Education New Dimension. Pedagogy and Psychology. 2015. Vol. 111 (20), issue 40. P. 414–416.
16. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 90 с.
17. Ван С., Петанова Е. И. Я-концепция как фактор социальной адаптации китайских студентов к обучению в российском вузе // Сб. матер. конф. «Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности». Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2014. С. 46–47.
18. Egeren L. F. van. A cybernetic model of global personality traits // Personality and Social Psychology Review. 2009. Vol. 13. P. 92–108.
19. Хромов А. Б. Пятифакторный опросник личности: учеб.-метод. пособие. Курган: Изд-во КГУ, 2000. 23 с.
20. Higgins D. M., Peterson J. B., Pihl R. O., Lee A. G. M. Prefrontal cognitive ability, intelligence, Big Five personality, and the prediction of advanced academic and workplace performance // Journal of Personality and Social Psychology. 2007. Vol. 93. P. 298–319.

Для цитирования: Ван С., Петанова Е. И. Личностные адаптационные ресурсы китайских студентов-первокурсников // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 3. С. 75–85. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.307

References

1. Kosheleva E. Iu. Uchebnye i povedencheskie strategii kitaiskikh studentov: sotsio-kul'turnyi analiz [Education and behavioral strategies of Chinese students: socio-cultural analysis]. *Portret obrazovatel'nogo migranta. Osnovnye aspekty akademicheskoi, iazykovoi i sotsio-kul'turnoi adaptatsii* [Portrait of educational migrant. The main aspects of the academic, linguistic and socio-cultural adaptation]. Ed. by E. Iu. Kosheleva. Tomsk, RAUShMBKh Publ., 2011. 140 p. (In Russian)
2. Guzarova N. I., Petrovskaia T. S. K voprosu o povyshenii effektivnosti adaptatsii kitaiskikh studentov k akademicheskoi i sotsial'no-kul'turnoi srede Sibirskogo universiteta (na materiale Tomskogo politekhnicheskogo universiteta) [On the issue of improving the effectiveness of the adaptation of Chinese students to the academic and socio-cultural environment of the Siberian University (on the basis of Tomsk Polytechnic University)]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Russko-kitaiskie iazykovye sviazi i problemy mezhsivilizatsionnoi kommunikatsii v sovremennom mire»* [Materials of the international scientific-practical conference «Russian-Chinese language communication and inter-civilization problems of communication in the modern world»]. Omsk, OmSPU Publ., 2009, pp. 26–29.
3. Ivanova M. A. *Psikhologicheskie aspekty adaptatsii inostrannykh studentov k vysshei shkole* [Psychological aspects of adaptation of foreign students to the high school]. St. Petersburg, Poltorak Publ., 2010. 290 p. (In Russian)
4. Danilenko O. I., Li Ts., Siui I. Adaptirovannost' kitaiskikh studentov na raznykh etapakh obucheniia v vuzakh Rossii i Kitaia [Adaptability of Chinese students at various stages of training in higher educational institutions of Russia and China]. *Psikhologicheskie aspekty mezhkul'turnoi adaptatsii: kollektivnaia monografiia* [Psychological aspects of intercultural adaptation: collective monograph]. Ed. by V. V. Kalita. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2015, pp. 90–110. (In Russian)
5. Petanova E. I., Bordovskaia N. V., Liu Ts. Sravnitel'nyi analiz adaptirovannosti studentov-pervokursnikov k usloviyam obrazovatel'noi sredy (na primere Pekinskogo i Sankt-Peterburgskogo universiteta) [Comparative analysis of adaptation of first-year students to the educational environment conditions (for example, Beijing and St. Petersburg State University)]. *Vestnik of the Tver State University. Series: Psychology and Pedagogy*. 2015, issue 4, pp. 95–102. (In Russian)
6. Antonian L. V., Petanova E. I. Adaptatsiia rossiiskikh i inostrannykh studentov k obucheniiu v vuze (na primere pervokursnikov SPbGU) [Adaptation of Russian and foreign students to training in high school (on example of St. Petersburg State University first-year students)]. *Sb. materialov konferentsii «Druzhininskie chteniia»* [Coll. Materials of the conference “Druzhininsky reading”]. Sochi, SSU Publ., 2011, vol. 2, pp. 38–39. (In Russian)
7. Van S. Izuchenie adaptirovannosti kitaiskikh studentov, obuchaiushchikhsia v vuzakh Sankt-Peterburga [Learning adaptability of Chinese students studying in the universities of St. Petersburg]. *Mat-ly mezhdunar. nauch. konf. molodykh uchenykh «Psikhologii XXI veka»* [Proceedings of the international scientific conference of young scientists “Psychology of the XXI century”]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2014, pp. 157–158. (In Russian)
8. Petanova E. I., Liu Ts. Kross-kul'turnye aspekty vydeleniia zadachi psikhologicheskogo soprovozhdeniia pervokursnikov SPbGU (rossiian i kitaitsev) [Cross-cultural aspects of the defining the problem of psychological support of St. Petersburg State University first-year students (Russian and Chinese)]. *Mat-ly konf. «Innovatsionnyi potentsial sub'ektov obrazovatel'nogo prostranstva v usloviakh modernizatsii obrazovaniia»* [Materials of the conference “The innovative potential of subjects of educational space in the modernization of education”]. Rostov-on-Don, SFU Publ., 2014, pp. 199–202. (In Russian)
9. Van S. Psikhologicheskoe zdorov'e studentov kak faktor adaptatsii k obucheniiu za granitse [Psychological health of students as the factor of adaptation to training abroad]. *Mat-ly konf. «Anan'evskie chteniia — 2014»* [Materials of the conference “Anan'evskij Readings — 2014”]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2014, pp. 233–235. (In Russian)
10. Chen' Ts. *Povyshenie znachimosti vospitatel'noi sistemy rossiiskogo pedagogicheskogo vuza dlia sotsial'noi adaptatsii kitaiskikh studentov*. Authoref. diss. ... kand. ped. nauk [Increasing importance of the Russian educational system of pedagogical high school for social adaptation of Chinese students. Thesis of PhD]. Tula, 2010. 22 p. (In Russian)
11. Wenli Y. Academic and Cultural Experiences of Chinese Students at an American University: A Qualitative Study. *Intercultural Communication Studies*, 2011, vol. 20, issue 1, pp. 141–157. (In Russian)
12. Gudykunst W. B. An anxiety / uncertainty management (AUM) theory of strangers' intercultural adjustment. *Theorizing about intercultural communication*. Sage. Thousand Oaks, CA.: Washington DC, 2005, pp. 419–457.

13. Yan K., Berliner A., David C. Chinese international students' academic stressors in the United States. *College Student Journal*, 2009, vol. 43, issue 4, pp. 939–960.

14. Novgorodskaja V. A. *Lichnostnyi resurs studentov vuza kak determinanta effektivnogo professional'nogo samoopredeleniia*. Authoref. dis. ... kand. psikh. nauk [*Personal resources of high school students as a determinant of effective professional self-determination*]. Thesis of PhD]. Sochi, 2012. 26 p. (In Russian)

15. Borisova A. A. Lichnostnye resursy mezhkul'turnoi adaptatsii inostrannykh studentov [Personal resources of cross-cultural adaptation of foreign students. Science and Education a New Dimension]. *Science and Education a New Dimension. Pedagogy and Psychology*, 2015, vol. 111 (20), issue 40, pp. 414–416. (In Russian)

16. Vodop'ianova N. E. *Psikhodiagnostika stressa* [Stress psychodiagnostics]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 90 p. (In Russian)

17. Van S., Petanova E. I. Ia-kontseptsiiia kak faktor sotsial'noi adaptatsii kitaiskikh studentov k obucheniiu v rossiiskom vuze [Self-concept as a factor of social adaptation to the Chinese students in Russian high school education]. *Sb. mat-v konf. «Formy i metody sotsial'noi raboty v razlichnykh sferakh zhiznedeiatel'nosti»* [Proceedings of the conference: "The forms and methods of social work in different spheres of life"]. Ulan-Ude, VSGUTU Publ., 2014, pp. 46–47. (In Russian)

18. Egeren L. F. van. A cybernetic model of global personality traits. *Personality and Social Psychology Review*, 2009, vol. 13, pp. 92–108.

19. Khromov A. B. *Piatifaktorny oprosnik lichnosti: ucheb.-metod. posobie* [Five-factor personality questionnaire: Study guide]. Kurgan, Publishing of KSU, 2000. 23 p. (In Russian)

20. Higgins D. M., Peterson J. B., Pihl R. O., Lee A. G. M. Prefrontal cognitive ability, intelligence, Big Five personality, and the prediction of advanced academic and workplace performance [Prefrontal cognitive ability, intelligence, Big Five personality, and the prediction of advanced academic and workplace performance]. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2007, vol. 93, pp. 298–319. (In Russian)

For citation: Wang S., Petanova E. I. Personal "barriers" of adaptation of the Chinese students to training in the Russian higher education institution. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, 2016, issue 3, pp. 75–85. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.307

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2015 г.

И. И. Мамайчук

ВКЛАД ШКОЛЫ Б. Г. АНАНЬЕВА В РАЗРАБОТКУ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ И МЕТОДИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ДЕТСКОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В статье представлены теоретико-методологические направления детской клинической психологии, в основу которых положены исследования Ленинградской психологической школы под руководством Б. Г. Ананьева. При опоре на фундаментальные принципы исследования, разработанные Б. Г. Ананьевым, отражена их значимость в психологической диагностике и психологической коррекции детей с нарушениями в развитии. Библиогр. 26 назв.

Ключевые слова: детская клиническая психология, предметное поле, перцептогенез и онтогенез восприятия, сенсорно-перцептивная деятельность при нарушенном развитии, онтогенетический и структурно-динамический подходы, структурообразование интеллектуальных функций при нарушенном развитии, системообразующие компоненты личности при нарушенном развитии, психическая адаптация.

Mataychuk I. I.

THE CONTRIBUTION OF B. G. ANANYEV'S SCHOOL CONCEPT TO DEVELOPMENT OF METHODOLOGICAL ISSUES OF CHILDHOOD CLINICAL PSYCHOLOGY

This article is focused on description of theoretical and methodological directions of pediatric clinical psychology based on the research results conducted under the guidance of B. G. Ananiev's Leningrad Psychological School. Based on the Ananyev school's fundamental scientific principles, the present article underlines the importance of these results in psychological diagnostics and in psychological treatment of children with different types of developmental disturbances. Refs 26.

Keywords: childhood clinical psychology; subject field; perceptogenesis and ontogenesis of perception; sensory-perceptual activities with developmental disorders; ontogenetic and structural-dynamic approaches; structure formation of intellectual functions with developmental disorders; systemically important components of personality with developmental disorders; psychic adaptation.

Детская клиническая психология — сравнительно молодая психологическая специальность, имеющая широкий профиль. Межотраслевой характер детской клинической психологии позволяет ей участвовать в решении комплексных задач в системе не только здравоохранения, но и образования, а также социальной помощи населению. Категориальный аппарат детской клинической психологии находится на стадии становления, что прежде всего связано с эволюцией представлений о ее предмете. Несмотря на значительное количество исследований в области детской клинической психологии, остается неясным ее предметное поле, так как оно совпадает с предметным полем специальной психологии или коррекционной психологии. В настоящее время современная психология успешно развивается во взаимодействии с другими науками и под их влиянием. В методологии любой научной дисциплины важное место занимает определение объекта и предмета исследования. Как в клинической, так и в специальной психологии объектом исследования явля-

Мамайчук Ирина Ивановна — доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; mauki@mail.ru

Mataychuk Irina I. — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; mauki@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

ется личность ребенка и подростка с трудностями адаптации и самореализации, связанными с физическим, психическим и социальным состоянием. Методология методов как детской клинической, так и специальной психологии включает в себя конкретно-научные методы исследования: наблюдение, эксперимент, моделирование и др. Методологические принципы (основополагающие идеи) клинической и специальной психологии содержательно не отличаются друг от друга. Являясь психологическими дисциплинами, клиническая и специальная психологии опираются на методологию и методы общей психологии. Основываясь на фундаментальных методологических категориях (сознание, развитие, деятельность, активность), отечественная психология рассматривает процесс формирования психики ребенка как многомерный и многоуровневый, включающий в себя качественное изменение взаимозависимых, различных по характеристикам психических образований [1–7]. К. К. Платонов, разрабатывая принципы медицинской психологии, подчеркивал высокую значимость следующих принципов: детерминизма, единства сознания и деятельности, рефлекторного принципа, историзма, развития, структурности, личностного подхода [8]. Все эти принципы имеют существенное значение и для специальной психологии, особенно принцип развития

Таким образом, детская клиническая и специальная психологии имеют один объект и предмет исследования, единые методологические подходы, единую практическую направленность. В связи с этим возникает вопрос, есть ли необходимость разделять эти две прикладные психологические дисциплины? На наш взгляд, необходимо отречься от тенденции к дифференциации психологических исследований и ориентироваться на биопсихосоциальную модель нарушенного развития и объединить клинико-психологическое и психолого-педагогическое направления изучения детей и подростков с нарушениями в развитии под общим названием — детская клиническая психология.

Несмотря на значительное число эмпирических исследований в рамках специальной и детской клинической психологии об особенностях познавательных процессов, умственного развития и личности у детей и подростков с нарушениями в развитии, категориальный аппарат находится в стадии становления в связи со следующими проблемами:

1. Практически не разработан, за исключением отдельных трудов, дифференцированный подход к психологическому анализу нарушенного развития с учетом этиологических, патогенетических и клинических факторов, лежащих в основе психического или физического дефекта ребенка и подростка [7].

2. Практически не изучена специфика нарушений межфункциональных связей и взаимодействия различных психологических систем (когнитивных, регуляторных, активизирующих, коммуникативных и пр.) при различных видах нарушений психического развития у детей и подростков.

3. Кроме задач анализа развития межфункциональных взаимодействий у детей и подростков с нарушениями в развитии, особую актуальность приобретает проблема анализа особенностей распада высших психических функций на различных этапах онтогенеза. Таких исследований крайне мало не только в отечественной, но и в зарубежной детской клинической психологии.

4. Недостаточно используется разработанный в рамках общей психологии целостный подход к изучению нарушенного развития, хотя он широко декларируется.

5. Особую актуальность приобретает проблема психологической помощи детям в системе детской клинической психологии. Увлечение различными психотехниками, использование разнообразных тренингов и других способов психологического воздействия без учета теоретико-методологических обоснований может привести и нередко приводит к негативным последствиям.

Традиционно теоретические направления изучения нарушенного развития в отечественной психологии мы связываем с именем Л. С. Выготского. Однако фундаментальные эмпирические исследования в этом направлении проводились и в Ленинградской психологической школе под руководством Б. Г. Ананьева. Еще в начале 1950-х гг. под руководством Б. Г. Ананьева его ученицей Р. А. Вороновой на базе Ленинградского детского ортопедического института им. Г. И. Турнера были проведены исследования особенностей пространственного восприятия и представлений у детей с заболеваниями опорно-двигательного аппарата. Исследуя особенности дифференцировки пространственных сигналов методом условных сосудистых рефлексов, автор убедительно показала наличие существенных затруднений в дифференцировке вертикальной линии у детей с двигательной недостаточностью. По традиции школы Б. Г. Ананьева, исследование Р. А. Вороновой не ограничивалось только констатацией научных фактов, были предложены конкретные коррекционные программы, направленные на развитие пространственных функций у школьников с двигательной недостаточностью [9].

Работы соратников Б. Г. Ананьева — В. Н. Мясищева, А. В. Ярмоленко и его учеников — Л. М. Веккера, Б. Ф. Ломова, Е. Ф. Рыбалко и других в тот период были посвящены изучению особенностей перцептивного, интеллектуального и личностного развития не только при нормальном развитии, но и у лиц с дефектами анализаторов, с нарушениями ЦНС и психическими заболеваниями. В 1959 г. под редакцией Б. Г. Ананьева вышла в свет коллективная монография под названием «Осязание в процессах труда и познания», удостоенная премии им. К. Д. Ушинского. В этой работе впервые был отражен *комплексный подход* к анализу перцепции как совокупности и взаимодействия трех факторов индивидуального развития: функционального, операционального и мотивационного. В монографии также изложены данные экспериментально-психологических исследований сенсорно-перцептивных процессов не только у здоровых, но и у лиц с сенсорными дефектами (слепота, глухота и слепоглухонемота). В работах А. В. Ярмоленко и Л. М. Веккера было убедительно доказано, что дефекты сенсорного развития при периферической слепоте, глухоте и слепоглухоте резко ограничивают функциональные возможности ребенка, препятствуют образованию сложных перцептивных систем и задерживают весь ход онтогенетического развития. Б. Ф. Ломов, ученик Б. Г. Ананьева, на начальных этапах своей научной деятельности изучает особенности пространственных представлений и бимануального осязания у школьников. Тщательный анализ особенностей движений рук в процессе осязания позволил автору сделать вывод, что ощупывающие движения выполняют функции измерения объекта и построения его образа, проанализировать возрастную динамику формирования перцептивных действий в процессе ощупывания и теоретически обосновать роль осязания в практической деятельности [5, 6, 10–15].

Более полувека прошло с начала психологических исследований в школе Б. Г. Ананьева, но актуальность их несомненна и сегодня. Б. Г. Ананьев остро пони-

мал значение проблем нарушенного развития для теории и практики психологической науки. Исследования сотрудников кафедры общей психологии, которой он руководил, были направлены на изучение сенсорно-перцептивной и интеллектуальной деятельности у лиц с дефектами анализаторов и центральной нервной системы и убедительно показали, что изучение этой проблематики позволяет глубже проникнуть в механизмы нормального развития.

Например, ученик Б. Г. Ананьева Л. М. Веккер на основе многочисленных экспериментальных данных убедительно продемонстрировал поэтапный характер формирования образа восприятия в условиях помех — от максимальной свернутости пространственных параметров стимула в ощущении до полного соответствия образа и стимула (метрический инвариант). Были выделены следующие этапы: 1) аморфная вариативная структура замкнутого контура; 2) выделение резких сдвигов кривизны; 3) грубое воспроизведение общей формы при нарушениях пропорций и углов; 4) адекватное воспроизведение формы. Кроме этих этапов Л. М. Веккер выделяет еще этап незамкнутого контура, который редко обнаруживается в условиях восприятия, но проявляется при снятии внутренних помех (симультирование образа) и при восприятии в тактильной модальности. Автор соотнес этапы формирования образа с иерархической матрицей уровней изоморфизма как общего принципа упорядоченности сигнала относительно источника. Так, первый этап (аморфное пятно и мерцание формы) является выражением топологического изоморфизма. На этапе выделения сдвигов кривизны отмечается тенденция к сохранению прямолинейности, что является выражением проективного изоморфизма. На этапе грубого воспроизведения формы сохранение параллельности линий при нарушении пропорций и углов составляет сущность аффинного изоморфизма. Этап адекватного воспроизведения формы есть выражение изоморфизма подобия. В исследованиях психологов онтогенеза формирования восприятия у детей было показано, что в возрасте 3–4-х лет ребенок способен различать предметы на базе топологических признаков, дифференцируя замкнутую форму от открытой. Позже формируется различие криволинейных и прямолинейных форм (проективный изоморфизм). Адекватное воспроизведение параллельности углов, величины и формы формируется у детей значительно позже [16, 17]. Совпадение фаз перцептогенеза, тщательно проанализированных Л. М. Веккером, с динамикой формирования образа восприятия в онтогенезе особенно наглядно проявляется в стадиях формирования детского рисунка [4]. Первая стадия — бесформенные каракули (дотопологический уровень). Вторая — аморфная структура замкнутого контура (топологический изоморфизм). Третья — символическое изображение (проективный изоморфизм). Четвертая — выделение общей формы при несоблюдении пропорций и величины (аффинный изоморфизм). Пятая — адекватное воспроизведение формы (изоморфизм подобия). Шестая стадия — адекватное воспроизведение формы, величины и пропорций предметов (метрический вариант). В экспериментальных исследованиях Л. М. Веккера была доказана общность поэтапной динамики перцептогенеза с закономерностями онтогенеза перцептивной деятельности, описанной Ж. Пиаже [13, 14].

Научные интересы Л. М. Веккера не ограничивались изучением особенностей гностических процессов при нормальном психическом развитии. В исследованиях

механизмов перцептогенеза, проведенных под его руководством, анализировались особенности осязательного восприятия у школьников с детским церебральным параличом. Существенных нарушений тактильных и кинестетических порогов ощущения у детей с ДЦП не было выявлено. Авторы обратили внимание на значительные трудности в процессе «синтезирования осязательных сигналов и последовательной развертки образов восприятия», а при графическом изображении фигур у них наблюдались трудности воспроизведения метрических характеристик предметов и «застревание на уровне топологических характеристик» [14]. Лев Маркович проявлял огромный интерес к проблеме онтогенеза перцептивных функций при нарушенном развитии, интересовался исследованиями в данном направлении.

Сравнительные возрастные исследования особенностей осязательного и зрительного восприятия у детей с различной степенью тяжести нарушений интеллектуальных и моторных функций, проведенные нами под руководством заслуженного деятеля науки профессора А. В. Ярмоленко, показали, что в обоих генетических рядах — как при нормальном, так и при аномальном развитии — закономерности генезиса восприятия имеют единую детерминацию [18]. Были выделены этапы, на которых происходит «застревание», фиксация в развитии перцептивных функций у детей с нарушениями интеллекта и моторики. Анализ этих промежуточных этапов, которые наглядно проявляются у детей с психическим недоразвитием и задержанным развитием, позволяет углубить наши представления о динамике формирования образов восприятия и при нормальном развитии, что сложно проследить в связи с их интериоризацией.

Многочисленные эмпирические исследования и теоретико-психологические обобщения, проведенные Б. Г. Ананьевым, его сотрудниками и учениками, выявили закономерности структурирования и генезиса психических функций в различные возрастные периоды. В работах Б. Г. Ананьева и его учеников на большом экспериментальном материале показано, что в онтогенезе структура перцептивных процессов внутренне противоречива [3]. Наиболее выражена противоречивость между функциональными и операциональными компонентами восприятия. Отмечена также особая роль мотивационных компонентов восприятия в психическом развитии ребенка. Б. Г. Ананьев подчеркивал, что подход к проблеме восприятия как совокупности трех составляющих образований (функциональных, операциональных и мотивационных) является перспективным. Методологическая значимость взглядов Б. Г. Ананьева подтвердилась дальнейшими исследованиями структурно-динамических характеристик восприятия у детей с различными формами нарушенного развития, по классификации В. В. Лебединского [7]. Например, в исследованиях детей с различными вариантами нарушенного развития выявлено, что своеобразие и структура психического дефекта у ребенка оказывают специфическое влияние как на содержательные, так и на динамические характеристики сенсорно-перцептивной деятельности. При *психическом недоразвитии* (умственная отсталость) определяющим негативным фактором является недоразвитие обобщения, анализа и синтеза воспринимаемых сигналов, что отражает недоразвитие операциональных механизмов перцепции [19]. При *задержанном развитии* церебрально-органического генеза трудности пространственного анализа и синтеза препятствуют формированию адекватного образа восприятия, а при других формах задержки психического развития (соматогенная, психогенная, конституциональный инфан-

тилизм) наблюдаются нарушения динамических характеристик восприятия [20]. При *поврежденном развитии* сложная многоуровневая структура вторичного дефекта отражается как на структурных, так и на динамических характеристиках восприятия [7, 21]. При *дефицитном развитии* недоразвитие восприятия обусловлено ограниченными функциональными возможностями ребенка. В первую очередь страдают «директивные факторы восприятия», отражающие жизненный опыт, потребности, его эмоциональные установки [22]. Особый интерес представляет анализ особенностей восприятия у детей с *искаженным развитием* вследствие раннего детского аутизма. Сенсорная и эмоциональная гипертензия, наблюдаемая у этих детей, обуславливает нарушение не только динамических характеристик восприятия, но и его структурных компонентов [19]. У детей с *дисгармоничным развитием*, при котором наблюдаются аффективная неустойчивость, нарушения поведения, негативное влияние на формирование восприятия оказывает неадекватная установка, что может способствовать формированию искаженных и фрагментарных образов восприятия [21].

Многолетнее *комплексное* исследование человека, выполненное под руководством Б. Г. Ананьева, было направлено на изучение *возрастной изменчивости* психических функций, интеллекта и особенностей развития личности в целях создания в дальнейшем возрастной периодизации развития как индивида, личности и индивидуальности в условиях обучения. Б. Г. Ананьев рассматривал интеллект как многоуровневую организацию познавательных функций, связанную с психофизиологическими процессами, состояниями и свойствами личности. Анализируя межфункциональные связи в структуре интеллекта взрослого человека, Б. Г. Ананьев подчеркивал значение использования математико-статистических методов: корреляционного и факторного анализа для выявления связей между различными характеристиками и определения веса того или иного фактора интеллектуального развития человека. Благодаря использованию графических методов корреляционных плеяд были выявлены структурные характеристики интеллекта взрослого человека в различные периоды жизни. Взаимозависимый анализ генетических и структурных связей дает возможность выявить динамику становления целостной системы интеллекта. Многочисленные исследования учеников и коллег Б. Г. Ананьева показали, что на разных этапах возрастного развития структуры психических функций изменчивы [15, 23, 24]. В одних возрастных периодах центральными в системе интеллекта оказываются жесткие (устойчивые) связи, указывающие на степень интегрированности психических функций, в других — дискретные (неустойчивые), отражающие их дифференцированность. На разных этапах возрастного развития человека происходит «изменчивость структур», составляющих единство, под влиянием различных как внутренних, так и внешних факторов [24, С. 18–19].

Предложенный Б. Г. Ананьевым и его учениками структурно-динамический принцип психологических исследований имеет огромное теоретическое и практическое значение в детской и подростковой клинической психологии. В нашем сравнительном исследовании здоровых школьников и школьников с разными формами детского церебрального паралича в возрасте от 8 до 15 лет были выявлены возрастные особенности процессов структурообразования интеллектуальных функций. У здоровых школьников с возрастом функциональные структуры

интеллекта становятся более интегрированными и подвижными, что согласуется с многочисленными исследованиями Е. Ф. Рыбалко и ее учеников [15]. У школьников с церебральным параличом, так же как у здоровых школьников, наблюдается тенденция к интеграции функциональных структур интеллекта, но наблюдались качественные различия в процессе их структурообразования. Это проявляется: в слабой подвижности психических функций в процессе их структурообразования; в высокой значимости энергетических характеристик интеллекта (памяти и внимания) в общем интеллектуальном развитии; в недостаточной взаимосвязанности вербальных функций интеллекта с невербальными [19]. Аналогичные результаты были получены при сравнительном исследовании личностных особенностей здоровых и школьников с двигательными нарушениями различного генеза. У детей с ДЦП, когда основной причиной двигательного дефекта является церебрально-органическая недостаточность, структура личности отличается меньшей интегрированностью и в качестве структурообразующих компонентов личности выступают ее эмоционально-волевые характеристики (тревожность, эмоционально-волевая неустойчивость, фрустрированность). С возрастом детей увеличивается значимость эмоционально-волевых компонентов личности. Возрастная изменчивость личностных особенностей у детей с двигательными нарушениями различного генеза обусловлена действием не только ведущих социальных факторов (воспитание, обучение, общение), но и биологических факторов, а именно: локализацией дефекта, его формой и степенью тяжести [21].

Б. Г. Ананьева подчеркивал, что многоуровневая системная организация психической деятельности человека требует тщательного методологического подхода и предъявляет высокие требования к методу исследования. Работы Б. Г. Ананьева и его учеников наглядно продемонстрировали преимущество комплексного, междисциплинарного подхода к исследованию личности, что является высокозначимым для детской и подростковой клинической психологии. Б. Г. Ананьев выделил следующие группы методов: 1) организационные (в эту группу входят сравнительный, лонгитюдный, комплексный анализ); 2) эмпирические (обсервационные, экспериментальные, психодиагностические методы, праксиметрические и биографические методы); 3) обработки данных (количественные и качественные методы анализа); 4) интерпретационные методы (различные варианты генетического и структурного методов). Классификация Б. Г. Ананьева позволила представить систему методов, отвечающую требованиям различных направлений психологии: педагогической, медицинской и др. Характеризуя организационный метод, включающий в себя сравнительный, лонгитюдный и комплексный анализ, Б. Г. Ананьев отмечал его высокую значимость в психологическом исследовании. В детской клинической психологии исследования должны проводиться не только в рамках сравнительного и комплексного анализа, а также требуют использования лонгитюдного метода, при использовании которого клинический психолог может проследить возрастные изменения психических функций у детей и подростков с нарушениями в развитии. Например, чтобы решить вопрос, как изменяется уровень интеллектуального развития ребенка с возрастом, с целью прогноза его дальнейшего обучения, необходимо наблюдать этого ребенка в процессе его развития.

Целостный подход в психологических исследованиях процесса психического развития детей и подростков требует обязательного анализа не только гностических

и личностных факторов, но и соотношения их взаимодействия со средой. В психологии подход к проблеме адаптации как гомеостатическому уравниванию индивида с окружающей средой впервые был раскрыт еще в работах Жана Пиаже. В медицинской психологии и психофизиологии используется понятие «психическая адаптация» [25]. Например, Б. Ф. Березин рассматривает психическую адаптацию как процесс оптимального соотношения личности и окружающей среды в процессе осуществления деятельности индивидом. Это дает возможность индивиду удовлетворить актуальные потребности и реализовать себя, а также обеспечивает соответствие психической деятельности человека, его поведения требованиям среды. Изучение специфики психической адаптации, как при нормальном, так и при нарушенном развитии, необходимо проводить в рамках комплексного и системного подходов. Например, индивидуальный уровень анализа психической адаптации включает в себя изучение клинко-психологических характеристик индивида, что крайне необходимо при анализе нарушенного развития. Личностный уровень сопряжен с изучением структуры личности, мотивационной сферы, развития самосознания детей и подростков с нарушениями в развитии. На уровне индивидуальности исследуется гармония структурных характеристик личности [19, 25]. Кроме комплексного подхода к проблеме психической адаптации определяющее значение имеет системно-структурный анализ ее составляющих, успешно разработанный в исследованиях ученика и соратника Б. Г. Ананьева, Б. Ф. Ломова. Такой подход к психической адаптации позволяет выделить две ее базовые характеристики, а именно: иерархичность и динамичность. Наши исследования показали, что изучение особенностей адаптации при нормальном и нарушенном развитии с использованием комплексного подхода, разработанного в школе Б. Г. Ананьева, дает возможность:

- глубже исследовать закономерности формирования личности при нормальном и нарушенном развитии;
- выделить значение средовых (внешних) факторов в процессе индивидуального развития личности;
- показать роль и значение каждого фактора в эффективности адаптационного процесса личности;
- проанализировать соотношение выявленных факторов на индивидуальном, личностном и индивидуальном уровнях развития личности ребенка [26].

Онтогенетический и системно-структурный подходы, успешно разработанные в Ленинградской психологической школе под руководством Б. Г. Ананьева, имеют огромное значение в разработке теории и практики психологической помощи. В. Н. Мясичев подчеркивал необходимость структурно-динамического подхода к анализу психического развития ребенка с нарушением в развитии, выделяя три основные группы дефектов: приорганические, врожденные и анализаторные, и обращал внимание на их специфическое влияние на динамику развития ребенка. Исследователь отмечал, что ребенок с проблемами в развитии представляет собой личность, руководить которой можно, только поняв ее своеобразие, вытекающее из всей истории ее развития [12]. К сожалению, нередко специалисты, работающие с больными детьми (педагоги-дефектологи, врачи, социальные работники и даже некоторые психологи), видят в детях с нарушениями в развитии только болезненный процесс, но не личность. Отсюда и односторонний подход к реабилитации таких детей, недооценка значимости психологической помощи им и их родителям. Наши

исследования убедительно показали, что при разработке методологических и методических проблем психологической помощи детям и подросткам большое значение имеет ориентация на онтогенетические и системно-структурные модели нарушенного развития. Только такой подход позволяет разработать направления психологической коррекции и дифференцированные психокоррекционные программы и технологии.

Итак, разработанные Б. Г. Ананьевым и его учениками методологические и методические подходы к исследованию гностических процессов и личности имеют определяющее значение для детской клинической психологии в следующих направлениях.

Во-первых, целостный, интегральный подход к проблеме психического развития позволяет более дифференцированно подойти к проблеме индивидуального развития в норме и патологии.

Во-вторых, структурно-динамический подход к исследованию особенностей формирования интеллекта и личности с применением многомерного статистического анализа, предложенный Б. Г. Ананьевым и разрабатываемый его учениками, очень важен при психологическом анализе структуры и динамики нарушения гностических, интеллектуальных и личностных особенностей у детей и подростков.

В-третьих, такой подход позволяет проследить взаимодействие возрастных и индивидуально-типических, клинических характеристик в развитии изучаемых функций.

В-четвертых, анализ и учет характера взаимосвязей изучаемых структур гностических процессов, интеллектуальных функций и личностных особенностей при нарушенном развитии позволяют разработать дифференцированные методы психокоррекционных воздействий.

Глубина психологического анализа, неиссякаемая доброта, интеллигентность и гуманизм отличали Б. Г. Ананьева, его учеников и коллег. В настоящее время много пишут и говорят о детях с нарушениями в развитии, ссылаясь на богатый зарубежный опыт, но, к большому сожалению, забывают об отечественных ученых, которые более полувека назад теоретически обосновывали эти проблемы и пытались найти их практическое решение.

Литература

1. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977. 380 с.
2. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968. 339 с.
3. Ананьев Б. Г., Дворяшина М. Д., Кудрявцева Н. А. Индивидуальное развитие человека и константность восприятия. М.: Просвещение, 1968. 333 с.
4. Выготский Л. С. Полн. собр. соч.: в 6 т. М., 1983–1984.
5. Ломов Б. Ф. Формирование графических знаний и навыков у учащихся. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1950. 270 с.
6. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
7. Лебединский В. В. Нарушения психического развития у детей. М.: МГУ, 1985. 168 с.
8. Платонов К. К. Методологические проблемы медицинской психологии. М.: Медицина, 1977. 96 с.
9. Воронова Р. А. Опыт изучения различий пространственных отношений у детей, имеющих поражение опорно-двигательного аппарата // Известия АПН РСФСР. 1956. Вып. 86. С. 66–93.
10. Осознание в процессах познания и труда / под ред. Б. Г. Ананьева. М.: Б.и., 1959. 263 с.

11. Мясищев В. Н. Личность и труд аномального ребенка // Психические особенности трудно-воспитуемых и умственно-отсталых детей. М.: Изд-во Института мозга, 1936. С. 3–21.
12. Мясищев В. Н. Личность и неврозы. Л.: ЛГУ, 1960. 426 с.
13. Веккер Л. М. Психические процессы: в 3 т. Л.: ЛГУ, 1974. Т. 1. 334 с.
14. Веккер Л. М., Бровар А. В., Владимировна Н. М., Михайлова И. А. О соотношении структурных и статистических характеристик образов восприятия разной степени константности // Вопросы психологии. 1971. № 1. С. 28–35.
15. Рыбалко Е. Ф. Возрастная и дифференциальная психология. Л.: ЛГУ, 1990. 256 с.
16. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969. 659 с.
17. Пиаже Ж. Генезис восприятия // Экспериментальная психология / ред.-сост. П. Фрес, Ж. Пиаже. М.: Прогресс, 1978. Вып. VI, гл. XVIII. С. 14–87.
18. Мамайчук И. И. Гаптическое и зрительное восприятие у детей при нарушениях интеллекта и моторики: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1978. 24 с.
19. Мамайчук И. И. Психология дизонтогенеза и основы психокоррекции. СПб.: СПбГУ, 2000. 160 с.
20. Мамайчук И. И., Ильина М. Н. Помощь психолога ребенку с задержкой психического развития. СПб.: Речь, 2004. 352 с.
21. Мамайчук И. И. Психокоррекционные технологии для детей с проблемами в развитии. СПб.: Речь, 2003, 400 с.
22. Сорокин В. М. Специальная психология. СПб.: Речь, 2003. 216 с.
23. Головей Л. А. Психология становления субъекта деятельности в периоды юности и взрослости: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1996. 46 с.
24. Степанова Е. И. Опыт комплексного изучения человека в Ленинградской школе психологов // Психол. журн. 1994. Т. 15, № 5. С. 13–21.
25. Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука, 1988. 213 с.
26. Мамайчук И. И. Методологические подходы к исследованию психологической адаптации при нормальном и нарушенном развитии у детей и подростков // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2009. Вып. 4. С. 151–156.

Для цитирования: Мамайчук И. И. Вклад школы Б. Г. Ананьева в разработку методологических и методических проблем детской клинической психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 3. С. 86–96.
DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.308

References

1. Anan'ev B. G. *O problemakh sovremennogo chelovekoznaniiia* [On the problems of modern human study]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 380 p. (In Russian)
2. Anan'ev B. G. *Chelovek kak predmet poznaniia* [Man as an object of knowledge]. Leningrad, LSU Publ., 1968. 339 p. (In Russian)
3. Anan'ev B. G., Dvoriashina M. D., Kudriavtseva N. A. *Individual'noe razvitie cheloveka i konstantnost' vospriiatiiia* [Individual human development and constancy of perception]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968. 333 p. (In Russian)
4. Vygotskii L. S. *Poln. sobr. soch. v 6-ti tomakh* [Collected works in 6 volumes]. Moscow, 1983–1984. (In Russian)
5. Lomov B. F. *Formirovanie graficheskikh znaniia i navykov u uchashchikhsia* [Formation of graphic knowledge and skills of students]. Moscow, APN RSFSR Publ., 1950, 270 p. (In Russian)
6. Lomov B. F. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 444 p. (In Russian)
7. Lebedinskii V. V. *Narusheniia psikhicheskogo razvitiia u detei* [Mental development in children]. Moscow, MSU Publ., 1985. 168 p. (In Russian)
8. Platonov K. K. *Metodologicheskie problemy meditsinskoi psikhologii* [Methodological problems of medical psychology]. Moscow, Medicine Publ., 1977. 96 pp. (In Russian)
9. Voronova R. A. *Opyt izucheniia razlichenii prostranstvennykh otnoshenii u detei, imeiushchikh porazhenie oporno-dvigatel'nogo apparata* [Experience of studying spatial relationships distinctions in children with a defeat of the musculoskeletal system]. *Izvestiia APN RSFSR* [Proceedings of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR], 1956, issue 86, pp. 66–93. (In Russian)
10. *Osiazanie v protsessakh poznaniia i truda* [Tactile Perception in the Process of Cognition and Labor]. Ed. by B. G. Ananiev. Moscow, 1959. 263 p. (In Russian)

11. Miasishchev V.N. Lichnost' i trud anomal'nogo rebenka [Personality and work of Abnormal Child]. *Psikhicheskie osobennosti trudnovospituemykh i umstvenno-otstalykh detei* [Mental particularly intractable and umstvenno-retarded children]. Leningrad, Institut mozga Publ., 1936, pp. 3–21. (In Russian)
12. Miasishchev V.N. *Lichnost' i nevrozy* [Personality and neuroses]. Leningrad, LSU Publ., 1960. 426 p. (In Russian)
13. Vekker L. M. *Psikhicheskie protsessy: V 3 t.* [Mental processes: In three volumes]. Leningrad, LSU Publ., 1972, vol. 1. 334 p. (In Russian)
14. Vekker L. M., Brovar A. V., Vladimirova N. M., Mikhailova I. A. O sootnoshenii strukturnykh i statisticheskikh kharakteristik obrazov vospriiatiia raznoi stepeni konstantnosti [On the relation between the structural and statistical characteristics of images of varying degrees of perception constancy]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 1971, vol. 1, pp. 28–35. (In Russian)
15. Rybalko E. F. *Voзрастnaia i differentsial'naia psikhologiya* [Age and differential psychology]. Leningrad, LSU Publ., 1990. 256 p. (In Russian)
16. Piazhe Zh. *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Moscow, Prosveshchenie, 1969. 659 p. (In Russian)
17. Piazhe Zh. Genesis vospriiatiia [The genesis of perception]. *Ekspierimental'naia psikhologiya* [Experimental Psychology]. Eds by P. Fres, J. Piaget. Moscow, Progress Publ., vol. VI, chapter XVIII. pp. 14–87. (In Russian)
18. Mamaichuk I. I. *Gapticheskoe i zritel'noe vospriatie u detei pri narusheniiakh intellekta i motoriki*. Autoref. diss. kand. psikhol. nauk [Haptic and visual perception in children with intellectual and motor skills disabilities. Thesis of PhD]. Leningrad, 1978. 24 p. (In Russian)
19. Mamaichuk I. I. *Psikhologiya dizontogeneza i osnovy psikhokorreksii* [Psychology of dysontogenesis and basics of psychological correction]. St. Petersburg, SPbSU Publ., 2000. 160 p. (In Russian)
20. Mamaichuk I. I., Il'ina M. N. *Pomoshch' psikhologa rebenku s zaderzhkoi psikhicheskogo razvitiia* [The help of psychologist to child with mental retardation]. St. Petersburg: Rech Publ., 2004, 352 p. (In Russian)
21. Mamaichuk I. I. *Psikhokorreksionnye tekhnologii dlia detei s problemami v razviii* [Psychocorrectional technology for children with developmental problems]. St. Petersburg, Rech, 2003, 400 p. (In Russian)
22. Sorokin V. M. *Spetsial'naia psikhologiya* [Special psychology]. St. Petersburg, Rech, 2003, 216 p. (In Russian)
23. Golovei L. A. *Psikhologiya stanovleniia sub'ekta deiatel'nosti v periody iunosti i vzroslosti*. Autoref. diss. dokt psikhol. nauk [Becoming the subject of activity in The problem of individuality in ontopsychology. Thesis of dr. psychol. sci. diss.]. St. Petersburg, 1994. 46 p. (In Russian)
24. Stepanova E. I. Opyt kompleksnogo izucheniia cheloveka v Leningradskoi shkole psikhologov [Experience of complex study of man in the Leningrad psychologists school]. *Psikhol. zhurn.* [Psychological Journal], 1994, vol. 15, issue 5, pp. 13–21. (In Russian)
25. Berezin F. B. *Psikhicheskaia i psikhofiziologicheskaia adaptatsiia cheloveka* [Mental and psychophysiological adaptation of human]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, 213 p. (In Russian)
26. Mamaichuk I. I. Metodologicheskie podkhody k issledovaniiu psikhologicheskoi adaptatsii pri normal'nom i narushennom razviii u detei i podrostkov [Methodological approaches to the study of psychological adaptation in the normal and developmental disorder in children and adolescents]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 12. Psychology. Education*, 2009, issue 4, 2009, pp. 151–156. (In Russian)

For citation: Mamaichuk I. I. The contribution of B. G. Ananyev's school concept to development of methodological issues of childhood clinical psychology. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, 2016, issue 3, pp. 86–96. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.308

Статья поступила в редакцию 15 января 2016 г.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

УДК 159.9.072

*А. Н. Веракса, В. А. Якупова, О. В. Алмазова, М. Н. Мартыненко***ПОЗНАВАТЕЛЬНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ДОШКОЛЬНИКОВ
В КОНТЕКСТЕ ГОТОВНОСТИ К ШКОЛЕ***

Целью исследования является изучение предикторов успешной адаптации к первому классу среди детей дошкольного возраста. В данной статье освещаются результаты первого этапа исследования — диагностики уровня развития произвольности, познавательного и социального развития дошкольников. Задачей первого этапа исследования является констатация зоны актуального развития дошкольников до начала подготовки к школьному обучению. В исследовании принял участие 81 воспитанник старших групп детских садов города Москвы. По итогам первого этапа исследования удалось выделить четыре типа развития дошкольников, сочетающих различные уровни развития социальных навыков, познавательных способностей и произвольной регуляции. Выделенные типы позволяют выявить факторы успешной адаптации к ситуации школьного обучения. На данном этапе можно предположить, что первый тип развития, включающий в себя высокий уровень познавательного развития и высокую способ-

Веракса Александр Николаевич — доктор психологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1; veraksa@yandex.ru

Якупова Вера Анатольевна — кандидат психологических наук, научный сотрудник, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1; vera.a.romanova@gmail.com

Алмазова Ольга Викторовна — кандидат психологических наук, научный сотрудник, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1; almaz.arg@gmail.com

Мартыненко Маргарита Николаевна — студент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1; margaret.martynenko@gmail.com

Veraksa Alexander N. — Doctor of Psychology, Associate Professor; Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; veraksa@yandex.ru

Yakupova Vera A. — PhD, Researcher, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; vera.a.romanova@gmail.com

Almazova Olga V. — PhD, Researcher, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; almaz.arg@gmail.com

Martynenko Margarita N. — student, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; margaret.martynenko@gmail.com

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00073).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

ность к произвольной регуляции, является оптимальным для успешного перехода к школьному обучению. Библиогр. 21 назв. Ил. 2. Табл. 3.

Ключевые слова: дошкольный возраст, готовность к школе, познавательное развитие, регуляторные функции.

Veraksa A. N., Yakupova V. A., Almazova O. V., Martynenko M. N.

COGNITIVE AND SOCIAL DEVELOPMENT OF PRESCHOOLERS IN THE CONTEXT OF SCHOOL READINESS

The aim of the research is to investigate the predictors of successful school adaptation among children of senior preschool age. This paper is dedicated to the results of the first stage of a longitudinal study. At the first stage of research we assessed the level of cognitive and executive functioning development and social skills. 81 Moscow senior preschoolers took part in the research. Based on the data obtained we singled out 4 types of development, containing different levels of cognitive and executive functioning development and social skills. At the next stage of research we shall be able to see what type of development helps children to be successful at school. At the moment we can assume that the first type of development predicts the most effective adaptation to school. Refs 21. Figs 2. Tables 3.

Keywords: preschool age, school readiness, cognitive development, executive functions.

Современное состояние проблемы

В настоящее время в психологии нет единого определения психологической готовности к школе. Различные авторы включают в данное понятие большое количество взаимосвязанных факторов. Так, Н. И. Вьюнова выделяет психомоторную (функциональную), интеллектуальную, эмоционально-волевою, личностную (в том числе мотивационную), социально-психологическую (коммуникативную) готовность к школе [1]. Н. Г. Салмина включает в понятие готовности к школе определенный уровень сформированности произвольности и семиотической функции, личностные характеристики, охватывающие особенности общения и развития эмоциональной сферы [1]. Л. Шванцара [2], а за ним и Н. И. Гуткина [3] выделяют эмоциональную, социальную и умственную готовность. Д. Б. Эльконин выводит предпосылки, необходимые для школьного обучения, из новообразований дошкольного возраста: произвольность поведения на основе прогноза его последствий, обобщение переживаний (появляется устойчивое отношение к себе и другим людям), полимотивированность поведения [4]. Успешный переход к теоретическому способу познания обуславливает наличие внутреннего плана действий, развитой знаково-символической функции, способность к обобщению на понятийном уровне [5]. Появление внеситуативно-личностной формы общения обуславливает способность выстраивать отношения с учителем и коллективом одноклассников [3]. Из этих новообразований вытекает умение слушать, выполнять даже неинтересные задания, способность строить отношения с окружающими на основе установленных в обществе правил и т. д. Таким образом, психологическая готовность к школе включает в себя умственную зрелость, произвольность регуляции поведения и деятельности и личностную готовность [6]. Умственная готовность предполагает зрелость познавательных процессов, интеллектуальную и речевую готовность. Ребенок занимает познавательную позицию в отношении мира — он уже способен к децентрации, понимает причинность явлений, может действовать в умственном плане. К тому же ребенок обладает определенными знаниями и умениями.

Произвольность регуляции поведения позволяет ребенку планомерно и целенаправленно выполнять какую-либо деятельность и управлять своим поведением. Понятие произвольной регуляции психических функций разрабатывалось в рамках культурно-исторической концепции Л. С. Выготского [6]. Ребенок может прилагать усилия, чтобы выполнить сложные для него операции. Он способен действовать в соответствии с образцом или планом [7]. Важно отметить, что в дошкольном возрасте ребенок воспринимает труд и учебные задачи как игровые. Школьника же отличает отношение к задаче как к учебной, труд для него приобретает смысл серьезной деятельности [8]. Пожалуй, именно этот компонент в последние десятилетия стал привлекать наибольшее внимание исследователей и оформился в устойчивый конструкт, получивший название «регуляторные функции» [9]. В целом ряде исследований было убедительно показано, что развитие регуляторных функций связано с развитием математических навыков в условиях детского сада [10]; оно предсказывает дальнейшее развитие социальной компетенции детей [11] и их академическую успеваемость [12].

Личностная готовность имеет следующую структуру: мотивационная готовность — доминирование учебных и познавательных мотивов; коммуникативная готовность — готовность к произвольному общению с учителем и одноклассниками в рамках учебной ситуации, коммуникативная инициатива; сформированность Я-концепции и самооценки — сознание своих возможностей и качеств, отношения к себе взрослых, способность оценивать себя; эмоциональная зрелость — освоение социальных норм выражения эмоций, способность регулировать свое поведение на основе эмоционального предвосхищения [7].

Целью данного исследования является изучение предикторов успешной адаптации к первому классу среди детей дошкольного возраста в соответствии с указанными выше компонентами готовности к школе. Для нас важно было увидеть взаимосвязи между выделенными конкретными показателями психического развития детей.

Выборка

В исследовании принял участие 81 воспитанник старших групп детских садов города Москвы (47 мальчиков (58 %) и 34 девочки (42 %)). Средний возраст девочек 5,7 лет, мальчиков — 5,9 лет. Выбор воспитанников старших групп обусловлен тем, что в подготовительных группах занятия с детьми полностью нацелены на школьное обучение. Важно диагностировать уровень развития различных психических функций до начала активной подготовки к школе.

Методы

Для реализации целей исследования были сформированы три блока взаимодополняющих методик, направленных на измерение социального и эмоционального, интеллектуального развития дошкольников и развития регуляторных функций. Многие из указанных ниже методик являются русскоязычными версиями субтестов сборника нейропсихологических тестов NEPSY II М. Коркман и др. [13]. NEPSY — нейропсихологическая (NEuroPSYchological) оценка психического

развития детей в возрасте 3–16 лет. Диагностический комплекс NEPSY неоднократно использовался на российской выборке [14, 15].

1. Методики диагностики уровня произвольности когнитивных процессов:

- «Inhibition» (в переводе с англ. — торможение) — NEPSY-II [13].
- DCCS task (в переводе с англ. — сортировка карт по изменяемому параметру) [16].

2. Методики, направленные на измерение уровня познавательного развития:

- «Memory for designs» (в переводе с англ. — память для конструирования) — NEPSY-II [13].
- «Sentences repetition» (в переводе с англ. — повторение предложений) — NEPSY-II [13].
- Цветные прогрессивные матрицы Дж. Равена [17].

3. Методики диагностики уровня развития социального и эмоционального интеллекта:

- «Theory of mind» (в переводе с англ. — модель психического) — NEPSY-II [13].
- «Test of Emotion comprehension (TEC)» (в переводе с англ. — понимание эмоций) [18].
- «Affect recognition» (в переводе с англ. — распознавание эмоций) — NEPSY-II [13].

4. Для математической обработки полученных данных в статистическом пакете SPSS 18.0 использовались:

- непараметрический критерий Манна—Уитни для двух независимых выборок;
- корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена);
- кластерный анализ (анализ k-средних);
- кросстабуляция.

Процедура

Диагностическое обследование каждого участника проводилось индивидуально в изолированном помещении.

Результаты

В табл. 1 представлены основные психометрические характеристики (среднее и стандартное отклонение) всех полученных оценок разных аспектов развития дошкольников и результаты анализа различий оценок у девочек и мальчиков (непараметрический критерий Манна—Уитни для двух независимых выборок).

Наименьшая вариативность данных получена по показателям распознавания и понимания эмоций (развитие эмоционального интеллекта).

Выраженный разброс показателей наблюдается по качеству выполнения заданий на торможение и переключение. Обнаружена статистически значимая связь возраста ребенка и его успешности в заданиях на переключение ($r = 0,229$; $p = 0,048$, коэффициент корреляции Спирмена): чем старше ребенок, тем меньше ошибок он делает при выполнении заданий. Исходя из соответствующей диаграммы размаха (рис. 1), можем заключить, что на уровне тенденции мальчики делают значительно больше ошибок при выполнении заданий на переключение, чем девочки.

Таблица 1. Средние и стандартные отклонения оценок разных аспектов развития мальчиков и девочек дошкольного возраста

Аспекты развития дошкольников	Все дошкольники		Мальчики		Девочки		Мальчики / Девочки	
	среднее	ст. отк.	среднее	ст. отк.	среднее	ст. отк.	U	P
Распознавание эмоций AR (max 16)	8,69	2,51	8,58	2,49	8,84	2,58		
Понимание эмоций TEC (max 22)	15,61	2,24	15,85	2,11	15,28	2,42		
Социальное развитие ToM (max 21)	14,19	3,44	13,76	3,51	14,79	3,30		
Память визуальная MfD (max 120)	77,24	26,77	77,76	25,99	76,52	28,22		
Память вербальная SR (max 34)	20,58	5,02	20,63	5,29	20,52	4,69		
Интеллект Raven (max 35)	15,90	7,04	16,26	6,97	15,35	7,24		
Произвольность DSSC (max 24)	18,43	4,49	17,66	4,95	19,57	3,48		
Называние фигур Naming (max 0 — отсутствие ошибок)	6,25	6,25	7,14	6,83	5,09	5,63		
Переключение Inhibition (max 0 — отсутствие ошибок)	14,39	12,21	16,60	13,71	11,52	9,37	539,500	,074

Примечание: курсивом выделены тенденции к корреляции.

В табл. 2 представлены связи оценок разных аспектов развития дошкольников (коэффициент корреляции Спирмена, непараметрическая модель).

Оценки по методикам, направленным на диагностику социального и эмоционального интеллекта, связаны между собой (AR, TEC, ToM), что говорит о согласованности и надежности использованного диагностического инструментария. В нашем исследовании обнаружена связь уровня развития произвольности с уровнем социального развития, при этом связь с уровнем развития эмоционального интеллекта отсутствует. Также получены данные о связи уровня развития интеллекта с уровнем социального и эмоционального развития ребенка.

Показатели интеллектуального развития детей, полученные на основании выполнения «Прогрессивных матриц Равена», связаны положительно или отрицательно с уровнем развития всех остальных рассматриваемых нами аспектов психического развития ребенка, кроме произвольности (DSSC).

При анализе полученных данных выявлено отсутствие статистически значимой связи между вербальной памятью и визуальной памятью при связи обеих

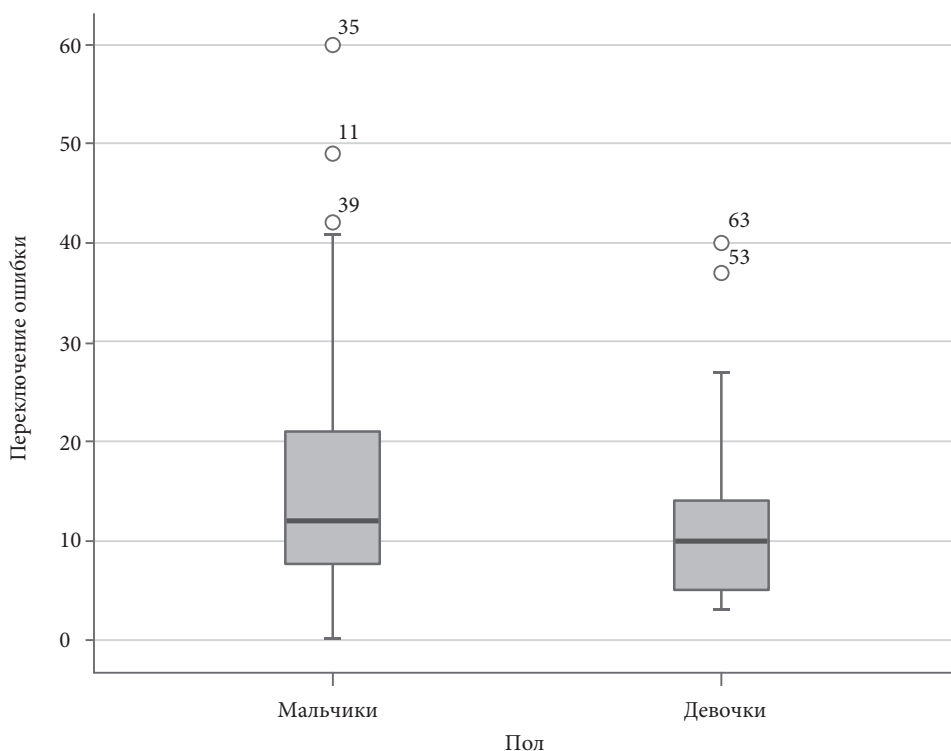

Рис. 1. Диаграмма размаха количества ошибок при переключении у мальчиков и девочек

функций с уровнем интеллектуального развития, что позволяет говорить об индивидуальной вариативности в развитии различных аспектов памяти, которая обеспечивает успех в выполнении определенного типа задач.

На основании полученных данных был проведен кластерный анализ с целью выявления некоторых траекторий развития в старшем дошкольном возрасте. На втором этапе исследования можно будет проследить, какой из типов развития обеспечивает успешную адаптацию к школьному обучению. Нам удалось выделить четыре достаточно контрастных кластера. На рис. 2 можно увидеть графическое изображение нормированных центров получившихся кластеров. Первые три параметра (распознавание и понимание эмоций, социальный интеллект) практически не различаются у дошкольников из разных кластеров, что позволяет нам еще раз говорить о достаточно низкой вариативности этого показателя у детей в сходной социальной ситуации развития. Выделенные траектории развития в старшем дошкольном возрасте обладают следующими особенностями.

1-й тип (38% выборки): дошкольники отличаются относительно высоким уровнем интеллектуального развития, у них хорошо развита память (как визуальная, так и вербальная), при этом они допускают минимальное число ошибок в задачах на торможение и переключение (то есть демонстрируют высокий уровень развития произвольности).

2-й тип (10% выборки): дошкольники демонстрируют вариант довольно противоречивого развития, у них высокий уровень интеллектуального развития,

Таблица 2. Связь разных аспектов развития дошкольников

Аспекты развития дошкольников	Коэф. Знач.	AR	EC	ToM	MfD	SR	Raven	DSSC	Naming	Inhibition
Распознавание эмоций AR	r p	1,000	,258 ,038	,312 ,006		,314 ,006	,290 ,013			
Понимание эмоций TEC	r p		1,000	,253 ,039	,254 ,038	,313 ,010	,310 ,011			
Социальное развитие ToM	r p			1,000		,278 ,014	,425 ,000	,235 ,046		
Память визуальная MfD	r p				1,000		,215 ,064			
Память вербальная SR	r p					1,000	,401 ,000			
Интеллект Raven	r p						1,000		-,200 ,090	-,212 ,074
Произвольность DSSC	r p							1,000		
Называние фигур (ошибки) Naming	r p								1,000	,620 ,000
Переключение (ошибки) Inhibition	r p									1,000

Примечание: курсивом выделены тенденции к корреляции.

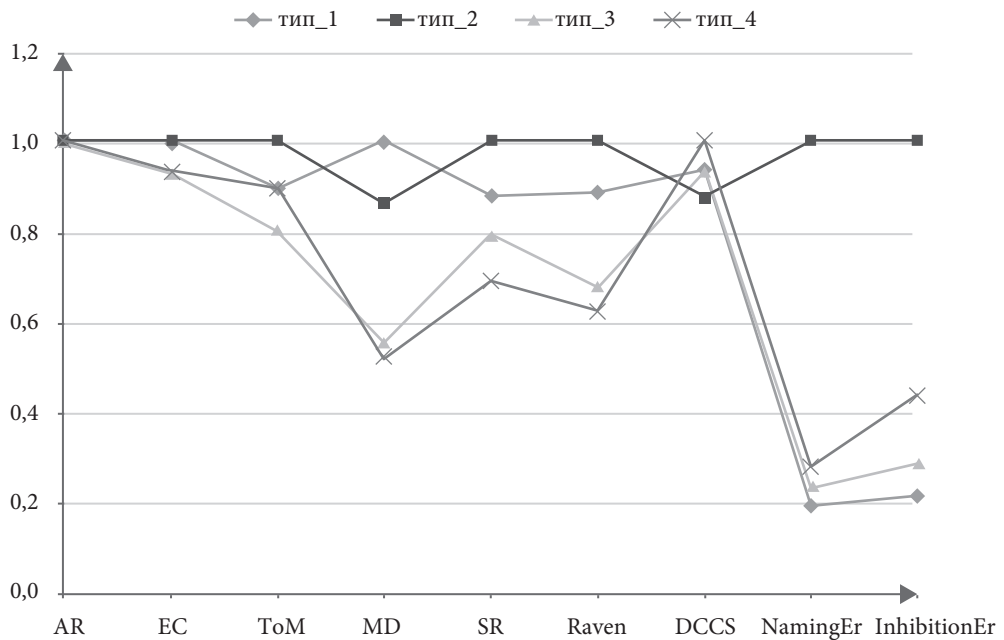

Рис. 2. Центры кластеров (разделение мальчиков и девочек на группы исходя из оценок разных аспектов развития)

хорошо развита память (и вербальная, и визуальная), но при этом они допускают много ошибок в задачах на торможение и переключение.

3-й тип (28 % выборки): дошкольники имеют невысокий уровень интеллектуального развития, у них не очень хорошо развита память (особенно визуальная), при этом они допускают немного ошибок в заданиях на торможение и переключение, то есть обладают высоким уровнем развития произвольности.

4-й тип (24 % выборки): дошкольники из этой группы демонстрируют невысокий уровень интеллектуального развития, слабо развитую память (в особенности визуальную), справляются с заданиями на торможение и переключение на среднем уровне.

Таким образом, уровень развития произвольности однозначно не определяет успешность выполнения заданий. Развитие дошкольников может проходить по различным траекториям.

Таблица 3. Распределение детей с разными траекториями развития по полу

Тип / Пол	Пол		Итого
	Мальчики	Девочки	
1-й тип	10 (53 %)	9 (47 %)	29 (100 %)
2-й тип	4 (80 %)	1 (20 %)	5 (100 %)
3-й тип	8 (57 %)	6 (43 %)	14 (100 %)
4-й тип	4 (33 %)	8 (67 %)	12 (100 %)
Итого	26	24	50

В табл. 3 выделены некоторые гендерные особенности: ко второму типу развития чаще принадлежат мальчики, а к четвертому — девочки.

Обсуждение результатов

Небольшой разброс данных по методикам, исследующим социоэмоциональную компетентность, позволяет предположить, что социальная ситуация детского сада обеспечивает гомогенное развитие социального и эмоционального интеллекта. В связи с этим интерес представляет сравнение уровня эмоционального и социального развития дошкольников, не посещающих детский сад.

По-видимому, успешность выполнения заданий на произвольность тесно связана с созреванием мозговых структур, которое носит индивидуальный вариативный характер. Полученные результаты соотносятся с данными о том, что созревание мозговых структур, отвечающих за развитие произвольности, у мальчиков происходит несколько позже [19]. Также уровень развития произвольности может быть связан со стилем семейного воспитания: существуют ли в семье четкие правила и ограничения, которые ребенок должен соблюдать. Не стоит забывать, что произвольность в дошкольном возрасте развивается в игре, поэтому важным фактором является наличие времени для свободной игры в расписании ребенка. Опираясь на полученные данные, можно с уверенностью утверждать, что произвольность проходит особый путь развития, по-разному встраиваясь в структуру различных

психических функций, что требует отдельного детального изучения. В мировых исследованиях основное внимание уделяется как раз этому вопросу [15].

Развитая произвольность, в свою очередь, обеспечивает высокий уровень социальной компетентности. Способность к пониманию содержания сознания другого человека, анализу его чувств и намерений обусловлена в том числе уровнем интеллектуального развития. В современных исследованиях, посвященных изучению школьной готовности, все больше внимания уделяется развитию социальных навыков и коммуникативной компетентности, подчеркивается их ведущая роль в успешной адаптации к школе [20]. Как в отечественной, так и в зарубежной психологии принято разделять компоненты школьной готовности на несколько блоков: уровень развития интеллекта, произвольности и социальных навыков [20, 21], но в нашем исследовании показаны глубокая связь этих компонентов и их взаимная обусловленность.

Во втором типе развития мы видим, что слабо развитая произвольность не является препятствием к успешному выполнению заданий, оценивающих уровень познавательного развития. Однако низкий уровень развития произвольности может стать препятствием к успешному школьному обучению, предполагающему соблюдение дисциплины, большого количества правил и ограничений. Мальчики чаще демонстрируют второй тип развития, тогда как девочки больше склонны к четвертому типу, что подтверждает высказанное ранее предположение о более позднем созревании у мальчиков мозговых структур, участвующих в развитии произвольности.

Интерес представляет дальнейшее развитие детей, относящихся к третьему и четвертому типам, при переходе к обучению в школе. Дошкольники, принадлежащие к третьему и четвертому типам, обладают средним уровнем познавательного развития, однако разным уровнем развития произвольности — в третьем типе он выше. Можно предположить, что за счет высокого уровня развития произвольности дети с третьим типом в школе окажутся академически более успешны.

Выводы

На основании данных первого этапа исследования можно подвести следующие итоги.

1. Социальная ситуация развития детского дошкольного учреждения обеспечивает равномерный уровень развития социальных навыков, что проявляется в однородности результатов по трем методикам, оценивающим уровень социального и эмоционального развития дошкольников.

2. Развитие социального интеллекта обуславливается как уровнем развития произвольности, так и уровнем интеллектуального развития. Тогда как уровень развития эмоционального интеллекта связан только с интеллектуальными способностями.

3. В старшем дошкольном возрасте уровень развития произвольности не является определяющим успешность выполнения заданий на когнитивные способности.

4. Выделены типы развития, которые позволяют выявить факторы успешной адаптации к ситуации школьного обучения. На данном этапе можно предполо-

жить, что первый тип развития является оптимальным для успешного перехода к школьному обучению.

В целях определения роли детского сада в становлении социальных навыков необходимо провести сравнение уровня развития социального и эмоционального интеллекта у воспитанников детских садов и дошкольников, не посещающих детские дошкольные учреждения.

Литература

1. Вьюнова Н.И., Гайдар К.М., Темнова Л.В. Психологическая готовность ребенка к обучению в школе. Психолого-педагогические основы. М.: Академический Проект, 2005. 256 с.
2. Шванцара Л., Шванцара Й. Развитие детских графических представлений. Диагностика психического развития / под ред. Й. Шванцара. Прага: Мед. изд-во «Авиценум», 1978. 204 с.
3. Гуткина Н.И. Психологическая готовность к школе. М.: Академический проект, 2000. 184 с.
4. Эльконин Д.Б. Детская психология. М.: Академия, 2005. 384 с.
5. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. М.: Педагогика, 1986. 240 с.
6. Akhutina T. V., Pylaeva N. M. Vygotsky L., Luria A. Developmental Neuropsychology // Psychology in Russia: State of the Art. 2010. Vol. 4. P. 155–175.
7. Карabanова О.А. Возрастная психология: Конспект лекций. М.: Айрис-пресс, 2005. 240 с.
8. Божович Л.И. Проблемы формирования личности: избранные психологические труды / под ред. Д.И. Фельдштейна. М.: Воронеж, 1997. 352 с.
9. The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex «frontal lobe» tasks: A latent variable analysis / Miyake A., Friedman N.P., Emerson M. J., Witzki A. H., Howerter A., Wager T. // Cognitive Psychology. 2000. Vol. 41. P. 49–100.
10. Blair C., Razza R. P. Relating effortful control, executive function, and false belief understanding to emerging math and literacy ability in kindergarten // Child Development. 2007. Vol. 78. P. 647–663.
11. Denham S. A., Brown C. A., Domitrovich C. “Plays nice with others”: Socioemotional learning and academic success // Early Education and Development. 2010. Vol. 21. P. 652–680.
12. Willoughby M. T., Kupersmidt J. B., Voegler-Lee M. E. Is preschool executive function causally related to academic achievement? // Child Neuropsychology: A Journal on Normal and Abnormal Development in Childhood and Adolescence. 2012. Vol. 18 (1). P. 79–91.
13. Korkman M., Kirk U., Kemp S. L. NEPSY II. Administrative manual. San Antonio, TX: Psychological Corporation, 2007a, 347 p.
14. Веракса А.Н., Якупова В.А., Мартыненко М.Н. Символизация в структуре способностей детей дошкольного и школьного возраста // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11, № 2. С. 48–56.
15. A cross-cultural investigation of inhibitory control, generative fluency, and anxiety symptoms in Romanian and Russian preschoolers / Cheie L., Veraksa A., Zinchenko Y., Gorovaya A., Visu-Petra L. // Child Neuropsychology: A Journal on Normal and Abnormal Development in Childhood and Adolescence. 2014. DOI: 10.1080/09297049.2013.879111.
16. Zelazo P. D. The Dimensional Change Card Sort (DCCS): a method of assessing executive function in children // Nat. Protocols. 2006. Vol. 1. P. 297–301.
17. Равен Дж.К., Корт Дж.Х., Равен Дж. Руководство к прогрессивным матрицам равена и словарным шкалам: Раздел 2: Стандартные цветные матрицы (включая параллельные версии теста). М.: Когито-Центр, 2009. 77 с.
18. Toward Emotional Competences / Pons F., Daniel M-F., Lafortune L., Doudin P-A., Albanese O. Aalborg (Denmark): Aalborg University Press, 2006. 97 p.
19. The effect of gender on planning: An fMRI study using the Tower of London task / Boghi A., Rasetti R., Avidano F., Manzone C., Orsi L., D’Agata F., Caroppo P., Bergui M., Rocca P., Pulvirenti L., Bradac G. B., Bogetto F., Mutani R., Mortara P. // NeuroImage. 2006. Vol. 33. P. 999–1010.
20. Назаренко В.В. Диагностика готовности детей к школе в зарубежных исследованиях // Современная зарубежная психология. 2012. Т. 1. № 1. С. 76–84. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2012/n1/50116.shtml> (дата обращения: 20.04.2016).
21. Гуткина Н.И. Диагностическая программа по определению психологической готовности детей 6–7 лет к школьному обучению // Психологическая наука и образование. 1997. № 2. С. 4–12.

Для цитирования: Веракса А.Н., Якупова В.А., Алмазова О.В., Мартыненко М.Н. Познавательное и социальное развитие дошкольников в контексте готовности к школе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 3. С. 97–108. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.309

References

1. V'iunova N.I, Gaidar K.M., Temnova L.V. *Psikhologicheskaiia gotovnost' rebenka k obucheniiu v shkole. Psikhologo-pedagogicheskie osnovy* [Psychological readiness of the child to school. Psycho-pedagogical foundations]. Moscow, Academic Project, 2005. 256 p. (In Russian)
2. Shvantsara L., Shvantsara I. *Razvitie detskikh graficheskikh predstavlenii. Diagnostika psikhicheskogo razvitiia* [Development of children's graphic representations. Diagnosis of mental development]. Ed. by J. Shvantsara. Prague: Honey publishing house "Avitsenum", 1978. 204 p. (In Russian)
3. Gutkina N.I. *Psikhologicheskaiia gotovnost' k shkole* [Psychological readiness for school]. Moscow, Academic Project Publ., 2000. 184 p. (In Russian)
4. El'konin D.B. *Detskaia psikhologiia* [Child psychology]. Moscow, Academy Publ., 2005. 384 p. (In Russian)
5. Davydov V.V. *Problemy razvivaiushchego obucheniia* [Problems of developmental education]. Moscow, Education Publ., 1986. 240 p. (In Russian)
6. Akhutina T.V., Pylaeva N.M. Vygotsky L., Luria A. Developmental Neuropsychology. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2010, vol. 4, pp. 155–175.
7. Karabanova O.A. *Vozrastnaia psikhologiia: Konspekt leksii* [Developmental Psychology: Lecture notes]. Moscow, Iris Press, 2005. 240 p. (In Russian)
8. Bozhovich L.I. *Problemy formirovaniia lichnosti: izbrannye psikhologicheskie trudy* [Issues of formation of personality: Selected psychological works]. Ed. by D.I. Feldstein. Moscow, Voronezh, 1997. 352 p. (In Russian)
9. Miyake A., Friedman N.P., Emerson M. J., Witzki A. H., Howerter A., Wager T. The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex «frontal lobe» tasks: A latent variable analysis. *Cognitive Psychology*, 2000, vol. 41, pp. 49–100.
10. Blair C., Razza R. P. Relating effortful control, executive function, and false belief understanding to emerging math and literacy ability in kindergarten. *Child Development*, 2007, vol. 78, pp. 647–663.
11. Denham S. A., Brown C. A., Domitrovich C. "Plays nice with others": Socioemotional learning and academic success. *Early Education and Development*, 2010, vol. 21, pp. 652–680.
12. Willoughby M. T., Kupersmidt J. B., Voegler-Lee M. E. Is preschool executive function causally related to academic achievement? *Child Neuropsychology: A Journal on Normal and Abnormal Development in Childhood and Adolescence*, 2012, vol. 18 (1), pp. 79–91.
13. Korkman M., Kirk U., Kemp S.L. *NEPSY II. Administrative manual*. San Antonio, TX, Psychological Corporation Publ., 2007a, 347 p.
14. Veraksa A.N., Iakupova V.A., Martynenko M.N. Simvolizatsiia v strukture sposobnosti detei doskol'nogo i skol'nogo vozrasta [Symbolization in the structure of abilities of children of preschool and school-age]. *Kul'turno-istoricheskaiia psikhologiia* [Cultural-Historical Psychology]. 2015, vol. 11, no. 2, pp. 48–56. Doi:10.17759/chp.2015110205
15. Cheie L., Veraksa A., Zinchenko Y., Gorovaya A., Visu-Petra L. A cross-cultural investigation of inhibitory control, generative fluency, and anxiety symptoms in Romanian and Russian preschoolers. *Child Neuropsychology: A Journal on Normal and Abnormal Development in Childhood and Adolescence*, 2014. DOI: 10.1080/09297049.2013.879111.
16. Zelazo P.D. The Dimensional Change Card Sort (DCCS): a method of assessing executive function in children. *Nat. Protocols*, 2006, vol. 1, pp. 297–301.
17. Raven Dzh. K., Kort Dzh. Kh., Raven Dzh. *Rukovodstvo k progressivnym matritsam ravna i slovarnym shkalam: Razdel 2: Standartnye tsvetnye matritsy (vkluchaia paralle'nye versii Testa* [Guide to Progressive Matrices Raven and vocabulary range: Section 2: Standard Color matrix (including parallel version of the test)]. Moscow, Kogito Center, 2009. 77 p. (In Russian)
18. Pons F., Daniel M.-F., Lafortune L., Doudin P.-A., Albanese O. The effect of gender on planning: An fMRI study using the Tower of London task. *NeuroImage*, 2006, vol. 33, pp. 999–1010.
19. Boghi A., Rasetti R., Avidano F., Manzone C., Orsi L., D'Agata F., Caroppo P., Bergui M., Rocca P., Pulvirenti L., Bradac G.B., Bogetto F., Mutani R., Mortara P. The effect of gender on planning: An fMRI study using the Tower of London task. *NeuroImage*, 2006, vol. 33, pp. 999–1010.

20. Nazarenko V. V. Diagnostika gotovnosti detei k shkole v zarubezhnykh issledovaniakh [Diagnosis of school readiness in the foreign studies]. *Sovremennaia zarubezhnaia psikhologiya* [Contemporary foreign psychology], 2012, vol. 1, no. 1, pp. 76–84. Available at: <http://psyjournals.ru/jmfp/2012/n1/50116.shtml> (accessed 20.04.2016).

21. Gutkina N. I. Diagnosticheskaia programma po opredeleniiu psikhologicheskoi gotovnosti detei 6–7 let k shkol'nomu obucheniiu [The diagnostic program to determine the psychological readiness of children of 6–7 years to schooling]. *Psikhologicheskaja nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 1997, no. 2, pp. 4–12.

For citation: Veraksa A. N., Yakupova V. A., Almazova O. V., Martynenko M. N. Cognitive and social development of preschoolers in the context of school readiness. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, 2016, issue 3, pp. 97–108. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.309

Статья поступила в редакцию 23 марта 2016 г.

М. В. Галимзянова, П. М. Касьяник, Е. В. Романова

ВЫРАЖЕННОСТЬ РАННИХ ДЕЗАДАПТИВНЫХ СХЕМ И РЕЖИМОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СХЕМ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ПЕРИОД РАННЕЙ, СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ*

Статья посвящена изучению ранних дезадаптивных схем и режимов функционирования схем у взрослых. Приводятся результаты исследования выраженности ранних дезадаптивных схем и частоты проявления режимов функционирования схем у мужчин и женщин ранней, средней и поздней взрослости. Установлено, что как выраженность ранних дезадаптивных схем, так и частота проявления режимов их функционирования больше у мужчин, чем у женщин. Выраженность большинства ранних дезадаптивных схем, как и частота проявления режимов, с возрастом снижается. Библиогр. 33 назв. Ил. 3. Табл. 4.

Ключевые слова: ранние дезадаптивные схемы, режимы функционирования схем, дезадаптивные копинговые режимы, схематерапия, схемаориентированный подход в психотерапии.

M. V. Galimzyanova, P. M. Kasyanik, E. V. Romanova

EARLY MALADAPTIVE SCHEMAS AND SCHEMA MODES OF MEN AND WOMEN IN DIFFERENT STAGES OF ADULTHOOD

This paper is devoted to the study of early maladaptive schemas and schema modes. The results of the study of early maladaptive schemas and modes in men and women in early, middle and late adulthood are presented. It is concluded that early maladaptive schemas and modes are more intensively expressed in men than in women. The intensity of early maladaptive schemas and schema modes decrease with age. Refs 33. Figs 3. Tables 4.

Keywords: early maladaptive schemas, schema modes, maladaptive coping modes, schema therapy, schematherapeutic approach in psychotherapy.

Схематерапия (или схемафокусированный подход в когнитивной терапии) в качестве самостоятельного направления в психотерапии зародилась в середине 90-х годов XX в. благодаря работам Джеффри Янга [1–3]. Схематерапия, сочетаю-

Галимзянова Мария Владимировна — кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; mariross@mail.ru, mary-canto@yandex.ru

Касьяник Павел Моисеевич — кандидат психологических наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Российская Федерация, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29; k_pm@animapsy.ru

Романова Елена Васильевна — кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; elenaromanova11@bk.ru

Galimzyanova Maria V. — PhD, Associate Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; mariross@mail.ru, mary-canto@yandex.ru

Kasyanik Pavel M. — PhD, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29, ul. Politekhnicheskaya, St. Petersburg, 195251, Russian Federation; k_pm@animapsy.ru

Romanova Elena V. — PhD, Associate Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; elenaromanova11@bk.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта № 15-06-10825 («Ранние дезадаптивные схемы и субъективные переживания детства в связи с совладающим поведением взрослых»).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

щая в себе элементы когнитивной терапии, экспериенциального подхода, эмоционально ориентированной терапии и психологии развития, уже более 20 лет успешно используется психотерапевтами в разных странах, по праву считаясь одним из наиболее эффективных методов лечения расстройств личности [4]. Последователи схемафокусированного подхода считают, что если базовые потребности ребенка фрустрируются или удовлетворяются неадекватно, то формируются так называемые ранние дезадаптивные схемы (Дж. Янг, А. Арнтц, Т. Атkinson, Дж. Фаррелл, Дж. Клоско, Дж. Лоббэсталь, Н. Райсс, А. Шоу, М. Вейшаар, М. ВанВреесвик и др.) [1, 5–7].

Ранние дезадаптивные схемы (далее — РДС) представляют собой психологический конструкт, включающий в себя представления человека о себе, мире и других людях, устойчивый комплекс воспоминаний, эмоций, убеждений и телесных ощущений, который был сформирован в детстве и развивался в течение жизни. Переживания раннего детства во многом играют важную роль в формировании личности, принятии решений о мире, окружающих людях и самих себе, а также интерпретации жизненного опыта [8]. Ранние дезадаптивные схемы образуются в результате взаимодействия индивидуальных особенностей человека и отрицательных переживаний, возникающих в процессе его общения с ближайшим окружением. Если в детстве этот комплекс психологических феноменов может способствовать адаптации ребенка, то для взрослого человека подобные схемы нарушают его адаптивные возможности и не отражают реальное соотношение сил в жизненных коллизиях. Более того, РДС являются ригидными, самоподдерживающимися механизмами, которые заставляют человека отражать только соответствующую схемам информацию, воспринимаются им как фактическое, достоверное знание о себе и об окружающем мире. Они ограничивают его поведение, то есть нарушают нормальную социальную адаптацию. РДС в большинстве случаев не осознаются и не проявляются, пока не происходит какое-либо «пусковое» событие, которое активизирует ту или иную схему. Они могут «запускаться» как релевантными событиями, так и настроением человека, и часто это сопровождается высоким уровнем аффекта и низким уровнем критичности к своему состоянию. Все это мешает человеку удовлетворить свои основные потребности и, как правило, приводит к неблагоприятным последствиям для самого человека либо для окружающих его людей, препятствует построению и поддержанию гармоничных отношений. С возрастом РДС становятся все более сложными и могут оказывать влияние на более широкие сферы жизни [1]. Наиболее значительное развитие РДС наблюдается у лиц с различными расстройствами личности [4, 5]. Ранние дезадаптивные схемы, как правило, существуют в имплицитной форме, но могут стать доступными для осознания при схематерапевтической работе [1, 5, 9, 10].

В 2003 г. Дж. Янг опубликовал перечень из 18 ранних дезадаптивных схем, которые он сгруппировал в пять укрупненных категорий (доменов) в соответствии с неудовлетворенными потребностями развития [1].

Нарушение связи и отвержение

1. Покинутость / Нестабильность.
2. Недоверие / Ожидание жестокого обращения.
3. Эмоциональная депривированность.

4. Дефективность / Стыд.

5. Социальная отчужденность.

Нарушенная автономия

6. Зависимость / Беспомощность.

7. Уязвимость.

8. Спутанность / Неразвитая идентичность.

9. Неуспешность.

Нарушенные границы

10. Привилегированность / Грандиозность.

11. Недостаточность самоконтроля.

Направленность на других (нарушение потребности в самоуважении и признании себя)

12. Покорность.

13. Самопожертвование.

14. Поиск одобрения.

Сверхбдительность и запреты (нарушение потребности в свободном выражении своих потребностей и эмоций, спонтанности и игре)

15. Негативизм / Пессимизм.

16. Подавление эмоций.

17. Жесткие стандарты / Придирчивость.

18. Пунитивность.

При активации РДС у человека возникают состояния, которые называются **режимами функционирования схем** (далее — режимы). Они могут быть как дисфункциональными, так и здоровыми. Дисфункциональные режимы чаще всего возникают тогда, когда одновременно активизируются несколько ранних дезадаптивных схем. Дж. Янг выделил 4 группы режимов:

1. Детские режимы: Уязвимый ребенок, Сердитый ребенок, Разгневанный ребенок, Импульсивный ребенок, Необузданный ребенок, Счастливый ребенок.

2. Дезадаптивные копинговые режимы: Послушный капитулянт, Отстраненный защитник, Отстраненный самоутешитель, Высокомерный самовозвеличиватель, Агрессивный задира.

3. Дисфункциональные родительские режимы: Наказывающий родитель и Требовательный родитель.

4. Режим Здорового взрослого, включая Хорошего родителя.

Режимы функционирования схем «включаются» при активации РДС и определяются как интенсивные эмоциональные состояния, активированные в данный момент и связанные с определенными когнитивными и поведенческими феноменами. Дезадаптивные детские режимы «Уязвимый ребенок», «Импульсивный ребенок» и «Сердитый ребенок» развиваются в ответ на дефицит удовлетворения базовых эмоциональных потребностей ребенка в заботе, безопасности и автономии. Дезадаптивные копинговые режимы представляют собой неэффективные способы совладания со стрессовыми и трудными ситуациями и перекликаются с представлениями о механизмах психологических защит в психоаналитической психотерапии. Основные из них: «Послушный капитулянт» (ассоциируется с уступкой-зависимостью), «Отстраненный защитник» и «Отстраненный самоутешитель» (ассоциируются с избегающим поведением), «Агрессивный задира» и «Высокомерный

самовозвеличиватель» (ассоциируются с борьбой и сверхкомпенсацией, в которых используется контратакующий копинговый стиль и контроль). Развитие дисфункциональных родительских режимов «Требовательный родитель» и «Наказывающий родитель» происходит за счет «присвоения» и использования негативных эмоциональных и поведенческих характеристик, присущих значимым взрослым. В этих режимах человек склонен обесценивать себя, быть излишне требовательным, придирчивым к себе или окружающим. Адаптивных режимов выделено два: «Здоровый взрослый» и «Счастливый ребенок». Режим «Здорового взрослого» ассоциируется с уравновешенностью, эмоциональным контролем, самодисциплиной, ослабляет дезадаптивные копинговые и противостоит родительским режимам, защищает «Уязвимого ребенка». Режим «Счастливого ребенка» включает в себя различные ресурсные состояния, приносящие радость и удовольствие. Успешно проведенная схематерапия приводит к усилению этих здоровых режимов.

Научные исследования в области схемаориентированного подхода традиционно акцентируют внимание на анализе ранних дезадаптивных схем пациентов, страдающих расстройствами личности [4]. В современных зарубежных исследованиях в области схематерапии все большую популярность приобретает изучение ранних дезадаптивных схем здоровых людей. Применение методик диагностики ранних дезадаптивных схем в психологической практике позволяет психологу, работающему с клиентом, в кратчайшие сроки установить причины жизненных затруднений и разработать максимально эффективный план психокоррекционной работы [1, 2, 9, 10].

Так, Н.Йосефи, О.Этемади, Ф.Бахрами, М.Фатехизаде, С.Ахмади изучали ранние дезадаптивные схемы в семейных парах, рассматривая их как предикторы разводов [11]. Н.Фримен исследовал ранние дезадаптивные схемы в контексте межличностных и супружеских отношений [12]. С.Фарроу и Дж.Блиссет рассматривали ранние дезадаптивные схемы в связи с формированием отношения к родительству и своим детям [13]. М.Рийкбоер, Г.М.де Боо [14] и К.Луз, П.Грааф, Г.Зарбок [7] и др. изучают ранние дезадаптивные схемы у детей. Л.ван Влиерберге, К.Брает, Г.Босманс, Й.Россел, С.Бёгельс [15] и др. изучают ранние дезадаптивные схемы в подростковом и юношеском возрасте. Дж.Тимм рассматривал ранние дезадаптивные схемы в связи с эффективностью прохождения возрастных кризисов и решением задач развития [16].

Р.Брандон [17], С.Тейлер, Г.Бэйтс [18] изучали ранние детские воспоминания взрослых с различными дезадаптивными схемами, рассматривая метод анализа ранних детских воспоминаний как один из методов диагностики ранних дезадаптивных схем.

Т.Станоевич и Дж.Неделькович [19], а также Т.Ледо, К.Винтероуд, Т.Ричардсон и Дж.Кларк [20] исследовали ранние дезадаптивные схемы в контексте теории привязанности. Н.Шмидт, Т.Джойнер изучали ранние дезадаптивные схемы в контексте жизненной истории личности и рассматривали особенности переживания личностью трудных жизненных ситуаций и негативно эмоционально окрашенных событий [21]. П.Тремблэй, Д.Дозуа исследуют ранние дезадаптивные схемы в связи с агрессивностью взрослых [22]. Г.Риттенмайер изучал ранние дезадаптивные схемы в связи с синдромом профессионального выгорания [23].

А.Хоффарт, Х.Секстон, Х.Нордаль [24] изучали ранние дезадаптивные схемы в контексте терапевтических отношений в процессе психологического кон-

сультирования. Г. Уоллер, Р. Шах, В. Оганян, П. Эллиот, Дж. Блиссет, К. Мейер, К. Диксон, Дж. Селлингс, Л. Влиерберге, К. ван Брает, Л. Гуссенс, З. Юнока, Т. Толгиес, П. Зобор и др. изучали влияние ранних дезадаптивных схем на пищевое поведение [25–28].

Изучение ранних дезадаптивных схем, являющееся одним из наиболее перспективных направлений в клинической психологии, психологии развития и социальной психологии, в отечественной психологии только начинает привлекать внимание исследователей. В последние годы ранние дезадаптивные схемы изучались в контексте психологического благополучия, военного стресса, психической ригидности и интернет-зависимого поведения, рассматривались они в основном в связи с расстройствами личности. Сагалакова О. А. и Труевцев Д. В. изучали социальное тревожное расстройство в структуре личностно-аномального синдрома, рассматривали когнитивные схемы в связи с нарушением селективности внимания, исследовали особенности взаимосвязи типов руминаций с метакогнициями, способами контроля над мыслями, дезадаптивными схемами и психической ригидностью [29, 30]. Н. А. Сирота, В. М. Ялтонский, Д. В. Московченко [31] учитывали схемаориентированный подход при рассмотрении характеристик когнитивной сферы игроков в многопользовательские онлайн-ролевые игры с различной степенью интернет-зависимого поведения. М. А. Тихомирова под руководством Н. В. Гришиной на русской и французской выборке изучала особенности влияния ранних дезадаптивных схем человека на его психологическое благополучие [32].

На кафедре психологии развития и дифференциальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) проводятся исследования ранних дезадаптивных схем в русле психологии развития. Под научным руководством М. В. Галимзяновой в 2013 г. были защищены магистерские диссертационные работы, в которых были изучены ранние дезадаптивные схемы и режимы проявления схем у взрослых с разной сиблинговой позицией [33], взаимосвязь образа брачного партнера с РДС у мужчин и женщин, связь РДС со страхами взрослых и др. Под научным руководством Е. В. Романовой были защищены магистерские диссертационные работы, в которых изучались особенности поведения взрослых в конфликтных ситуациях в семье в связи с субъективными переживаниями детства, РДС в связи с суверенностью жизненного пространства и др.

Цель исследования: изучить выраженность ранних дезадаптивных схем и режимов проявления схем у здоровых взрослых в связи с половыми и возрастными различиями.

Гипотеза исследования: у здоровых взрослых людей ранние дезадаптивные схемы и дисфункциональные режимы выражены незначительно. В более старших возрастных группах может наблюдаться некоторое снижение выраженности РДС и режимов в связи с приобретением и развитием здоровых адаптивных реакций на различные жизненные ситуации. Между мужчинами и женщинами могут наблюдаться различия в выраженности РДС и частоте проявления режимов в связи с гендерными стереотипами воспитания.

Предмет исследования: ранние дезадаптивные схемы и режимы их функционирования у мужчин и женщин ранней, средней и поздней зрелости.

Объект исследования: ранние дезадаптивные схемы и режимы их функционирования.

Задачи исследования:

1. Изучить выраженность ранних дезадаптивных схем и режимов функционирования схем у взрослых общей выборки.
2. Изучить выраженность ранних дезадаптивных схем и режимов функционирования схем у мужчин и женщин.
3. Изучить выраженность ранних дезадаптивных схем и режимов функционирования схем у взрослых из разных возрастных групп (ранняя, средняя и поздняя зрелость).

Методики

Для исследования ранних дезадаптивных схем взрослых использовались следующие методики: методика диагностики ранних дезадаптивных схем Янга YSQ-S3R (Young Schema Questionnaire Short Form) и SMI (Schema Modes Inventory) Дж. Янга, в адаптации П. М. Касьяника и Е. В. Романовой [3, 7, 8]. Кроме того, была использована анкета «Детство. События, детско-родительские отношения и субъективные переживания», разработанная М. В. Галимзяновой.

Описание выборки респондентов. В исследовании приняли участие 546 респондентов: здоровые взрослые, не обращавшиеся за психологической помощью, 249 мужчин и 297 женщин в возрасте от 18 до 60 лет. Из них к периоду ранней зрелости (18–25 лет) принадлежали 287 респондентов, средней зрелости (25–40 лет) — 208 респондентов, поздней зрелости (41–60 лет) — 51 респондент.

Математико-статистические методы обработки данных

Корреляционный анализ был выполнен с помощью программы IBM SPSS Statistics 22, использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена для непараметрических переменных. Анализ достоверности различий выборки по полу и возрасту вычислялся при помощи t-критерия Стьюдента и непараметрического критерия *U* Манна—Уитни для независимых выборок.

Результаты эмпирического исследования

Средние значения показателей РДС представлены в табл. 1.

Анализ средних значений выраженности ранних дезадаптивных схем позволил установить, что в данной выборке РДС выражены неинтенсивно, что в целом может указывать на относительное здоровье и психологическое благополучие респондентов. Наиболее выражены следующие РДС: «Жесткие стандарты/Придиричивость», «Поиск одобрения», «Покинутость/Нестабильность», «Недостаточность самоконтроля», «Привилегированность/Грандиозность», «Недоверие/Ожидание жестокого обращения», «Негативизм/Пессимизм», «Самопожертвование», «Подавление эмоций».

У мужчин в сравнении с женщинами достоверно более выражены такие РДС, как «Жесткие стандарты/Придиричивость» ($p=0,035$), «Поиск одобрения» ($p=0,022$). Можно предположить, что для мужчин более характерно выдвигать высокие требования по отношению к самим себе и другим, а также более свойственна

Таблица 1. Средние значения выраженности ранних дезадаптивных схем по выборке (в баллах)

Ранние дезадаптивные схемы	Общая выборка	Стандартное отклонение	Мужчины	Женщины	Достоверность различий (p-уровень)
Эмоциональная депривированность	9,48	4,78	9,49	9,47	0,956
Покинутость / Нестабильность	13,27	5,351	13,53	13,05	0,301
Недоверие / Ожидание жестокого обращения	12,22	4,815	12,3	12,15	0,723
Социальная отчужденность	11,439	4,8576	11,721	11,202	0,214
Дефективность / Стыд	8,57	4,142	8,81	8,36	0,209
Неуспешность	10,6	4,918	10,74	10,49	0,559
Зависимость / Беспомощность	9,67	3,932	9,8	9,57	0,496
Уязвимость	10,712	4,4856	10,972	10,493	0,215
Спутанность / Неразвитая идентичность	10,13	4,08	10,37	9,94	0,224
Покорность	11,26	4,342	11,24	11,27	0,941
Самопожертвование	13,07	4,026	13,36	12,83	0,129
Подавление эмоций	12,61	5,459	12,81	12,44	0,426
Жесткие стандарты / Придирчивость	16,4	4,856	16,78*	16,08*	0,035
Привилегированность / Грандиозность	13,684	4,2274	13,942	13,468	0,192
Недостаточность самоконтроля	13,38	4,702	13,45	13,33	0,761
Поиск одобрения	15,06	4,898	15,59*	14,62*	0,022
Негативизм / Пессимизм	12,54	4,584	12,64	12,46	0,641
Пунитивность	12,04	3,997	12,18	11,92	0,433

Примечание: * — различия достоверны на уровне $p < 0,05$.

ориентация на мнение других, стремление соответствовать их требованиям. Такие различия в выраженности РДС могут быть объяснены гендерными стереотипами в обществе: для мужчин может быть важным достижение успеха и получение одобрения со стороны окружающих.

Установлено, что выраженность РДС снижается в более старших возрастных группах, при этом имеются достоверные различия в разных возрастных группах между показателями 14 РДС из 18, за исключением таких РДС, как «Эмоциональная депривированность», «Социальная отчужденность», «Покорность» и «Самопожертвование» (табл. 2). Наибольшая выраженность всех схем, за исключением РДС «Эмоциональной депривированности», характерна для респондентов периода ранней зрелости. Выраженность РДС «Эмоциональной депривированности» сохраняется на одном уровне в период ранней, средней и поздней зрелости.

Был проведен корреляционный анализ показателей выраженности РДС и ответов на вопросы анкеты «Мое детство», касающихся разных аспектов ситуации

Таблица 2. Средние значения выраженности ранних дезадаптивных схем у респондентов разных возрастных групп (в баллах)

Ранние дезадаптивные схемы	Ранняя взрослость (18–25 лет) Группа 1	Средняя взрослость (26–40 лет) Группа 2	Поздняя взрослость (41–60 лет) Группа 3	Достоверность различий (р-уровень) между гр. 1 и 2	Достоверность различий (р-уровень) между гр. 2 и 3	Достоверность различий (р-уровень) между гр. 1 и 3
Эмоциональная депривированность	9,38	9,53	9,84	0,737	0,678	0,527
Покинутость / Нестабильность	14,16	12,44	11,63	0,000**	0,339	0,001**
Недоверие / Ожидание жестокого обращения	13,17	11,26	10,78	0,000**	0,472	0,002**
Социальная отчужденность	11,83	11,13	10,53	0,117	0,409	0,083
Дефективность / Стыд	9,12	7,85	8,41	0,001**	0,343	0,275
Неуспешность	11,19	9,97	9,92	0,008**	0,947	0,105
Зависимость / Беспомощность	10,12	9,11	9,47	0,004**	0,530	0,293
Уязвимость	11,15	10,23	10,20	0,024*	0,961	0,174
Спутанность / Неразвитая идентичность	10,42	9,61	10,67	0,030*	0,100	0,685
Покорность	11,49	11,03	10,86	0,247	0,805	0,326
Самопожертвование	12,85	13,42	12,88	0,130	0,434	0,959
Подавление эмоций	13,20	12,04	11,57	0,022*	0,545	0,055
Жёсткие стандарты / Придирчивость	16,98	16,23	13,82	0,091	0,002**	0,000**
Привилегированность / Грандиозность	14,38	13,28	11,41	0,004**	0,004**	0,000**
Недостаточность самоконтроля	13,90	12,84	12,73	0,014**	0,878	0,102
Поиск одобрения	16,00	14,29	12,90	0,000**	0,066	0,000**
Негативизм / Пессимизм	13,23	11,79	11,73	0,001**	0,924	0,035*
Пунитивность	12,70	11,38	11,02	0,000**	0,555	0,006**

Примечание: * — различия достоверны на уровне $p < 0,05$; ** — различия достоверны на уровне $p < 0,01$.

детства. Он позволил выявить определенные закономерности (см. рис. 1). С показателем субъективной оценки «Жесткости наказаний» в детстве обнаружены взаимосвязи с РДС «Эмоциональной депривированности» ($r=0,350$), «Покинутости/Нестабильности» ($r=0,268$), «Недоверия/Ожидания жестокого обращения»

Рис. 1. Корреляционные взаимосвязи показателей жесткости и частоты наказаний с РДС (жирная линия — $p < 0,01$; тонкая линия — $p < 0,05$)

($r=0,289$), «Дефективности/Стыда» ($r=0,403$), «Зависимости/Беспомощности» ($r=0,335$). С показателем субъективного уровня оценки «Частоты наказаний» были выявлены взаимосвязи по схемам «Покинутости/Нестабильности» ($r=0,288$), «Недоверия/Ожидания жестокого обращения» ($r=0,355$), а также «Зависимости/Беспомощности» ($r=0,301$).

Таким образом, на российской выборке получено эмпирическое подтверждение теоретических положений схематерапии о том, что частота и жесткость наказаний в детстве играют роль в формировании и развитии РДС «Недоверия/Ожидания жестокого обращения», «Дефективности/Стыда», «Эмоциональной депривированности», «Покинутости/Нестабильности», «Зависимости/Беспомощности», то есть главным образом РДС из домена «Нарушение связи и отвержение».

Выявлены обратные взаимосвязи показателя «Поощрения проявления эмоций в воспитании» с РДС «Эмоциональной депривированности», «Дефективности/Стыда», «Зависимости/Беспомощности», «Покорности» (см. рис. 2), а также показателя субъективной оценки респондентами «Тревожности своих родителей» с РДС «Спутанности/Неразвитой идентичности» и «Недостаточности самоконтроля».

Можно сделать предположение о том, что подавление родителями спонтанных проявлений эмоций при воспитании детей, могло сыграть роль в формировании

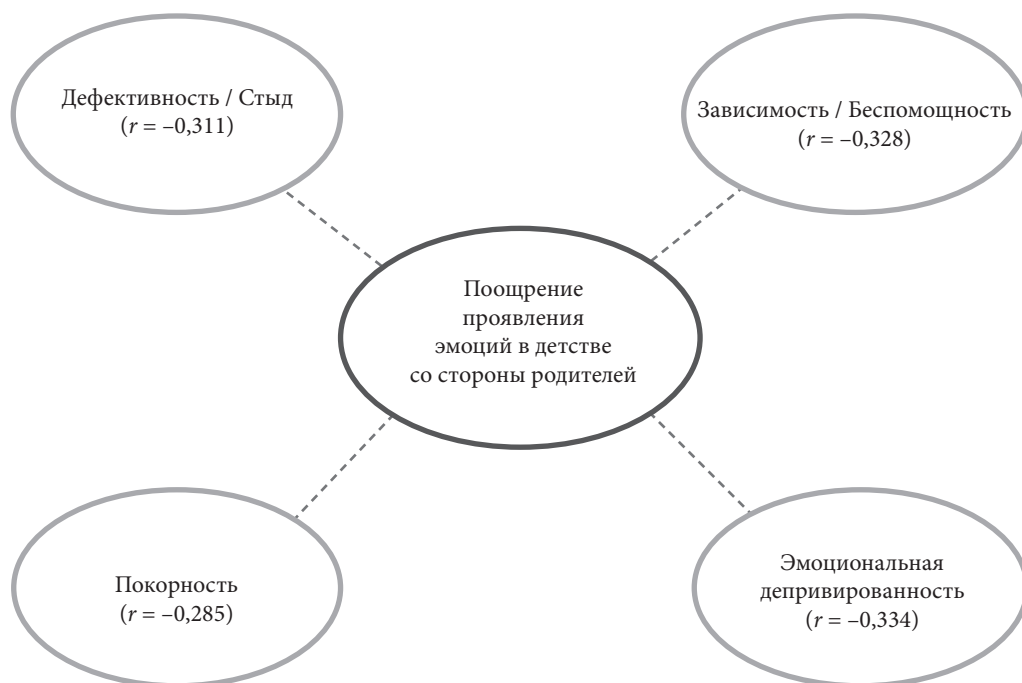

Рис. 2. Корреляционные взаимосвязи показателя субъективной оценки респондентами поощрения проявления эмоций в детстве и РДС ($p < 0,05$)

и развитии «Эмоциональной депривированности», «Дефективности / Стыда», «Зависимости / Беспомощности», «Покорности». Стремление родителей стыдить ребенка за открытое проявление чувств, спонтанность и непосредственность может способствовать развитию РДС «Спутанности / Неразвитой идентичности» и «Недостаточности самоконтроля».

Также имеются положительные корреляционные взаимосвязи (см. рис. 3) между показателем уровня субъективной оценки боязни собственных родителей у респондентов и ранними дезадаптивными схемами «Пунитивности» ($r = 0,352$, $p < 0,05$) и «Негативизма / Пессимизма» ($r = 0,403$, $p < 0,01$). Логично предположить, что воспитание, в процессе которого родители наказывали детей за ошибки и неудачи, могло сыграть роль в формировании страха перед собственными родителями и способствовать развитию таких РДС, как «Негативизм / Пессимизм» и «Пунитивность».

Рис. 3. Корреляционные взаимосвязи показателей субъективной оценки респондентами страха собственных родителей и РДС (—— — $p < 0,01$; — — — — $p < 0,05$).

Для изучения частоты проявления режимов функционирования схем использовалась методика Schema Mode Inventory (SMI), разработанная Дж. Янгом, средние значения в процентах по которой представлены в табл. 3.

Анализ средних значений частоты проявления режимов функционирования схем показал, что в данной выборке здоровых людей преобладают адаптивные режимы: «Счастливый ребенок» (38,93) и «Здоровый взрослый» (41,60). Режим «Здорового взрослого» характеризуется сбалансированным эмоциональным контролем, организованностью, осознанием и коррекцией собственных копинговых стратегий, заботой о собственном «Уязвимом ребенке». Режим «Счастливого ребенка» характеризуется уместной спонтанностью, непосредственностью, радостью и удовольствием. Из дезадаптивных детских режимов наиболее часто проявляется режим «Сердитого ребенка» (25,98) и «Импульсивного ребенка» (24,01). Из дезадаптивных копинговых режимов наиболее часто проявляется режим «Высокомерного самовозвеличивателя» (30,96), который связан с гиперкомпенсацией собственной неуверенности в форме самовозвеличивания (см. табл. 3).

Достоверные различия показателей частоты проявления режимов функционирования схем у мужчин и женщин обнаружены в отношении режимов «Необузданного ребенка», «Послушного капитулянта», «Отстраненного защитника»,

Таблица 3. Средние значения показателей режимов проявления схем по выборке (в %)

Режимы функционирования схем	Средние по выборке	Стандартное отклонение	Мужчины	Женщины	Достоверность различий (p-уровень)
Уязвимый ребенок	22,77	8,50	23,36	22,28	0,232
Сердитый ребенок	25,98	7,18	26,4	25,63	0,311
Разгневанный ребенок	18,07	6,40	18,1	18,05	0,938
Импульсивный ребенок	24,01	6,16	24,32	23,75	0,386
Необузданный ребенок	23,49	8,46	25,78	21,60	0,000**
Счастливый ребенок	38,93	8,31	38,3	39,44	0,195
Послушный капитулянт	24,37	9,44	26,02	23,00	0,002**
Отстраненный защитник	22,53	7,31	23,43	21,79	0,034*
Отстраненный самоутешитель	21,88	12,46	26,27	18,26	0,000**
Высокомерный самовозвеличиватель	30,96	7,21	31,49	30,52	0,205
Агрессивный задира	23,90	6,63	24,74	23,20	0,027*
Наказывающий родитель	19,91	6,59	20,39	19,52	0,208
Требовательный родитель	33,06	7,68	33,39	32,79	0,455
Здоровый взрослый	41,60	7,20	41,47	41,71	0,748

Примечания: * — различия достоверны на уровне $p < 0,05$; ** — различия достоверны на уровне $p < 0,01$.

«Отстраненного самоутешителя», «Агрессивного задиры». Причем все перечисленные режимы чаще проявляются у мужчин, что может быть связано с более высокой адаптивностью у женщин.

Среди групп разного возраста наблюдается достоверное снижение уровня проявления режимов с изменением возраста (см. табл. 4). Эта тенденция носит универсальный характер — по всем режимам с достоверной разницей между группами происходит снижение выраженности с возрастом. Это может быть результатом повышения адаптации в группе здоровых респондентов или «отсеиванием» тех респондентов, которые начинают нуждаться в психологической помощи.

Кажущееся противоречие между утверждением Дж. Янга о том, что с возрастом РДС становятся все более сложными и могут оказывать влияние на более широкие сферы жизни, и полученными результатами (снижение выраженности дезадаптивных схем с возрастом) может быть связано с тем, что исследовалась «здоровая» выборка. Незначительное развитие РДС у людей, чье детство проходило, вероятно, в более благоприятных условиях, в последующих возрастных периодах может компенсироваться нормальными адаптивными механизмами. Закрепляясь с возрастом, такие особенности могут приводить к снижению выраженности дезадаптивных схем. К аналогичным результатам стремится и схематерапия в целом, способствуя формированию у пациентов более адекватных защитных реакций, снижающих влияние РДС на когнитивную, эмоциональную и поведенческую сферы.

Учитывая кросс-секционный характер исследования, можно предположить, что наблюдаемые различия могут быть связаны как с возрастом, так и с особенностями разных поколений. Это требует уточнения в дальнейших исследованиях. Предположение о том, что самоотчеты людей старшего возраста могут быть связаны с накопленным опытом взаимодействия, полностью соответствует концепции схематерапии и подтверждает гипотезу о том, что у здоровых людей вырабатываются адаптивные механизмы, которые снижают выраженность дезадаптивных схем.

Выводы. В результате эмпирического исследования при помощи адаптированного русского варианта диагностических методик (YSQ и SMI) на выборке здоровых респондентов получили подтверждение гипотезы, выдвинутые на основе теоретических положений схематерапии:

- У здоровых взрослых людей ранние дезадаптивные схемы и дисфункциональные режимы выражены незначительно. У респондентов данной выборки наиболее часто проявляются режимы «Здорового взрослого» и «Счастливого ребенка», что подтверждает основную характеристику выборки как «здоровой». Это также служит косвенным подтверждением валидности адаптированного русского варианта диагностических методик.
- Выраженность РДС в среднем у мужчин выше, чем у женщин. У мужчин, по сравнению с женщинами, более выражены РДС «Жестких стандартов» и «Поиска одобрения». У мужчин чаще, по сравнению с женщинами, проявляются режимы «Необузданного ребенка» и такие дезадаптивные копинговые режимы, как «Послушный капитулянт», «Отстраненный защитник», «Отстраненный самоутешитель», «Агрессивный задира». Это может быть связано как с гендерными стереотипами воспитания, так и с более высоким уровнем адаптивности у женщин. Кроме того, женщины более чувстви-

Таблица 4. Средние значения показателей частоты проявления режимов функционирования схем в разных возрастных группах (в %)

Режимы функционирования схем	Ранняя взрослость (18-25 лет) Группа 1	Средняя взрослость (26-40 лет) Группа 2	Поздняя взрослость (41-60 лет) Группа 3	Достоверность различий (р-уровень) гр. 1 и 2	Достоверность различий (р-уровень) гр. 2 и 3	Достоверность различий (р-уровень) гр. 1 и 3
Уязвимый ребенок	24,06	20,82	21,82	0,001**	0,543	0,195
Сердитый ребенок	27,20	24,32	24,25	0,000**	0,961	0,039**
Разгневанный ребенок	18,38	17,37	18,86	0,169	0,261	0,707
Импulsiveивный ребенок	24,41	23,56	22,95	0,231	0,618	0,245
Необузданный ребенок	25,22	21,96	17,31	0,001**	0,002**	0,000**
Счастливыи ребенок	38,61	39,48	38,82	0,357	0,703	0,903
Послушный капитулянт	25,77	23,49	17,76	0,034**	0,014**	0,000**
Отстраненный защитник	23,70	20,79	21,54	0,000**	0,602	0,148
Отстраненный самоутешитель	24,80	19,11	12,36	0,000**	0,001**	0,000**
Высокомерный самовозвеличиватель	32,15	29,33	29,32	0,001**	0,996	0,056
Агрессивный задира	25,91	21,10	21,30	0,000**	0,872	0,000**
Наказывающий родитель	20,66	18,81	19,21	0,013**	0,774	0,260
Требовательный родитель	34,62	31,90	26,57	0,001**	0,001**	0,000**
Здоровый взрослый	41,68	42,03	39,11	0,662	0,069	0,067

Примечания: * — различия достоверны на уровне $p < 0,05$; ** — различия достоверны на уровне $p < 0,01$.

тельны к собственным психологическим проблемам и чаще обращаются за психологической помощью, «выпадая» таким образом из приведенной выборки.

- В старших возрастных группах наблюдается достоверное снижение выраженности большинства РДС (14 из 18), трех детских режимов («Уязвимого», «Сердитого» и «Необузданного ребенка»), а также всех дезадаптивных копинговых режимов и двух дезадаптивных родительских режимов. Это может быть связано с приобретением опыта и развитием адаптивных реакций у здоровых людей на различные жизненные ситуации или с «отсеиванием» тех респондентов, которые начинают обращаться за психологической помощью.
- Диагностика ранних дезадаптивных схем и дисфункциональных режимов у здоровых людей позволяет получить ценный материал, необходимый для дальнейшего сравнительного анализа развития различных нарушений психического здоровья.

Литература

1. Young J. E., Klosko J. S., Weishaar M. *Schema Therapy: A Practitioner's Guide*. New York, Guilford Publications, 2003. 436 p.
2. Young J. E., Klosko J. S. *Reinventing Your Life: The Breakthrough Program to End Negative Behavior and Feel Great Again*. New-York, Plume, 1994. 365 p.
3. Young J. *Schema Therapy Inventories & Related Materials*. New York, Schema Therapy Institute, 2015. 150 p.
4. Холмогорова А. Б. Схема-терапия Дж. Янга — один из наиболее эффективных методов помощи пациентам с пограничным расстройством личности // Журнал «Консультативная психология и психотерапия». 2014. Т. 22, № 2. С. 78–87.
5. *Handbook of Schema Therapy: Theory, Research and Practice* / ed. by Van Vreeswijk M., Broersen J., Nadort M. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. 680 p.
6. Farrell J., Reiss N., Shaw I. *The Schema Therapy Clinician's Guide: A complete resource for building and delivering individual, group and integrated mode treatment programs*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2014. 329 p.
7. Loose C., Graaf P., Zarbock G. *Schematherapie mit Kindern und Jugendlichen*. Weinheim: Beltz, 2013. 352 p.
8. Галимзянова М. В., Романова Е. В. Эмоциональные переживания, связанные с событиями детства и партнерскими отношениями // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 12. 2011. Вып. 1. С. 209–216.
9. Касьяник П. М., Фаррелл Дж. М., Шоу А. А. Схема-ориентированный подход в практической работе психолога // Карминские чтения 2013: матер. междунар. науч.-практ. конф. «Философия, психология, педагогика развития социальной активности и творчества личности» (5–7 ноября 2013 г.) СПб.: Айсинг, 2013. С. 281–285.
10. Касьяник П. М., Романова Е. В., Фаррелл Дж. М., Шоу А. А. Концептуальные основы групповой и индивидуальной схематерапии // Российский психотерапевтический журнал. 2013. № 1. С. 23–26.
11. Yoosefi N., Etemadi O., Bahrami F., Fatehizade M. A. S., Ahmadi S. A. An investigation on early maladaptive schema in marital relationship as predictors of divorce // *Journal of Divorce & Remarriage*. 2010. Vol. 51, issue 5. P. 269–292.
12. Freeman N. Constructive thinking and early maladaptive schemas as predictors of interpersonal adjustment and marital satisfaction (Doctoral dissertation, Rosemead School of Psychology, Biola University, 1999) // *Dissertation Abstracts International*. N 59(9-B), 5081.
13. Blissett J. M., Farrow C. V. Stability and continuity of women's core beliefs and psychopathological symptoms from pregnancy to one year postpartum // *Cognitive Therapy and Research*. 2007. N 31. P. 589–602.
14. Rijkeboer M. M., de Boo G. M. Early maladaptive schemas in children: Development and validation of the schema inventory for children // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 2010. N 41. P. 102–109.

15. *Vlierberghe L. Van, Braet C., Bosmans G., Rosseel Y., Bögels S.* Maladaptive schemas and psychopathology in adolescence: On the utility of Young's schema theory in youth // *Cognitive Therapy and Research*. 2010. N 34. P. 316–332.
16. *Thimm J. C.* Relationships between early maladaptive schemas and psychosocial developmental task resolution // *Clinical Psychology and Psychotherapy*. 2010. N 17. P. 219–230.
17. *Brandon R. A.* Early recollections as a trigger technique for identifying early maladaptive schemas // *Dissertation Abstracts International*. 2000. N 61 (03), 1626B.
18. *Theiler S., Bates G.* The Advantage of Accessing Early Maladaptive Schemas in Early Childhood Memories and Empirical Evidence of Their Predictive Worth // *Innovations and Advances in Cognitive Behavior Therapy*. 1st ed. Bowen Hills Qld.: Australian Academic Press, 2007. P. 267–274.
19. *Stanojević T. S., Nedeljković J.* Attachment patterns from the perspective of early maladaptive schemas // *Ljetopis socijalnog rada*. 2012. N 19 (1). P. 95–118.
20. *Ledoux T., Winterowd C., Richardson T., Clark J. D.* Relationship of negative self-schemas and attachment styles with appearance schemas // *Body Image*. 2010. N 7. P. 213–217.
21. *Schmidt N. B., Joiner T. E.* Global maladaptive schemas, negative life events, and psychological distress // *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. 2004. N 26. P. 65–72.
22. *Tremblay P. F., Dozois D. J. A.* Another perspective on trait aggressiveness: Overlap with early maladaptive schemas // *Personality and Individual Differences*. 2009. N 6. P. 569–574.
23. *Rittenmyer G. J.* The relationship between early maladaptive schemas and job burnout among public school teachers // *Dissertation Abstracts International*. 1997. N 58(5-A), 1529.
24. *Hoffart A., Sexton H., Nordahl H. M.* Connection between patient and therapist and therapist's competence in schema-focused therapy of personality problems // *Psychotherapy Research*. 2005. N 15. P. 409–419.
25. *Waller G., Meyer C., Ohanian V., Elliott P., Dickson C., Sellings J.* The psychopathology of bulimic women who report childhood sexual abuse: the mediating role of core beliefs // *Journal of Nervous and Mental Disease*. 2001. N 189. P. 700–708.
26. *Blissett J., Meyer C.* The mediating role of eating psychopathology in the relationship between unhealthy core beliefs and feeding difficulties in a nonclinical group // *International Journal of Eating Disorders*. 2006. N 39. P. 763–771.
27. *Vlierberghe L., Van Braet C., Goossens L.* Dysfunctional schemas and eating pathology in overweight youth: A case-control study // *International Journal of Eating Disorders*. 2009. N 42. P. 437–443.
28. *Unoka Z., Tölgyes T., Czobor P., Simon L.* Eating disorder behavior and early maladaptive schemas in subgroups of eating disorders // *Journal of Nervous and Mental Disease*. 2010. N 198. P. 425–431.
29. *Сагалакова О. А., Труевцев Д. В.* Социальное тревожное расстройство в структуре личностно-аномального синдрома: когнитивные схемы и нарушение селективности внимания // 125 лет Московскому психологическому обществу. Юбилейный сб.: в 4 т. М.: МАКС-пресс, 2011. Т. 2. С. 22–25.
30. *Труевцев Д. В., Сагалакова О. А.* Руминации в контексте метакогниций, неадаптивных схем и психической ригидности // *Известия Алтайского гос. ун-та*. 2011. № 2. С. 69–72.
31. *Сирота Н. А., Ялтонский В. М., Московченко Д. В.* Характеристики когнитивной сферы игроков в многопользовательские онлайн-ролевые игры с различной степенью интернет-зависимого поведения // *Медицинская психология в России: электрон. науч. журн*. 2013. № 1 (18). URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 22.02.2016).
32. *Тихомирова М. А.* Психологическое благополучие и ранние дезадаптивные схемы человека: дис. ... магистра психологии. СПб., 2014. 120 с.
33. *Петрановский А. В., Галимзянова М. В.* Самовосприятие и межличностные отношения взрослых в связи с их сиблинговой позицией и субъективными переживаниями детства // *Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ*. 2015. Т. 3. С. 169–175.

Для цитирования: Галимзянова М. В., Касьяник П. М., Романова Е. В. Выраженность ранних дезадаптивных схем и режимов функционирования схем у мужчин и женщин в период ранней, средней и поздней взрослости // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика*. 2016. Вып. 3. С. 109–125. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.310

References

1. Young J. E., Klosko J. S., Weishaar M. *Schema Therapy: A Practitioner's Guide*. New York, Guilford Publications, 2003. 436 p.

2. Young J. E., Klosko J. S. *Reinventing Your Life: The Breakthrough Program to End Negative Behavior and Feel Great Again*. New-York, Plume Publ., 1994. 365 p.
3. Young J. *Schema Therapy Inventories & Related Materials*. New York, Schema Therapy Institute Publ., 2015. 150 p.
4. Kholmogorova A. B. Skhema-terapiia Dzh. Ianga — odin iz naibolee effektivnykh metodov pomoshchi patientsiam s pogranichnym rasstroistvom lichnosti [Schema Therapy of J. Young — one of the most effective methods for patients with borderline personality disorder]. *Zhurnal konsul'tativnaia psikhologiya i psikhoterapiia* [Journal of Counseling Psychology and psychotherapy], 2014, issue 2, vol. 22, pp. 78–87. (In Russian)
5. *Handbook of Schema Therapy: Theory, Research and Practice*. Ed. by Van Vreeswijk M., J. Broersen, M. Nadort. Oxford, Wiley-Blackwell Publ., 2012. 680 p.
6. Farrell J., Reiss N., Shaw I. *The Schema Therapy Clinician's Guide: A complete resource for building and delivering individual, group and integrated mode treatment programs*. Oxford, Wiley-Blackwell Publ., 2014. 329 p
7. Loose C., Graaf P., Zarbock G. *Schematherapie mit Kindern und Jugendlichen*. Weinheim, Beltz Publ., 2013. 352 p
8. Galimzianova M. V., Romanova E. V. Emotsional'nye perezhivaniia, svyazannye s sobytiiami detstva i partnerskimi otnosheniiami [Emotional feelings associated with the events of his childhood and partnerships]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 12. Sociology*, 2011, vol. 1, pp. 209–216. (In Russian)
9. Kas'ianik P. M., Farrell Dzh. M., Shou A. A. Skhema-orientirovannyi podkhod v prakticheskoi rabote psikhologa [The Schema Therapy in the practical work of psychologist]. *Karminskie chteniia 2013: Matly Mezhdunar. nauchno-prakt. konf-tsii «Filosofia, psikhologiya, pedagogika razvitiia sotsial'noi aktivnosti i tvorchestva lichnosti» 5–7 noiabria 2013 g.* [Karminsky readings, 2013. Proceedings of the International scientific-practical conference "Philosophy, psychology, pedagogy of social activity and creativity of personality" November 5–7, 2013]. St. Petersburg Icing 2013, with 281–285. (In Russian)
10. Kas'ianik P. M., Romanova E. V., Farrell Dzh. M., Shou A. A. Kontseptual'nye osnovy gruppovoi i individual'noi skhematerapii [Conceptual bases of group and individual Schema Therapy]. *Rossiiskii psikhoterapevticheskii zhurnal* [Russian psychotherapeutic journal, 2013], issue 1, St. Petersburg, Scythia-print, pp. 23–26. (In Russian)
11. Yoosefi N., Etemadi O., Bahrami F. Fatehizade M. A. S., Ahmadi S. A. An investigation on early maladaptive schema in marital relationship as predictors of divorce. *Journal of Divorce & Remarriage*, 2010, vol. 51, issue 5, pp. 269–292.
12. Freeman N. Constructive thinking and early maladaptive schemas as predictors of interpersonal adjustment and marital satisfaction (Doctoral dissertation, Rosemead School of Psychology, Biola University, 1999. *Dissertation Abstracts International*, N 59(9-B), 5081.
13. Blissett J. M., Farrow C. V. Stability and continuity of women's core beliefs and psychopathological symptoms from pregnancy to one year postpartum. *Cognitive Therapy and Research*, 2007, no. 31, pp. 589–602.
14. Rijkeboer M. M., de Boo G. M. Early maladaptive schemas in children: Development and validation of the schema inventory for children. *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*, 2010, no. 41, pp. 102–109.
15. Vlierberghe L. Van Braet C., Bosmans G., Rosseel Y., Bögels S. Maladaptive schemas and psychopathology in adolescence: On the utility of Young's schema theory in youth. *Cognitive Therapy and Research*, 2010, no. 34, pp. 316–332.
16. Thimm J. C. Relationships between early maladaptive schemas and psychosocial developmental task resolution. *Clinical Psychology and Psychotherapy*, 2010, no. 17, pp. 219–230.
17. Brandon R. A. Early recollections as a trigger technique for identifying early maladaptive schemas. *Dissertation Abstracts International*, 2000, no. 61 (03). 1626B.
18. Theiler S., Bates G. The Advantage of Accessing Early Maladaptive Schemas in Early Childhood Memories and Empirical Evidence of Their Predictive Worth. *Innovations and Advances in Cognitive Behavior Therapy*. 1st ed. Bowen Hills Qld., Australian Academic Press, 2007, pp. 267–274.
19. Stanojević T. S., Nedeljković J. Attachment patterns from the perspective of early maladaptive schemas. *Ljetopis socijalnog rada*, 2012, no. 19 (1), pp. 95–118.
20. Ledoux T., Winterowd C., Richardson T., Clark J. D. Relationship of negative self-schemas and attachment styles with appearance schemas. *Body Image*, 2010, no. 7, pp. 213–217.
21. Schmidt N. B., Joiner T. E. Global maladaptive schemas, negative life events, and psychological distress. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 2004, no. 26, pp. 65–72.
22. Tremblay P. F., Dozois D. J. A. Another perspective on trait aggressiveness: Overlap with early maladaptive schemas. *Personality and Individual Differences*, 2009, no. 6, pp. 569–574.

23. Rittenmyer G. J. The relationship between early maladaptive schemas and job burnout among public school teachers. *Dissertation Abstracts International*, 1997, no. 58(5-A), 1529.

24. Hoffart A., Sexton H., Nordahl H. M. Connection between patient and therapist and therapist's competence in schema-focused therapy of personality problems. *Psychotherapy Research*, 2005, no. 15, pp. 409–419.

25. Waller G., Meyer C., Ohanian V., Elliott P., Dickson C., Sellings J. The psychopathology of bulimic women who report childhood sexual abuse: the mediating role of core beliefs. *Journal of Nervous and Mental Disease*, 2001, no. 189, pp. 700–708.

26. Blissett J., Meyer C. The mediating role of eating psychopathology in the relationship between unhealthy core beliefs and feeding difficulties in a nonclinical group. *International Journal of Eating Disorders*, 2006, no. 39, pp. 763–771.

27. Vlierberghe L. Van Braet C., Goossens L. Dysfunctional schemas and eating pathology in overweight youth: A case-control study. *International Journal of Eating Disorders*, 2009, no. 42, pp. 437–443.

28. Unoka Z., Tölgyes T., Czobor P., Simon L. Eating disorder behavior and early maladaptive schemas in subgroups of eating disorders. *Journal of Nervous and Mental Disease*, 2010, no. 198, pp. 425–431.

29. Sagalakova O. A., Truevtsev D. V. Sotsial'noe trevozhnoe rasstroistvo v strukture lichnostno-anomal'nogo sindroma: kognitivnye skhemy i narushenie selektivnosti vnimaniia [Social anxiety disorder in the structure of personality abnormal syndrome: cognitive schema and violation of selective attention]. *125 let Moskovskomu Psikhologicheskomu Obshchestvu. Iubileinyi sb. v 4-kh t.* [125 years of Moscow Psychological Society. Jubilee collection in 4 volumes]. Moscow, MAKS-Press, 2011, vol. 2, pp. 22–25. (In Russian)

30. Truevtsev D. V., Sagalakova O. A. Ruminatsii v kontekste metakognitsii, neadaptivnykh skhem i psikhicheskoi rigidnosti [Rumination in the context of metacognition, maladaptive schemas and mental rigidity]. *Izvestiia Altaiskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [News of Altai State University], 2011, vol. 2 (2), pp. 69–72. (In Russian)

31. Sirota N. A., Ialtonskii V. M., Moskovchenko D. V. Kharakteristiki kognitivnoi sfery igrokov v mnogopol'zovatel'skie onlain-rolevyie igry s razlichnoi stepen'iu Internet-zavisimogo povedeniia [Characteristics of cognitive sphere of players in multiplayer online role-playing games with varying degrees of Internet-dependent behavior]. *Meditsinskaia psikhologiya v Rossii: elektron. nauch. zhurn.* [Medical psychology in Russia: the electron. scientific. Zh.], 2013, no. 1 (18). Available at: <http://medpsy.ru> (accessed 12.22.2016). (In Russian)

32. Tikhomirova M. A. *Psikhologicheskoe blagopoluchie i rannie dezadaptivnye skhemy cheloveka*. Diss. magistra psikhologii [Psychological well-being and early maladaptive human scheme]. Thesis for the degree of Master of Psychology], St. Petersburg, 2014. 120 c.

33. Petranovskii A. V., Galimzianova M. V. Samovospriiatie i mezhlichnostnye otnosheniia vzroslykh v sviazi s ikh siblingovoi pozitsiei i sub'ektivnymi perezhivaniiami detstva [Self-perception and interpersonal relationships of adults in relation to their sibling position and subjective experiences of childhood]. *Nauchnye issledovaniia vypusknikov fakul'teta psikhologii SPbGU* [Research alumni of the Faculty of St. Petersburg State University of Psychology], 2015, vol. 3, pp. 169–175. (In Russian)

For citation: Galimzianova M. V., Kasyanik P. M., Romanova E. V. Early maladaptive schemas and schema modes of men and women in different stages of adulthood. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, 2016, issue 3, pp. 109–125. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.310

Статья поступила в редакцию 21 января 2016 г.

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072

П. К. Тромбчиньски

ВЗАИМОСВЯЗЬ НЕВРОТИЧЕСКИХ ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ И УРОВНЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФРУСТРИРОВАННОСТИ

В данной статье рассматривается взаимосвязь социальных факторов и личностных характеристик невротического регистра, выявляемых на основе методик «Опросник невротической личности KON-2006» и «Невротические черты личности». Основной целью статьи являлось изучение взаимосвязей невротических черт личности с уровнем социальной фрустрированности. При помощи корреляционного анализа была выявлена взаимосвязь невротических черт личности и характеристик, описывающих социальную фрустрированность. Проведенное исследование позволило выделить наиболее значимые признаки невротизации личности, выявляемые с помощью использованных методик. Библиогр. 14 назв. Ил. 2. Табл. 3.

Ключевые слова: невротическое расстройство, социальная фрустрированность, невротические черты личности.

P. K. Trabczynski

INTERRELATION OF NEUROTIC PERSONALITY TRAITS AND THE LEVEL OF SOCIAL FRUSTRATION

This article discusses the relationship of social factors and personal characteristics of the neurotic register detected by 'Neurotic Personality Questionnaire KON-2006' and 'Neurotic Personality Traits'. The main aim of the article presents research aimed at a relationship study of neurotic personality traits and the social frustration level. A correlation analysis revealed the relationship of neurotic personality traits and characteristics that describe social frustration. This study allowed for the identification of the most significant signs of personality neuroticism, described by the methodology used. Refs 14. Figs 2. Tables 3.

Keywords: neurotic disorder, social frustration, neurotic personality traits.

XXI в. принес с собой множество изменений — социальных, политических, экономических, экологических, оказывающих существенное влияние на человека, и прежде всего на его психическое здоровье.

Тромбчиньски Петр Кристиан — ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; skala.84@mail.ru

Trabczynski Piotr K. — Assistant Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; skala.84@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

Роль социальных факторов, влияющих на возникновение клинически оформленных невротических расстройств или формирование невротического склада личности, неоднократно рассматривалась во многих исследованиях как в России, так и за рубежом [1–9].

Неблагоприятные микросоциальные и эмоционально-психологические факторы оказывают влияние на процесс формирования системы отношений человека уже с раннего детства. Сформировавшаяся под влиянием неблагоприятных воздействий система отношений становится неадекватной для решения задач обеспечения полноценного функционирования личности, приводит к нарушению ее структурной целостности, препятствует адаптации и адекватной регуляции поведения, дальнейшему личностному развитию и может приводить к манифестации нервно-психических расстройств [5, 10, 11]. Таким образом, социально-психологические факторы могут рассматриваться как в качестве одного из источников нарушений системы отношений и невротизации личности, так и в качестве последствий этих нарушений, обуславливающих появление проблем в сфере межличностного функционирования. В связи с этим представляет интерес изучение взаимосвязей невротических черт личности и уровня социальной фрустрированности.

Целью исследования являлось изучение взаимосвязей невротических черт личности с уровнем социальной фрустрированности. Выявление этих взаимосвязей может способствовать как более глубокому пониманию роли психологических и социально-психологических факторов в невротизации личности и этиопатогенезе невротических расстройств, так и конкретизации мишеней психотерапии и клинико-психологических вмешательств.

Для решения поставленных задач использовались новый «Опросник невротической личности KON-2006», разработанный польским психиатром Е. Александровичем [12], методика «Невротические черты личности» [13] и методика «Уровень социальной фрустрированности» [14].

Описание выборки

Всего было обследовано 145 человек (47 мужчин и 98 женщин) в возрасте от 18 до 55 лет, которые составили четыре группы: две группы пациентов с невротическими расстройствами (мужчины — 22 человека, женщины — 44 человека) и две группы здоровых (мужчины — 25 человек, женщины — 54 человека).

Критериями включения в группы пациентов были наличие диагноза рубрики F 4 (невротические, связанные со стрессом и соматоформные расстройства) МКБ 10 и прохождение курса лечения в связи с невротическими расстройствами. Критерии включения в группы здоровых состояли в отсутствии диагноза и соответствующего лечения. В группе больных наиболее представленными диагнозами были расстройство адаптации, тревожно-депрессивное расстройство и тревожно-фобическое расстройство.

Распределение респондентов по возрасту представлено на рис. 1. Большую часть выборки составляют лица от 21 до 30 лет. Средний возраст респондентов-мужчин составил 26 лет у пациентов и 23 года у здоровых, респондентов-женщин — соответственно 31 год и 28 лет.

ВОЗРАСТ ИСПЫТУЕМЫХ

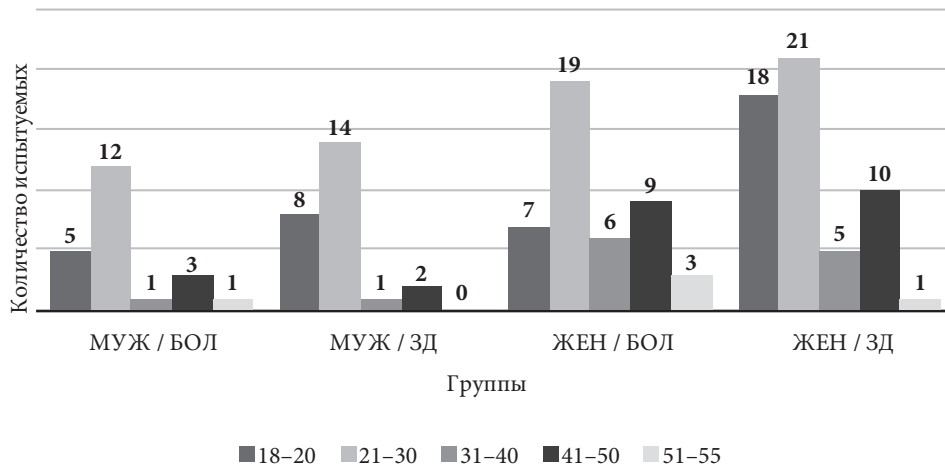

Рис. 1. Характеристика испытуемых по возрасту

Примечание: МУЖ — мужчины, ЖЕН — женщины, БОЛ — больные с невротическим расстройством, ЗД — здоровые лица.

УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ

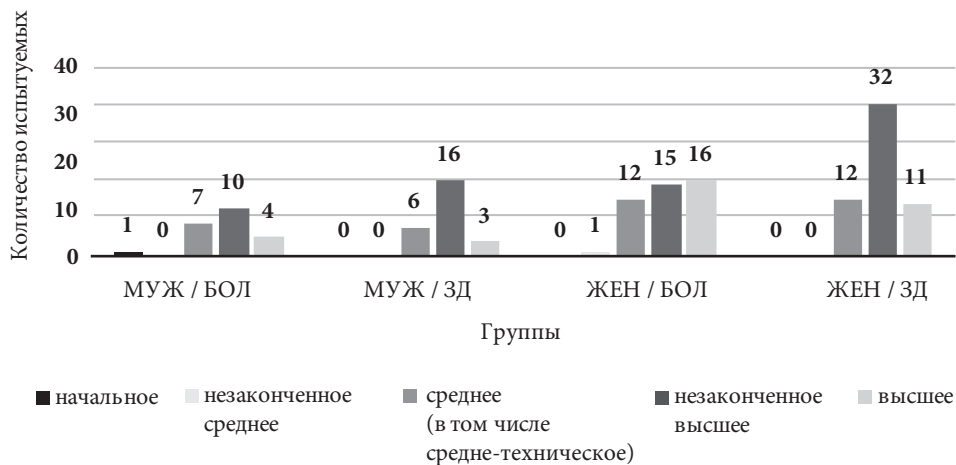

Рис. 2. Уровень образования испытуемых

Примечание: МУЖ — мужчины, ЖЕН — женщины, БОЛ — больные с невротическим расстройством, ЗД — здоровые лица.

По уровню образования основную часть выборки составили испытуемые с незаконченным высшим и высшим образованием (рис. 2).

Невротические черты личности

Результаты исследования выраженности невротических черт личности при помощи методики «Опросник невротической личности KON-2006» представлены в табл. 1. Методика направлена на изучение выраженности черт личности невротического характера, а также их общего уровня выраженности. [12].

Данные, представленные в табл. 1, демонстрируют, что в группах пациентов (мужчин и женщин) общий показатель выраженности невротических черт по методике X-KON значительно выше 18 баллов — уровень, превышение которого рассматривается авторами методики как признак невротизации или наличия клинически оформленных невротических расстройств. В группах здоровых (мужчин и женщин) этот показатель достоверно ниже и его значение находится в диапазоне, определяемом авторами методики как отсутствие невротических нарушений. Анализ распределения значений показателя X-KON внутри групп здоровых показывает, что в группе здоровых мужчин значения этого показателя имеют больший разброс, чем в группе женщин, что, возможно, указывает на больший риск развития невротических нарушений у мужчин.

Анализ результатов по отдельным характеристикам показал, что достоверные различия между группами больных и здоровых были также обнаружены по шкалам: «Чувство зависимости от окружения», «Астения», «Самооценка», «Чувство одиночества», «Демобилизация», «Чувство усталости», «Чувство беспомощности», «Чувство отсутствия влияния», «Низкая мотивированность», «Чувство опасности», «Чувство зависти» и «Чувство вины» ($p \leq 0,0001$), а также по шкалам «Проблемы в межличностных отношениях» и «Экзальтированность поведения» ($p \leq 0,001$). Все показатели достоверно выше в группах пациентов.

Сравнительный анализ мужской выборки выявил, что мужчины-пациенты в большей степени характеризуются «демобилизацией» и «сложностями в принятии решений»; у них более выражена астеническая симптоматика, недовольство жизнью, а также тенденция к восприятию себя как человека зависимого, уступчивого, не умеющего отказывать, подстраивающего свои мнения и действия под окружающих его людей при критическом непринятии этих своих свойств. Это сопровождается чувством беспомощности, неорганизованностью, неспособностью завершить запланированное, повышенным прогнозированием неудач и в связи с этим отказом от поставленных целей и легким уходом от нарастающих проблем. Пациенты-мужчины чувствительны, склонны к колебаниям настроения, нуждаются в поддержке. Они опасаются новых вызовов и ситуаций, им присущи чувство усталости, недовольство собою, утрата надежды и нехватка жизненных сил; они в меньшей степени, чем здоровые, способны проявлять инициативу и самостоятельно управлять своей жизнью.

Мужчины с невротическими расстройствами характеризуются наличием проблем в сфере межличностного взаимодействия: для них более характерны трудности во взаимоотношениях с окружающими, они не испытывают доверия к другим людям, считают, что другие их не понимают, воспринимают себя в контактах

Таблица 1. Средние значения показателей выраженности черт невротической личности в исследованных группах по результатам методики «Опросник невротической личности KON-2006»

Шкала	Мужчины		Женщины		Дост. разл. 1-2 и 3-4
	Больные 1	Здоровые 2	Больные 3	Здоровые 4	
	N = 22	N = 25	N = 44	N = 54	
Общий показатель выраженности невротических черт X-KON	37,08 ± 12,96	8,22 ± 5,21	38,06 ± 14,19	7,64 ± 5,52	p = 0,000
Чувство зависимости от окружения	6,18 ± 4,64	3,44 ± 2,55	7,18 ± 4,87	3,24 ± 3,58	p = 0,000
Астенция	6,27 ± 4,4	2,92 ± 2,49	7,13 ± 4,68	3,03 ± 3,04	p = 0,000
Самооценка	2,9 ± 2,74	0,96 ± 1,13	3,43 ± 2,52	1,2 ± 1,3	p = 0,000
Импульсивность	6,18 ± 4,91	4,8 ± 3,39	5,97 ± 4,5	4,03 ± 3,82	p = 0,026
Сложность в принятии решений	4 ± 2,86	3,76 ± 3,15	5,75 ± 3,98	3,33 ± 3,03	p = 0,027
Чувство одиночества	5,31 ± 3,63	3,68 ± 2,19	5 ± 3,53	2,61 ± 2,41	p = 0,000
Демобилизация	5,5 ± 4,37	3,52 ± 2,4	6,84 ± 4,73	2,98 ± 2,8	p = 0,000
Рискованное поведение	4,22 ± 3,26	5,76 ± 3,41	2,97 ± 2,97	3,44 ± 3,07	p = 0,075
Сложность эмоциональных взаимоотношений	4,95 ± 3,51	4,72 ± 2,47	4,61 ± 3,39	2,88 ± 2,66	p = 0,069
Чувство усталости	6,36 ± 5,16	4,4 ± 3,16	8,11 ± 5,36	3,92 ± 3,46	p = 0,000
Чувство беспомощности	5,86 ± 4,93	2,48 ± 2,12	5,7 ± 4,61	2,37 ± 2,78	p = 0,000
Чувство отсутствия влияния	3,9 ± 3,37	1,68 ± 1,49	4,2 ± 2,96	2,03 ± 2,57	p = 0,000
Низкая мотивированность	6,36 ± 4,77	3,24 ± 1,8	6,11 ± 4,01	3,22 ± 2,92	p = 0,000
Склонность к мечтанию (эскапизм)	5,31 ± 3,82	5 ± 3,09	4,72 ± 3,82	3,75 ± 3,4	p = 0,311
Чувство вины	4,95 ± 3,63	2,92 ± 2,7	5,68 ± 3,8	2,88 ± 2,71	p = 0,000
Проблемы в межличностных отношениях	5,4 ± 3,63	3,96 ± 2,33	5,4 ± 3,74	3,01 ± 2,83	p = 0,001
Чувство зависти	5,4 ± 4,09	2,6 ± 2,38	4,11 ± 3,15	1,81 ± 1,81	p = 0,000
Нарциссизм	5,4 ± 4,65	3,72 ± 2,79	3,5 ± 3,05	2,57 ± 2,87	p = 0,025
Чувство опасности	4,77 ± 3,66	2,84 ± 2,21	5,09 ± 3,34	2,77 ± 2,49	p = 0,000
Экзальтированность поведения	5,63 ± 3,98	3,36 ± 2,34	6,97 ± 4,39	4,7 ± 3,85	p = 0,001
Иррациональность	3,54 ± 2,73	3,32 ± 2,24	4,27 ± 2,96	3,01 ± 2,65	p = 0,127
Мелочность	3,22 ± 2,3	3,52 ± 2,21	3,52 ± 2,52	2,57 ± 2,26	p = 0,434
Рефлексивность	4,95 ± 3,49	3,88 ± 2,47	5,61 ± 3,62	3,9 ± 3,04	p = 0,016
Чувство эмоциональной и физической перегрузки	3,9 ± 2,89	3,84 ± 2,07	4,15 ± 3,08	2,85 ± 2,47	p = 0,152

с другими людьми как неумелых и беспомощных, успехи других людей оказывают на них фрустрирующее воздействие. Это усиливает переживание одиночества, чувство вины, неудовлетворенность собой, своим характером и своим поведением, что еще в большей степени снижает самооценку. Для здоровых мужчин также характерны некоторые особенности, типичные для невротических пациентов: они жалуются на усталость, проблемы в межличностных отношениях, чувство одиночества, демобилизацию, чувство зависимости от окружения; они также демонстрируют экзальтированность поведения и низкую мотивированность к разному виду деятельности, что сопровождается жалобами астенического характера, чувством вины, ощущением опасности, завистью и чувством беспомощности. Эти особенности также могут усугублять ощущение отсутствия влияния и оказывать негативное воздействие на самооценку. Однако все перечисленные невротические черты, хотя и выявляются у здоровых мужчин, выражены достоверно меньше, чем в группе больных. Анализ женской выборки показал, что женщины-пациенты в сравнении со здоровыми характеризуются в основном различиями по тем же характеристикам, что и пациенты-мужчины. Для них также характерны чувство усталости, психическая слабость, недовольство жизнью, зависимость от других и непринятие этих своих качеств. Женщины в отличие от пациентов-мужчин демонстрируют большую чувствительность, нежность, характеризуются колебаниями настроения, нуждаются в поддержке и проявляют отсутствие инициативы и самостоятельности в решении задач и проблем (низкая мотивированность). Так же как у мужчин-пациентов, это порождает ощущение беспомощности, а также сопровождается более выраженным, чем у пациентов-мужчин, чувством вины. Все вышеуказанные особенности и у мужчин, и у женщин дестабилизируют межличностные отношения и усугубляют чувство одиночества. У здоровых женщин, в отличие от пациенток, на первый план выходит экзальтированность поведения и чувство усталости. Женщины этой группы чувствуют себя зависимыми от окружения и демонстрируют астенические проявления. Следует отметить, что астенические проявления в разной степени свойственны всем испытуемым, участвующим в исследовании. Здоровые женщины, как и здоровые мужчины, более мотивированны и испытывают меньше проблем в межличностных отношениях. Из всей выборки им в наименьшей степени свойственны демобилизация, чувство опасности и чувство вины. Для здоровых женщин не характерно чувство одиночества и беспомощности, однако они чаще, чем мужчины, чувствуют отсутствие влияния.

Выраженность невротических черт личности исследовалась также с помощью методики «Невротические черты личности». Данная методика направлена на выявление эмоционально-аффективных и социально-психологических свойств личности, также связанных с развитием невротических расстройств [5].

В табл. 2 представлены результаты исследования выраженности невротических черт личности во всех группах испытуемых.

Статистически достоверные различия между группами пациентов и здоровых обнаружены по следующим шкалам ($p < 0,05$): «Неуверенность в себе», «Познавательная и социальная активность», «Интровертированная направленность личности», «Социальная неадаптивность», «Симуляция».

В группе мужчин — больных с невротическими расстройствами показатели шкал «Неуверенность в себе», «Познавательная и социальная активность»,

Таблица 2. Средние значения показателей выраженности невротических черт личности в исследованных группах по результатам методики «Невротические черты личности»

Шкала	Мужчины		Женщины		Дост. разл. 1-2 и 3-4
	Больные 1	Здоровые 2	Больные 3	Здоровые 4	
	N = 22	N = 25	N = 44	N = 54	
Неуверенность в себе	36,68 ± 9,95	21,44 ± 13,32	38,54 ± 14,68	22,79 ± 14,19	p = 0,000
Познавательная и социальная активность	55,45 ± 11,43	42,52 ± 21,36	58,4 ± 12,89	50,77 ± 19,31	p = 0,001
Невротический сверхконтроль	28,31 ± 9,34	33,8 ± 16,31	25,5 ± 7,31	26,01 ± 9,59	p = 0,109
Аффективная неустойчивость	16,04 ± 6,41	15,3 ± 10,15	19,9 ± 8,11	15,11 ± 9,19	p = 0,061
Интровертированная направленность личности	11,63 ± 7,22	9,4 ± 5,2	9,61 ± 6,44	6,7 ± 7,95	p = 0,040
Ипохондричность	32,54 ± 6,3	39,2 ± 61,92	30,93 ± 6,7	26,75 ± 10,6	p = 0,795
Социальная неадаптивность	17,77 ± 9,8	11,12 ± 9,93	11,65 ± 8,02	3,75 ± 8,97	p = 0,000
Симуляция	20,95 ± 3,63	17,44 ± 7,41	22,18 ± 4,8	17,66 ± 8,37	p = 0,001
Диссимуляция	33 ± 6	30,52 ± 7,91	30,18 ± 5,18	27,9 ± 12,04	p = 0,137

«Социальная неадаптивность» располагаются в диапазоне неопределенных значений. С точки зрения авторов методики, это означает, что в настоящее время проблемы, связанные с самопринятием и удовлетворенностью собой, не являются для личности актуальными. Можно предположить, что для этой группы характерны достаточная степень уверенности при принятии решений и осуществлении социальных контактов, уравновешенный эмоциональный фон и рисунок поведения, адекватность самовосприятия (отсутствие как чрезмерно критического отношения к себе, так и переоценки себя). Также выявляются средний уровень интеллектуальной продуктивности и пластичности, умеренный темп ассоциативных реакций, умеренная выраженность познавательных интересов, отсутствие выраженного стремления к поиску различных видов информации; социальное поведение характеризуется умеренным уровнем активности, общительности, предприимчивости, включенности в межличностное взаимодействие и заинтересованности в широких контактах. В группе пациентов-мужчин отсутствуют выраженные признаки нарушений социальной адаптации.

Шкала «Социальной неадаптивности» у здоровых мужчин, так же как у пациентов-мужчин, располагается в диапазоне неопределенных значений. Из этого следует, что в настоящее время отсутствуют выраженные признаки нарушений социальной адаптации.

У здоровых мужчин показатели шкал «Неуверенность в себе» и «Познавательная и социальная активность» отражают высокую степень уверенности в себе, высокий уровень самооценки, способности к самоактуализации, отсутствие проблем

при принятии решений, стремление к самостоятельности и доминированию в социальных отношениях, способность к принятию ответственности и достижению цели. Здоровые мужчины характеризуются высоким уровнем интеллектуальной продуктивности и познавательных интересов, восприимчивостью к новому, пластичностью, способностью к быстрому принятию решений; а в сфере социальных отношений — уверенностью, хорошими коммуникативными навыками и организаторскими способностями, а также стремлением к разнообразию контактов и видов деятельности и эмоциональной включенностью.

В группе пациентов-женщин выявлена сходная картина, что указывает на общность в проявлении невротических черт и отсутствии выраженных половых различий в группе пациентов.

Особо следует отметить результаты исследования по шкале «Интровертированная направленность личности». Значения показателей всех групп (пациенты и здоровые, мужчины и женщины) расположились в зоне неопределенных значений. Следовательно, вся выборка характеризуется умеренным уровнем социальной активности, общительности и конформности, отсутствием значительных затруднений при реализации социальных контактов, умеренной потребностью в понимании и поддержке со стороны окружающих, возможностью доверительных отношений с относительно широким кругом лиц и естественными проявлениями эмоций в поведении.

Сопоставление результатов по двум методикам («Опросник невротической личности KON-2006» и «Невротические черты личности») позволяет предположить, что методика «KON-2006» обнаруживает большую (в сравнении с методикой «Невротические черты личности») чувствительность к психологическим проявлениям невротического спектра, поскольку выявляет значительно больше различий между пациентами с невротическими расстройствами и здоровыми.

Социальная неудовлетворенность

В табл. 3 представлены результаты исследования уровня социальной фрустрированности в четырех группах.

Данные, представленные в табл. 3, свидетельствуют, что достоверные различия между группами больных и здоровых обнаружены ($p < 0,05$) по показателям «Умственное напряжение», «Постоянное общение с людьми» и показателю общего уровня социальной удовлетворенности или фрустрированности (УСФ-1).

Анализ полученных данных позволяет утверждать, что в исследованных группах социальная фрустрированность отчетливо не декларируется (подавляющее большинство респондентов при оценке различных сфер своей жизни выбирают утверждение «скорее удовлетворен»). Исключением является группа женщин с невротическими расстройствами: среднее значение показателя УСФ-1 находится в зоне неопределенных значений, что может указывать на наименьшую степень удовлетворенности опрошенных различными аспектами своей жизни в сравнении с тремя другими группами.

Обращают на себя внимание результаты, полученные по шкалам «Умственное напряжение» и «Постоянное общение с людьми», по которым обнаружены достоверные различия между больными и здоровыми как в группе мужчин, так

Таблица 3. Средние значения показателей социальной фрустрированности в исследованных группах (методика «Уровень социальной фрустрированности» (УСФ))

Шкала	Мужчины		Женщины		Дост. разл. 1-2 и 3-4
	Больные	Здоровые	Больные	Здоровые	
	1	2	3	4	
	N = 22	N = 25	N = 44	N = 54	
Работа связана с повышенным физическим напряжением	1,59 ± 0,56	1,76 ± 0,72	1,29 ± 0,5	1,2 ± 0,4	p = 0,690
Эмоциональное напряжение	1,59 ± 0,59	1,76 ± 0,72	2,04 ± 0,83	2,05 ± 0,71	p = 0,512
Умственное напряжение	1,54 ± 0,8	2 ± 0,76	2,13 ± 0,85	2,35 ± 0,78	p = 0,020
Ответственное принятие решений	1,72 ± 0,88	1,88 ± 0,78	1,75 ± 0,71	1,88 ± 0,76	p = 0,292
Постоянное общение с людьми	1,81 ± 0,85	2,28 ± 0,84	2,25 ± 0,83	2,59 ± 0,71	p = 0,005
Монотонный характер	1,36 ± 0,65	1,8 ± 0,76	1,65 ± 0,64	1,61 ± 0,68	p = 0,112
Профессиональные вредности	1,68 ± 0,94	1,68 ± 0,65	1,43 ± 0,66	1,29 ± 0,57	p = 0,591
Сложные экологические условия	1,4 ± 0,73	1,44 ± 0,65	1,25 ± 0,57	1,16 ± 0,5	p = 0,804
Сложные климато-географические условия	1,22 ± 0,52	1,12 ± 0,33	1,13 ± 0,4	1,2 ± 0,52	p = 0,810
Профессиональный риск для здоровья и жизни	1,59 ± 0,79	1,6 ± 0,81	1,34 ± 0,56	1,24 ± 0,58	p = 0,698
Условия этносоциального напряжения	1,04 ± 0,21	1,08 ± 0,27	1,04 ± 0,21	1,07 ± 0,26	p = 0,469
УСФ-1	2,41 ± 0,72	1,79 ± 0,42	3,23 ± 2,53	2 ± 0,49	p = 0,001

и в группе женщин. В группах больных мужчин и женщин по сравнению с группами здоровых обоих полов значительно выраженными являются характеристики «Умственное напряжение» и «Потребность общения с людьми», что может свидетельствовать о меньшей потребности пациентов в общении с людьми и снижении их умственной активности. Выявленное снижение уровня общения и умственной активности у пациентов может быть вызвано как их плохим самочувствием, так и являться одной из форм психологической защиты.

Выявление взаимосвязей

Для изучения взаимосвязей невротических черт личности и уровня социальной фрустрированности был применен корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции r-Пирсона.

В группе мужчин-пациентов обнаружены корреляции, позволяющие проследить взаимосвязь невротических черт личности и социальных факторов. К таким взаимосвязям относятся прямые корреляции шкалы «Неуверенность в себе» со шкалами «Познавательная и социальная активность» (0,57 для $p \geq 0,01$) и «Социальная неадаптивность» (0,51 для $p \geq 0,05$). Это может свидетельствовать о том, что неудовлетворенность собой у мужчин-пациентов в большей степени зависит от уровня умственной и социальной активности, а также их познавательных интересов. Слабая выраженность указанных характеристик влечет за собой снижение социальной перцепции, эмпатии, коммуникативных навыков, гибкости и уверенности в процессе межличностного взаимодействия.

Показатель общего уровня удовлетворенности имеет прямые взаимосвязи на уровне $p \geq 0,05$ со шкалами «Симуляция» (0,42) и «Самооценка» (0,47). Это позволяет предположить, что чем ниже уровень удовлетворенности испытуемых, тем больше они стремятся придавать своим действиям социально одобряемый характер, избегать излишней откровенности, смягчать недостатки собственной личности, эмоционально значимые проблемы и трудности социальной адаптации, что также оказывает влияние на самооценку.

«Постоянное общение с людьми» связано у пациентов с «Умственным напряжением» (0,57 для $p \geq 0,001$), которое, в свою очередь, зависит от «Чувства отсутствия влияния» (то есть ощущения, что все решают другие, и пассивности относительно происходящего даже в ущерб себе). «Постоянное общение с людьми» связано также (на уровне $p \geq 0,05$) с «чувством зависимости от окружения» (0,48). На том же уровне обнаружена отрицательная связь «Потребности общения с людьми» с «Интровертированной направленностью личности» (-0,43). Полученные взаимосвязи отражают негативное влияние замкнутости и ограничения внешних контактов и связей на качество межличностного взаимодействия и удовлетворенность им. Такой уход от контактов, вероятно, помогает пациентам снизить умственное напряжение и ощущение зависимости от происходящего вокруг. Для здоровых мужчин характерно отсутствие «чувства усталости» при высоких показателях удовлетворенности социальным функционированием (-0,51 при $p \geq 0,01$ между шкалами УСФ-1 и шкалой «Чувство усталости»).

В группе здоровых мужчин «Неуверенность в себе» связана с астеническими проявлениями (0,46 для $p \geq 0,05$) и «Чувством зависимости от окружения» (0,56 на уровне $p \geq 0,05$). Можно предположить, что «Чувство усталости» (астенические проявления) и чувство необходимости постоянно подстраивать свое мнение и действия под окружающих усиливает неуверенность в себе. Значимая взаимосвязь обнаружена между показателями шкал «Постоянное общение с людьми» и «Умственное напряжение» (0,77 при $p \geq 0,001$). Показатель шкалы «Умственное напряжение» значимо коррелирует с показателем шкалы «Чувство вины» (0,40 при $p \geq 0,05$), взаимосвязанным с показателем шкалы «Симуляция» (0,39 при $p \geq 0,05$), а тот, в свою очередь, — со шкалой «Проблемы в межличностных отношениях» (0,48 при $p \geq 0,05$). Таким образом, можно предположить, что проблемы в отношениях с окружающей средой вызывают у мужчин чувство вины, что, в свою очередь, стимулирует поиск способов разрешения сложной ситуации.

В группе здоровых мужчин обнаружена отрицательная взаимосвязь ($p \geq 0,05$) между показателями шкалы «Демобилизация» и шкалами «Социальная неадаптив-

ность» (-0,43) и «Познавательная и социальная активность» (0,41), что позволяет предположить, что демобилизация (то есть потеря надежды на будущее и успех, опасения перед новыми вызовами и ситуациями, быстрая утомляемость, недовольство собою) оказывает негативное влияние на выраженность социальной адаптивности. Низкий уровень демобилизации позволяет мужчинам хорошо воспринимать новое, быть пластичными и способными к быстрому принятию решений, а также открыто и уверенно проявлять себя в социальной сфере. На демобилизацию влияет также «Интровертированная направленность личности», однако эта взаимосвязь обратная (-0,4 для $p \geq 0,05$), что позволяет сделать предположение, что замкнутость усиливает признаки демобилизации.

Обнаружены также значимые взаимосвязи между показателями шкал «Демобилизация», «Социальная неадаптивность» и шкалами «Чувство одиночества» (-0,47), «Склонность к мечтанию (эскапизм)» (-0,47), «Чувство опасности» (-0,42) и «Низкая мотивированность» (-0,4). Эти взаимосвязи могут свидетельствовать о том, что уровень социальной адаптивности в данной группе связан с мотивированностью мужчин, отсутствием эскапизма и выраженных переживаний по поводу одиночества, наличием ощущения безопасности и комфорта.

В группе женщин-пациентов наиболее значимые корреляции были обнаружены между шкалами «Умственное напряжение» и «Постоянное общение с людьми» (0,4). Так же, как и в мужской выборке, это может подтверждать, что тенденция к замкнутости и ограничению внешних связей отражается на контактах с людьми, поскольку увеличение контактов вызывает тревогу и чувство опасности (0,31 для $p \geq 0,05$).

Показатель шкалы «Социальная неадаптивность» обнаруживает значимую отрицательную взаимосвязь со шкалами «Чувство отсутствия влияния» (-0,47) и «Чувство зависимости от окружения» (-0,48). Эта взаимосвязь позволяет предположить, что усиление социальной неадаптивности у женщин-пациенток может быть связано с их восприятием себя как зависимых, подстраивающихся под других, уступчивых, не умеющих отказывать, зависящих от мнения других людей, их действий, происходящих событий и «высших сил».

В группе женщин с невротическими расстройствами также обнаружена корреляция между шкалами «Познавательная и социальная активность» и «Чувство беспомощности» (0,47). Можно предположить, что средний уровень интеллектуальной продуктивности и умеренный уровень социальной активности, выявленный в этой группе, не снижает чувства беспомощности.

В группе здоровых женщин наиболее значимые корреляции обнаружены между показателями шкал «Неуверенность в себе», «Познавательная и социальная активность», «Умственное напряжение» и «Социальная неадаптивность». Шкала «Неуверенность в себе» связана со шкалами «Самооценка» (0,46 при $p \geq 0,001$), «Проблемы в межличностных отношениях» (0,048), «Чувство беспомощности» (0,51) и показателем общего уровня социальной фрустрированности — УСФ-1 (0,46). Уверенность в себе у женщин связана с их адекватной самооценкой, что обеспечивает удовлетворенность социальным функционированием, улучшает ситуацию в межличностной сфере и снижает ощущение беспомощности.

Познавательная и социальная активность в группе здоровых женщин напрямую связана с их удовлетворенностью жизнью и уровнем социальной фрустриро-

ванности (0,53 для $p \geq 0,001$). Показатель шкалы «Познавательная и социальная активность» обнаруживает обратные связи с показателями шкал «Астения» (-0,48), «Самооценка» (-0,48), «Экзальтированность поведения» (-0,52), «Низкая мотивированность» (-0,44), «Демобилизация» (-0,36), «Чувство усталости» (-0,5) и «Чувство вины» (-0,61). На уровне $p \geq 0,01$ обнаружены взаимосвязи с показателями шкал «Чувство опасности» (-0,41) и «Чувство отсутствия влияния» (-0,42), а также прямая связь со шкалой «Интровертированная направленность личности» (0,38). Можно предположить, что рост выраженности познавательных интересов и социальной активности снижает выраженность вышеперечисленных характеристик и также способствует более открытому и доверчивому взаимодействию с окружающим миром.

Показатель шкалы «Умственное напряжение» во всех группах, кроме здоровых женщин, положительно связан с показателем шкалы «Постоянное общение с людьми» (0,51 при $p \geq 0,001$). Выявлены также обратные взаимосвязи шкалы «Умственное напряжение» со шкалами «Чувство усталости» (-0,44), «Низкая мотивированность» (-0,48), «Демобилизация» (-0,36), «Самооценка» (-0,37), которая отражает излишнюю критичность по отношению к себе. Умственное напряжение, по-видимому, сопровождающее интенсивное общение с людьми, способствует снижению выраженности таких чувств, как усталость и утомляемость, опасения перед новыми вызовами и ситуациями, неуверенность в успехе и страх перед будущим.

Социальная неадаптивность здоровых женщин связана напрямую ($p \geq 0,01$) с такими характеристиками, как «Низкая мотивированность» (0,36), «Чувство опасности» (0,35), «Чувство зависимости от окружения» (0,35) и «Чувство беспомощности» (0,41).

Обсуждение результатов

На основании проведенного корреляционного анализа была выявлена взаимосвязь невротических черт личности и характеристик, описывающих социальную фрустрированность. В зависимости от принадлежности к одной из исследованных групп изменяется сила этих взаимосвязей, однако можно выделить общие взаимосвязи, стабильно прослеживаемые во всех группах. Можно предположить, что данные взаимосвязи отражают устойчивое влияние таких характеристик, как «познавательная и социальная активность», «умственное напряжение», «постоянное общение с людьми», «неуверенность в себе», на качество социального функционирования и удовлетворенность им.

Результаты исследования свидетельствуют, что мужчины с невротическими расстройствами характеризуются прежде всего уходом от социальной и интеллектуальной активности, что может быть обусловлено наличием астенических проявлений и различных опасений, связанных с межличностным функционированием. В свою очередь, женщины с невротическими расстройствами в значительно большей степени сохраняют «социальную и умственную активность», однако их активность сопровождается большей выраженностью характеристик невротического регистра, которые значительно снижают уровень их удовлетворенности жизнью. Исходя из этого, можно предположить, что для мужчин сфера социальной и умственной активности и успешность в ней являются чрезвычайно значимыми,

поэтому даже потенциальная неуспешность (связанная в том числе и с заболеванием) является дополнительным источником напряжения, приводит к усилению социальной фрустрированности и усугубляет неудовлетворенность собой и весь комплекс невротических переживаний. Для женщин сферы социальной и умственной активности являются в большей степени ресурсными и помогают справиться с болезнью.

Проведенное исследование позволило выделить наиболее значимые признаки невротизации личности, описываемые использованными методиками.

В качестве значимых признаков невротизации личности, наличия невротических личностных особенностей и личностных предикторов развития клинически оформленных невротических расстройств могут рассматриваться такие характеристики, как низкая самооценка, чувство вины, чувство беспомощности и одиночества, повышенное чувство опасности, низкая мотивированность, астенические проявления, неуверенность в себе и недовольство собою, быстрая утомляемость и чувство усталости, проблемы в межличностных отношениях, чувство зависимости от окружения, чувство отсутствия влияния, чувство зависти, экзальтированность поведения; интровертированная направленность личности, неуверенность в будущем, неверие в успех, опасения перед новыми вызовами и ситуациями, низкая познавательная и социальная активность, социальная неадаптивность, симуляция (стремление подчеркнуть недостатки собственной личности, эмоционально насыщенные проблемы и трудности социальной адаптации). Однако результаты исследования показывают, что ряд этих особенностей, хотя и выражен в значительно меньшей степени, характерен и для группы здоровых. Поэтому в процессе психологической диагностики, с нашей точки зрения, следует прежде всего ориентироваться на общий показатель невротизации личности X-KON, который надежно дифференцирует здоровых и пациентов с невротическими расстройствами.

Литература

1. Карвасарский Б. Д. Неврозы. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Медицина, 1990. 576 с.
2. Святоц А. М. Неврозы. Руководство для врачей. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер Паблишинг, 1997. 448 с.
3. Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самоосуществление / пер. с англ. Е. И. Замфир / под ред. проф. М. М. Решетникова. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа и Б.С.К., 1997. URL: psylib.org.ua (дата обращения: 06.05.2014).
4. Aleksandrowicz J. W. Zaburzenia nerwicowe zaburzenia osobowości i zachowania dorosłych (według ICD-10): psychopatologia: diagnostyka, leczenie. Wyd. 3 popr. i zmien. Kraków: Wydaw. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2002, 276 str.
5. Мясичев В. Н. Психология отношений: избр. психол. тр. / под ред. А. А. Бодалева; Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2004. 398 с.
6. Роджерс К. О становлении личностью. Психотерапия глазами психотерапевта / под ред. Е. И. Исениной К.: PSYLIB, 2004. URL: psylib.org.ua (дата обращения: 06.05.2014).
7. Франкл В. Э. Страдания от бессмысленности жизни. Актуальная психотерапия / пер. с англ. С. С. Панкова. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2011. 105 с.
8. Абабков В. А., Исурин Г. Л., Мизинова Е. Б. Учение о неврозах: учеб. пособие. СПб.: СПбГУ, 2012. 175 с.
9. Kępiński A. Psychopatologia nerwic. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2014. 342 str.
10. Исурин Г. Л. Механизмы психологической коррекции личности в процессе групповой психотерапии в свете концепции отношений. Групповая психотерапия / под ред. Б. Д. Карвасарского и С. Ледера. М.: Медицина, 1990. С. 89–120.
11. Карвасарский Б. Д. Клиническая психология. СПб.: Питер, 2004. 553 с.

12. Aleksandrowicz J. W., Klasa K., Sobanski J. A., Stolarska D. Neurotic Personality Questionnaire KON-2006. Krakow: Editorial Publishing Committee of Polish Psychiatric Society, 2006. 72 s.

13. Вассерман Л. И., Иовлев Б. В., Щелкова О. Ю., Червинская К. Р. Психологическая диагностика невротических черт личности: Методические рекомендации. СПб.: НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2003. 29 с.

14. Вассерман Л. И., Щелкова О. Ю. Психологическая диагностика расстройств эмоциональной сферы и личности: Коллект. моногр. СПб.: Скифия-принт, 2014. 408 с.

Для цитирования: Тромбчиньски П. К. Взаимосвязь невротических черт личности и уровня социальной фрустрированности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 3. С. 126–139. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.311

References

1. Karvasarskii B. D. *Nevrozy. 2-e izd., pererab. i dop* [Neurosis. 2-nd ed]. Moscow, Medicine, 1990. 576 p. (In Russian)

2. Sviadoshch A. M. *Nevrozy. Rukovodstvo dlia vrachei. 4-e izd., pererab. i dop.* [Neuroses. Guidelines for doctors. 4-th ed.]. St. Petersburg, Piter Publishing, 1997. 448 p. (In Russian)

3. Khorni K. *Nevroz i lichnostnyi rost. Bor'ba za samoosushchestvlenie* [Neurosis and personal growth. The struggle for self-fulfillment]. Trans. from English by E.I. Zamfir, ed. by prof. M.M. Reshetnikov. St. Petersburg, The East European Institute of Psychoanalysis and B.S.K., 1997. Available at: psylib.org.ua. (accessed 06.05.2014).

4. Aleksandrowicz J. W. Zaburzenia nerwicowe zaburzenia osobowosci i zachowania doroslych (według ICD-10): psychopatologia: diagnostyka, leczenie. Wyd. 3 popr. i zmien. Kraków, Wydaw. Uniw. Jagiellońskiego, 2002, 276 str.

5. Miasishchev V. N. *Psikhologiya otnoshenii: Izbr. psikhol. tr. / V. N. Miasishchev* [Psychology of relations]. Ed. by A. A. Bodalev. Moscow, MPSI Publ., Voronezh, NPO "MODEK" Publ., 2004, 398 p. (In Russian)

6. Rodzhers K. *O stanovlenii lichnost'iu. Psikhoterapiia glazami psikhoterapevta* [On Becoming a Person: A Therapist's View of Psychotherapy]. Ed. by E. I. Isenina. Kiev, PSYLIB, 2004. Available at: psylib.org.ua (accessed 06.05.2014).

7. Frankl V. E. *Stradaniia ot bessmyslennosti zhizni. Aktual'naia psikhoterapiia* [The suffering from the meaninglessness of life. Current therapy]. Transl. from English by S. Pankov. Novosibirsk, Sib. univ. Publishing House, 2011. 105 p. (In Russian)

8. Ababkov V. A., Isurina G. L., Mizinova E. B. *Uchenie o nevrozakh: Uchebnoe posobie* [The doctrine of neurosis: the manual]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2012. 175 p. (In Russian)

9. Kepiński A. *Psychopatologia nerwic*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2014. 342 str.

10. Isurina G. L. *Mekhanizmy psikhologicheskoi korrektsii lichnosti v protsesse gruppovoi psikhoterapii v svete kontseptsii otnoshenii. Gruppovaia psikhoterapiia* [Mechanisms of psychological correction of personality in the process of group psychotherapy in the light of the concept of relations]. Eds B. D. Karvasarsky, S. Leder. Moscow, Medicine, 1990. P. 89–120. (In Russian)

11. Karvasarskii B. D. *Klinicheskaiia psikhologiya* [Clinical Psychology]. St. Petersburg, Publishing house Piter, 2004. 553 p. (In Russian)

12. Aleksandrowicz J. W., Klasa K., Sobanski J. A., Stolarska D. Neurotic Personality Questionnaire KON-2006. Krakow, Editorial Publishing Committee of Polish Psychiatric Society, 2006. 72 p.

13. Vasserman L. I., Iovlev B. V., Shchelkova O. Iu., Chervinskaia K. R. *Psikhologicheskaiia diagnostika nevroticheskikh chert lichnosti: Metodicheskie rekomendatsii* [Psychological diagnostics of neurotic personality traits: Guidelines]. St. Petersburg, NIPNI im. V. M. Bekhtereva Publ., 2003. 29 p. (In Russian)

14. Vasserman L. I., Shchelkova O. Iu. *Psikhologicheskaiia diagnostika rasstroistv emotsional'noi sfery i lichnosti: Kollekt. monogr* [Psychological diagnosis of disorders of the emotional sphere and personality: Collective. monograph]. St. Petersburg, Skifia-print, 2014. 408 p.

For citation: Trabczynski P. K. Interrelation of neurotic personality traits and the level of social frustration. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, 2016, issue 3, pp. 126–139. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.311

Статья поступила в редакцию 29 апреля 2016 г.

Г. А. Вартамян

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СУДИТЬ ИЛИ ЛЕЧИТЬ?

Статья посвящена проблемам, связанным с выбором методов принудительного воздействия на лиц, совершивших преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних. Автор обращает особое внимание на существующее в настоящее время рассогласование медицинских и юридических нормативов в определении педофилии и ответственности за сексуальные преступления в отношении малолетних, совершенных несовершеннолетними. В статье на примерах обоснована необходимость применения единых подходов в медицинской и юридической практике. Библиогр. 20 назв.

Ключевые слова: сексуальные преступления, педофилия, несовершеннолетние преступники, сексуальная агрессия, аномалии сексуального поведения.

G. A. Vartanyan

SEXUAL CRIMES AGAINST CHILDREN: TO JUDGE OR TO TREAT?

This paper is devoted to problems related to the choice of methods of coercion on persons convicted of sexual assault against children. The author pays special attention to the current misalignment of medical and legal standards in the definition of pedophilia and responsibility for sexual crimes against minors committed by juveniles. The paper presents the medical and legal norms that must be aligned by use of examples. Refs 20.

Keywords: sexual crimes, pedophile, juvenile offenders, sexual aggression, anomalies of sexual behavior.

Преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних, особенно допубертатного и раннепубертатного возраста, уже давно привлекают внимание специалистов разных областей — психиатров, психологов, криминологов, сексологов и других. Проводимые исследования посвящены психофизиологическим и нейропсихологическим, психологическим и личностным особенностям преступников, чей сексуальный интерес направлен и реализован в отношении детей. Отдельное внимание исследователей уделяется и криминологической оценке подобных деяний, на основе которой выдвигаются предложения и рекомендации по борьбе с преступностью и ее профилактикой.

Однако, несмотря на изобилие научных исследований, до сих пор остаются открытыми и актуальными некоторые вопросы, связанные с выбором методов принудительного воздействия на лиц, совершивших преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних: что следует использовать — принудительные меры медицинского характера (методы коррекции, лечения сексуального интереса) или меры, связанные с наступлением уголовной ответственности

Вартамян Гаянэ Аршалуисовна — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; g.a.vartanyan@gmail.com

Vartanyan Gayane A. — postgraduate student, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; g.a.vartanyan@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

за совершенное деяние? Попробуем разобраться в существующей коллизии и обосновать свою позицию по данному вопросу.

Насильственные преступления сексуального характера в отношении допубертатных и раннепубертатных детей совершаются как педофилами, так и в результате действия различных детерминант поведения преступника. Например, в случае «...утери возрастной дифференциации объекта сексуального влечения под влиянием интоксикационных воздействий (простая и атипичные формы опьянения). Возможно формирование сексуальных педофильных импульсов и в случаях тяжелых психических расстройств, обуславливающих неспособность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими», — как отмечает в информационном письме «Судебно-психиатрическая экспертиза по определению расстройств сексуальных предпочтений» А. А. Ткаченко [1, с. 6].

Чтобы рассмотреть возможные варианты наступления ответственности за насильственные преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних, обратимся прежде всего к понятию «педофилия». На сегодняшний день существуют различные подходы к данному феномену. Рассмотрим две наиболее признанные классификации психических патологий — Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders American Psychiatric Association (Руководство по диагностике и статистике психических расстройств Американской психиатрической ассоциации; далее — DSM APA) и International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems (Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем, используемая в странах — членах Всемирной организации здравоохранения, в том числе и в Российской Федерации; далее — МКБ). Так, согласно DSM-V, педофильный сексуальный интерес сам по себе не является психическим расстройством, если он оценивается у лица не младше 16 лет на основании наличия у него не меньше 6 месяцев интенсивных сексуальных побуждений и фантазий, связанных с вовлечением в сексуальную активность допубертатных детей. Тем не менее, если лицо страдает из-за своих особенностей или причиняет вред другим людям, ему может быть поставлен диагноз «педофильное расстройство», при постановке которого направленность сексуального интереса субъекта на своих или на чужих детей значения не имеет [2].

Отметим, однако, что далеко не все североамериканские исследователи относят педофилию к психическому расстройству. В частности, американский психиатр Ричард Грин в своей статье «Is pedophilia a mental disorder?» выражает сомнения по поводу соответствия педофилии психическому расстройству, отмечая, что такое поведение считалось нормой во многих древних культурах [3]. Сексолог Чарльз Аллен Мозер призывает APA вообще удалить категорию «парафилии» из DSM. Однако в отличие от Грина он считает, что сексуальная связь между взрослым и ребенком является преступлением и отсутствие педофилии как диагностической категории позволит судебной системе сконцентрироваться на криминальном аспекте действия и не даст преступнику возможности оправдаться страданием от психического расстройства. Компромиссом между двумя точками зрения стало решение рабочей подгруппы по парафилиям, руководителем которой являлся Рей Блэнчард. Группа предложила категорию «парафильное расстройство» и признала парафилии состояниями, не требующими психиатрического вмешательства, пока они не причиняют никому вреда [2].

По мнению канадского сексолога Майкла Сето, педофилия — это сексуальная ориентация, а не психическое расстройство. В своей статье «Is pedophilia a sexual orientation?» (2012) он предложил концептуализировать педофилию как сексуальную ориентацию не по гендеру объекта, а по его возрасту. Свою точку зрения он обосновывает особенностями времени формирования и устойчивости педофилии и сексуальной ориентации по гендеру — в обоих случаях формирование происходит в подростковом возрасте и носит устойчивый характер. Исходя из этого, он предлагает сместить акцент терапии с попыток переориентации, во многом безуспешных, на увеличение самоконтроля с одновременной помощью пациенту в принятии его сексуальной ориентации [4].

Согласно официальной версии МКБ-10, ВОЗ и адаптированной русской версии МКБ-10, рекомендуемой для диагностики психических расстройств в экспертных и лечебных учреждениях [5], диагноз «педофилия» может быть поставлен при соблюдении ряда условий, а именно:

1. У лица должны быть необычные сексуальные побуждения и фантазии (G1).
2. Сексуальные побуждения и фантазии причиняют лицу дистресс, и лицо действует в соответствии с ними (G2).

Помимо названных выше общих критериев, для постановки диагноза «педофилия» требуется соответствие и особому критерию в части F65.4. Согласно данному критерию, у лица должно быть сексуальное предпочтение допубертатных или раннепубертатных детей, а разница между ним и объектом полового влечения должна составлять не менее 5 лет [6].

В исследовательской версии МКБ-10, кроме того, находят свое отражение и временной критерий, привнесенный из DSM-IV, и примечания, касающиеся того, с какого возраста следует диагностировать педофилию. Согласно им, сексуальные побуждения и фантазии лица должны характеризоваться длительностью не меньше 6 месяцев, а само лицо должно быть не младше 16 лет. Однако, как отмечают специалисты, в исключительных клинических случаях может быть диагностирована педофилия без учета критериев исследовательской версии. К ним относятся, например, случаи формирования педофилии в 14–15-летнем возрасте.

Относительно классификации педофилии как психического расстройства важно отметить, что ее вариантов в МКБ-10 нет.

Таким образом, согласно обеим названным выше классификациям, лицо с сексуальным интересом к детям может быть признано психически больным, если оно своими действиями реализует свои половые побуждения либо страдает из-за этих действий. Главная разница между классификациями в том, что к педофилии по МКБ-10 отнесен и сексуальный интерес к раннепубертатным детям.

Важно отметить также, что ряд ученых рассматривает педофилию не только как психическое расстройство, но и как педофильное поведение, которое носит замещающий характер и рассматривается в случаях, когда из-за невозможности или неспособности лица вступить в отношения со взрослым сексуальным партнером по причине постоянных фрустраций, лицо обращается к детям как к сексуальному объекту [7].

Для полноты картины следует отметить также, что в Chinese Classification of Mental Disorders (Китайская классификация психических расстройств китайского общества психиатров; CCMD) диагноза «педофилия» нет вообще, что, по мнению

некоторых ученых, является косвенным подтверждением влияния культурных факторов на психиатрическую классификацию [8].

Не является универсальным, но в то же время и не является взаимоисключающим взгляд в науке на этиологию и патогенез педофилии с точки зрения различных клинических концепций.

Так, американский сексолог Джон Мани для описания сексуальных предпочтений человека ввел термин «карта любви» — уникальный для каждого человека образ идеального полового партнера и оптимальной сексуальной активности с ним, жестко запечатленный в головном мозге. По мнению Мани, критическим периодом в формировании «карты любви» является возраст от пяти до восьми лет, особое значение в котором имеют детские сексуальные игры. Пропуск игр ведет к разрушению карты любви, которое проявляется в нарушении психосексуального развития, приводящем к парафилии и атипичным сексуальным предпочтениям при повзрослении. Однако Мани не отрицал и влияния пережитого физического, эмоционального, сексуального и других злоупотреблений. По мнению Мани, в разрушенную карту любви включены необычные элементы, существующие в обществе вне сексуального контекста (преклонение перед талисманами, искупление греха и пр.).

Педофилия, по мнению российского психиатра А. О. Бухановского, является частным случаем болезни зависимого поведения, рядоположенного с такими зависимостями, как патологический гэмблинг, интернет-зависимость и т. д. Обосновывает данный феномен А. О. Бухановский механизмом образования и развития любой нехимической зависимости, в основе которого лежит возникновение и наличие генератора патологически усиленного возбуждения (спонтанно активирующиеся гиперреактивные нейроны), являющегося ядром патологической системы [9].

Однако данную теорию подвергает сомнению другой российский психиатр — А. А. Ткаченко, который сомневается в наличии генератора патологически усиленного возбуждения в мозге парафиликов [10].

По мнению Джин Д. Абель и Норы Харлоу, «педофилия — это расстройство, которое формируется с ранних лет. Человек с такого рода расстройством начинает приставать к младшим с раннего возраста. Более чем 40 % начинают это делать, не достигнув 15-ти лет, и большинство — в возрасте до 20-ти лет» [11].

Целый ряд исследователей одной из основных причин формирования педофилии видит патологию ЦНС. В частности, исследование Рея Блэнчарда позволило выявить следующую зависимость: частотность возникновения педофилии возрастает в несколько раз, если лицо в возрасте до 13 лет подвергалось черепно-мозговым травмам. Известно, что черепно-мозговые травмы могут вызвать проявления гипо- и гиперсексуальности, по мнению Блэнчарда, они могут привести и к парафилиям [12].

По мнению российских ученых, органическое поражение мозга, чаще всего пренатальное, является первопричиной педофилии и других парафилий. В частности, А. А. Ткаченко экспериментальным путем установил нарушение половой идентичности у всех парафиликов, поскольку при парафилиях поражаются мозговые системы, ответственные за формирование базовой идентичности. В результате чего у человека нарушается последующий психосексуальный онтогенез, состоящий из формирования половой идентичности, полоролевого поведения и психосексуальной ориентации [13].

Таким образом, несмотря на многообразие концепций и трудов, посвященных изучению феномена педофилии, большинство исследователей придерживаются мнения, что педофилия является психическим расстройством, нуждающимся в лечении. Среди современных методов лечения педофилии выделяют медикаментозное лечение (психофармакотерапия, гормональная терапия) и психотерапевтические методы (когнитивно-поведенческая терапия, психоанализ, поведенческая терапия, группы самоподдержки и т. д.). Как отмечают врачи, лечение педофилии должно быть комплексным, например медикаментозное лечение в совокупности с поведенческой терапией.

По действующему Уголовному кодексу Российской Федерации (далее — УК РФ) уголовная ответственность, в том числе за насильственные преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетнего, наступает с 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ) [14]. При этом, согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее — УПК РФ), выполнение ряда процессуальных действий, и в том числе судебно-психиатрическая экспертиза, для установления экспертным путем наличия или отсутствия расстройства сексуального предпочтения (педофилии) у лица, совершившего преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста 14 лет, потребуется только для лиц, оказавшихся на момент совершения преступления не младше 18 лет (ч. 3.1 ст. 196 УПК РФ) [15]. Кроме того, в примечании 2 к ст. 134 УК РФ («Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста») указывается, что в этом случае разница между ним и потерпевшей (потерпевшим) должна составлять не менее четырех лет. Разъяснения об этом даны и в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [16].

Согласно УК РФ данному лицу может быть назначено принудительное лечение, а в соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации (далее — УИК РФ) — не позднее 6 месяцев до истечения срока отбывания наказания или для условно-досрочного освобождения (далее — УДО), а также замены неотбытой части наказания более мягким видом обязательно должно быть предложено прохождение медицинского освидетельствования [17].

Рассмотрим каждое процессуальное действие по порядку. К лицу не младше 18 лет, совершившему сексуальное преступление, будет применена ч. 3.1 ст. 196 УПК РФ, то есть назначена судебно-психиатрическая экспертиза. Как отмечает в своем информационном письме А. А. Ткаченко [1], при производстве судебно-психиатрической экспертизы варианты экспертного решения могут быть следующими.

Первый вариант. Диагноз «педофилия» лицу не поставлен. В таком случае лицо не подлежит принудительному лечению, предусмотренному п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ и п. «а» ч. 1 ст. 99 УК РФ, несмотря на совершенное сексуальное преступление в отношении потерпевшего, не достигшего 14 лет, поскольку отсутствие болезни исключает саму возможность принудительного медицинского лечения.

Второй вариант. У лица диагностирована педофилия, однако вместе с данным диагнозом лицо также страдает тяжелым психическим расстройством, несовместимым с уголовной ответственностью и (или) наказанием (в соответствии

со ст.ст. 21 или 81 УК РФ). В таком случае к лицу применимы принудительные меры медицинского характера, предусмотренные п.п. «а» и «б» ч. 1 ст. 97 УК РФ и ч. 1 ст. 99 УК РФ. Стоит отметить, что в данном случае принудительные меры медицинского характера применяются в «обычном» порядке по правилам главы 51 УПК РФ без ссылки и применения п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ.

Третий вариант. Лицу поставлен диагноз «педофилия», наряду с которым обнаружено психическое расстройство, не исключающее вменяемости, но лишившее лицо во время совершения инкриминируемого ему деяния способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими (в соответствии с ч. 1 ст. 22 УК РФ). В таком случае к лицу одновременно применимы принудительные меры медицинского характера, предусмотренные п.п. «в» и «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ и п. «а» ч. 1 ст. 99 УК РФ.

Четвертый вариант. У лица диагностировано расстройство сексуального предпочтения в форме педофилии, не исключающее вменяемости, а другие психические расстройства, имеющие юридически релевантное значение, отсутствуют. В данном случае лицо подлежит амбулаторному принудительному наблюдению и лечению у психиатра.

Эксперты в своем заключении по результатам судебно-психиатрической экспертизы указывают диагноз, а также вывод о необходимости применения к лицу принудительных мер медицинского характера в виде амбулаторного наблюдения и лечения у психиатра в соответствии с п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ и п. «а» ч. 1 ст. 99 УК РФ. Если суд согласен с заключением экспертов, то при вынесении обвинительного приговора он назначает рекомендуемое экспертами принудительное медицинское лечение [1].

Кроме того, после вступления приговора суда в законную силу и смены лицом процессуального статуса действующим законодательством предусмотрен еще ряд процессуальных действий. Согласно ч. 4.1 ст. 79 УК РФ и ч. 4 ст. 80 УК РФ, могут быть рассмотрены ходатайства осужденного об УДО либо ходатайство осужденного или представления администрации учреждения или органа, исполняющего наказание, о замене осужденному неотбытой части наказания более мягким видом наказания. При этом суд учитывает применение к осужденному принудительных мер медицинского характера, его отношение к лечению и результаты судебно-психиатрической экспертизы. Целью экспертного исследования является вопрос о необходимости применения принудительного лечения лица после отбытия им наказания, а также в период УДО или в период отбывания более мягкого наказания. Эксперты в своем заключении указывают диагноз — наличие или отсутствие расстройства сексуального предпочтения в форме педофилии, а также наличие или отсутствие необходимости применения к осужденному после отбытия им наказания амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра в соответствии с п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ и п. «а» ч. 1 ст. 99 УК РФ.

К лицу младше 18 лет, совершившему сексуальное преступление в отношении малолетнего, как мы уже отмечали, будет применена только мера уголовной ответственности в соответствии со статьями особенной части УК РФ (глава 18 УК РФ).

А теперь попытаемся все вышесказанное проиллюстрировать примерами для наглядности.

По п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ — изнасилование потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста, совершены два не связанных между собой преступления — гражданином А, 18-ти лет, и гражданином Б, 17-ти лет. Руководствуясь действующим законодательством, к гражданину А будет применена ч. 3.1. ст. 196 УПК РФ — назначена судебно-психиатрическая экспертиза ввиду необходимости установить его психическое состояние для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии). Предположим, по заключению судебно-психиатрической экспертизы данный диагноз лицу поставлен. Исходя из этого, суд, руководствуясь п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, помимо наказания в виде лишения свободы, назначит также амбулаторное принудительное наблюдение и лечение данного лица у психиатра, согласно п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ.

Также в соответствии с ч. 4 ст. 18 УИК РФ не позднее 6 месяцев до истечения срока отбывания наказания или ходатайства об УДО или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания осужденному обязательно должно быть предложено прохождение медицинского освидетельствования комиссией врачей-психиатров для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии) и определения мер медицинского характера, направленных на улучшение его психического состояния, предупреждение совершения им новых преступлений и проведение соответствующего лечения.

К гражданину Б подобные процессуальные действия не применяются, поскольку на момент совершения преступления он не достиг возраста 18 лет. Следовательно, гражданин Б понесет уголовную ответственность без медицинского лечения. Тем не менее, руководствуясь действующей МКБ 10-го пересмотра, врач-психиатр и гражданину Б может поставить диагноз «педофилия» при наличии у него такового. А это означает, что гражданина А в соответствии с действующим законодательством могут принудительно лечить, а гражданина Б — нет, несмотря на наличие у него заболевания.

Между тем значимость именно лечения расстройства сексуального предпочтения в форме педофилии очевидна как для улучшения психического состояния самого лица, так и для предупреждения совершения им новых преступлений. Так, эффективность лечения педофилов, совершивших преступления, различается в зависимости от возраста лица. Поскольку научный интерес для нас представляют сведения, связанные с несовершеннолетними педофилами, приведем данные об эффективности лечения именно этой категории лиц. Согласно информации, опубликованной Ассоциацией Нью-Джерси по лечению лиц, совершивших преступления сексуального характера, частота случаев рецидива у несовершеннолетних оценивается в диапазоне от 1,7% до 19,6%. При этом у несовершеннолетних, прошедших исправительное лечение, отмечается снижение уровня рецидива преступлений сексуального характера в отношении детей на 72%. И это притом что на успешность исправительного лечения несовершеннолетних преступников оказывает влияние множество факторов, таких как антисоциальные установки, склонность к девиантному сексуальному поведению, интеллектуальные и физические отклонения, личная история пережитого сексуального насилия, возможный отрицательный исход лечения [18].

О необходимости распознавания у подростков педофилии и ее лечения на ранней стадии пишет также директор немецкого Института сексологии и сексуальной медицины Майкл Байер. Многие российские специалисты придерживаются этого же мнения [19].

Науке и практике на сегодняшний день довольно мало известно о динамике педофильного влечения в течение жизни человека, как и об эротической пластичности человека в целом. Однако также установлено, что в течение жизни у человека с расстройством сексуального предпочтения в форме педофилии могут меняться его отношение к болезни, способность ее контролировать, способность к эмпатии, уровень социальной адаптации, когнитивные искажения. Поэтому мы считаем, что даже при невозможности излечения от педофилии возможна успешная социальная интеграция человека и минимизация риска совершения им сексуального правонарушения при правильно подобранной терапии.

В пользу доводов о необходимости назначения судебно-психиатрической экспертизы для решения вопроса о наличии или об отсутствии у лица расстройства сексуального предпочтения в форме педофилии с более раннего возраста, чем регламентировано нынешним законодательством, и как следствие принудительного медицинского лечения, говорят процессы начала проявления и течения педофилии. Так, в немецком исследовании 2015 г. приводятся данные о возрастных особенностях проявления педофилии, в частности, выявлен разброс начала проявления этого расстройства от 6 до 44 лет, при этом средний возраст начала проявления составляет 17 лет. Кроме того, исследование выявило следующую корреляцию: чем раньше начинает проявляться педофилия, тем более она устойчива в течение жизни [20].

Таким образом, необходимость приведения к единообразию медицинской и юридической баз для достижения общей цели — предотвращения рецидивных и новых преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности несовершеннолетних — не вызывает сомнения. По нашему мнению, требуется совершенствование именно юридического законодательства с целью согласования медицинского и юридического критериев при правоприменении к лицам, страдающим педофилией и совершившим сексуальное насилие над несовершеннолетними допубертатного и раннепубертатного возраста. Изменения, которые должны быть внесены в нормативно-правовую базу, с одной стороны, будут направлены на приведение к единым с медицинскими нормативными документами показателям в отношении совершаемых педофилами деяний и их природы. С другой стороны, позволят устранить пробелы в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве в части определения меры уголовной ответственности и порядка уголовного судопроизводства за преступления, совершаемые против половой неприкосновенности и половой свободы личности в отношении несовершеннолетних.

Литература

1. Ткаченко А.А., Шишков С.Н. Судебно-психиатрическая экспертиза по определению расстройств сексуальных предпочтений в свете Федерального закона от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера,

совершенные в отношении несовершеннолетних»: Информационное письмо. М.: ФГБУ ГНЦССП им. В. П. Сербского Минздрава России, 2012. 10 с.

2. American Psychiatric Association Paraphilia Disorders // Diagnostic and statistical manual of mental disorders. 5 edition. Washington, DC: American Psychiatric Publishing, 2013. 991 p.

3. Green R. Is pedophilia a mental disorder? // Archives of sexual behavior. Dec. 2002. Vol. 31 (6). P. 467–471.

4. Seto M. Is pedophilia a sexual orientation? // Archives of Sexual Behavior. Feb., 2012. Vol. 41 (1). P. 231–236.

5. Психические расстройства и расстройства поведения (F00-F99) (Класс V МКБ-10, адаптированный для использования в РФ) / под ред. Б. А. Казаковцева, В. Б. Голланда. М.: Прометей (Московский государственный педагогический университет), 2013. 584 с.

6. World Health Organization the ICD — 10 Classification of Mental and Behavioural Disorders: diagnostic criteria for research. Geneva: World Health Organization, 1993. P. 160–170.

7. Ткаченко А. А. Границы сексуальной нормы и современные классификации нарушений психо-сексуальных ориентаций. Аномальное сексуальное поведение / под ред. А. А. Ткаченко, Г. Е. Введенского. М.: ГНЦССП им. В. П. Сербского, 1997. Гл. 1. 426 с.

8. Janssen D. F. “Paraphilia”: Acultural or Anti-Anthropological? // Sexual Offender Treatment. 2014. Vol. 9 (2). P. 1–13.

9. Андреев А. С., Бухановская О. А., Бухановский А. О., Дони Е. В., Ковалев А. И., Перехов А. Я. Болезнь зависимого поведения: клиническая картина, механизмы криминогенности и виктимности, судебно-психиатрический подход // Матер. III междунар. науч. конф. «Серийные убийства и социальная агрессия» (18–21 сентября 2001 г.). Ростов-н/Д.: Изд-во лечеб.-реабилитационного центра «Феникс», 2001. С. 252–262.

10. Ткаченко А. А. Патобиологические предпосылки девиантной сексуальности // Сексуальные извращения-парафилии / под ред. А. А. Ткаченко. М.: Триада-Х, 1999. С. 304–461.

11. Абель Дж. Д., Харлоу Н. Исследование по предотвращению детского растления // Выдержки из книги «Остановить детское растление». URL: http://www.survivorsresource.com/joomla/index.php?option=com_content&view=article&id=17:-q-&catid=4:2009-08-22-08-45-18&Itemid=6 (дата обращения: 13.03.2016).

12. Blanchard R., Christensen B. K., Strong S. M., Cantor J. M., Kuban M. E., Klassen P., Dickey R., Blak T. Retrospective Self-Reports of Childhood Accidents Causing Unconsciousness in Phallometrically Diagnosed Pedophiles // Archives of Sexual Behavior. Dec. 2002. Vol. 31 (6). P. 26–511.

13. Введенский Г. Е., Пережогин Л. О., Ткаченко А. А. Аномальное сексуальное поведение / под ред. А. А. Ткаченко, Г. Е. Введенского. М.: ГНЦССП им. В. П. Сербского, 1997. 426 с.

14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (в ред. от 30.03.2016 № 78-ФЗ, с изм. от 16.07.2015 № 22-П). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=201181> (дата обращения: 10.03.2016).

15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (в ред. от 30.03.2016 № 78-ФЗ, с изм. от 25.02.2016 № 6-П). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=201165> (дата обращения: 11.03.2016).

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/ (дата обращения: 14.03.2016).

17. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 года № 1-ФЗ (в ред. от 28.11.2015 № 358-ФЗ). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=184288> (дата обращения: 12.03.2016).

18. Worling J. R., Curwen T., Adolescent sexual offender recidivism: success of specialized treatment and implications for risk prediction // Child Abuse Negl. 2000 Jul. Vol. 24 (7). P. 965–982.

19. Beier K. M., Loewit K. K. The Spectrum of Sexual Disorders // Sexual Medicine in Clinical Practice. New York, NY: Springer, 2013 P. 52–55.

20. Tozdan S., Briken P. The Earlier, the Worse? Age of Onset of Sexual Interest in Children // The Journal of Sexual Medicine. 2015, Jul. Vol. 12 (7). P. 1602–1608.

Для цитирования: Вартамян Г. А. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности несовершеннолетних: судить или лечить? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 3. С. 140–150.

DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.312

References

1. Tkachenko A. A., Shishkov S. N. *Sudebno-psikhiatricheskaja ekspertiza po opredeleniiu rasstrojstv seksual'nykh predpochtenii v svete Federal'nogo zakona ot 29.02.2012 № 14-FZ «O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossijskoi Federatsii i otdeľnye zakonodatel'nye akty Rossijskoi Federatsii v tseliakh usilenia otvetstvennosti za prestupleniia seksual'nogo kharaktera, sovershennye v otnoshenii nesovershennoletnikh»: Informatsionnoe pis'mo [Forensic psychiatric expert examination to determine disorders of sexual preference in the light of the Federal law dated 29.02.2012 N14-FL "On amendments to the criminal code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation in order to strengthen responsibility for crimes of a sexual nature committed against minors": an Information letter]. Moscow, FSI SRCFP named after V.P.Serb'sky the Ministry of health and social development of Russia Publ., 2012. 10 p. (In Russian)*
2. American Psychiatric Association Paraphilia Disorders. *Diagnostic and statistical manual of mental disorders. 5 edition*. Washington, DC, American Psychiatric Publishing, 2013. 991 p.
3. Green R. Is pedophilia a mental disorder? *Archives of sexual behavior*, 2002, vol.31 (6). Dec, pp. 467–471.
4. Seto M. Is pedophilia a sexual orientation? *Archives of Sexual Behavior*, 2012, Feb, vol.41 (1), pp. 231–236.
5. *Psikhicheskie rasstrojstva i rasstrojstva povedeniia (F00-F99) (Klass V MKB-10, adaptirovannyi dlia ispol'zovaniia v RF) [Mental disorders and behavioural disorders (F00-F99) (Class V of ICD-10 adapted for use in Russia)]*. Eds B. A. Kazakovtsev, V. B. Holland. Moscow, Prometheus (Moscow state pedagogical University) Publ., 2013. 584 p. (In Russian)
6. *World Health Organization the ICD — 10 Classification of Mental and Behavioural Disorders: diagnostic criteria for research*. Geneva, World Health Organization Publ., 1993, pp. 160–170.
7. Tkachenko A. A. *Granitsy seksual'noi normy i sovremennye klassifikatsii narushenii psikhoseksual'nykh orientatsii. Anomal'noe seksual'noe povedenie [The boundaries of sexual norms and of the modern classification of disorders of psychosexual orientations. Abnormal sexual behavior]*. Eds A. A. Tkachenko, G. E. Vvedenskiy. Chapter 1. Moscow, FSI SRCFP named after V. P. Serb'sky Publ., 1997. 426 p. (In Russian)
8. Janssen D. F. "Paraphilia": Acultural or Anti-Anthropological? *Sexual Offender Treatment*, 2014, vol. 9 (2), pp. 1–13.
9. Andreev A. S., Bukhanovskaia O. A., Bukhanovskii A. O., Doni E. V., Kovalev A. I., Perekhov A. Ia. *Bolezni' zavisimogo povedeniia: klinicheskaja kartina, mekhanizmy kriminogenosti i viktimnosti, sudebno-psikhiatricheskii podkhod [The disease is dependent behavior: the clinical picture, the mechanisms of criminality and victimization, the forensic approach]. Materialy III mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Serijnye ubiistva i sotsial'naia agressiia» (18–21 sentiabria 2001 g.) [Materials of 3rd international scientific conference "Serial murders and social aggression" (18–21 of september, 2001)]*. Rostov-on-Don, Publishing house of Medical rehabilitation center "Phoenix", 2001, p. 252–262. (In Russian)
10. Tkachenko A. A. *Patobiologicheskie predposylki deviantnoi seksual'nosti // Seksual'nye izvrazhcheniia-parafilii [Pathobiological background of deviant sexuality // Sexual perversion-of paraphilia]*. Ed. by A. A. Tkachenko. Moscow, Triada-X Publ., 1999, pp. 304–461. (In Russian)
11. Abel' Dzh. D., Kharlou N. *Issledovanie po predotvrazhcheniiu detskogo rastleniia [Study on the prevention of child sexual abuse]. Vyderzhki iz knigi «Ostanovit' detskoe rastlenie» [Excerpts from the book "Stop child molesting"]*. Available at: http://www.survivorsresource.com/joomla/index.php?option=com_content&view=article&id=17:-q-&catid=4:2009-08-22-08-45-18&Itemid=6 (accessed 13.03.2016). (In Russian)
12. Blanchard R., Christensen B. K., Strong S. M., Cantor J. M., Kuban M. E., Klassen P., Dickey R., Blak T. *Retrospective Self-Reports of Childhood Accidents Causing Unconsciousness in Phallmetrically Diagnosed Pedophiles. Archives of Sexual Behavior*, Dec. 2002, vol. 31 (6), pp. 26–511.
13. Vvedenskii G. E., Perezhogin L. O., Tkachenko A. A. *Anomal'noe seksual'noe povedenie [The abnormal sexual behavior]*. Eds A. A. Tkachenko, G. E. Vvedenskiy. Moscow, SRCFP named after V. P. Serb'sky Publ., 1997. 426 p. (In Russian)
14. *Ugolovnyi kodeks Rossijskoi Federatsii ot 13 iunija 1996 goda № 63-FZ (v red. ot 30.03.2016 № 78-FZ, s izm. ot 16.07.2015 № 22-P) [Criminal code of the Russian Federation of 13 June 1996 № 63-FL (as amended on 30.03.2016 № 78-FL, as amended from 16.07.2015 № 22-P)]*. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=201181> (accessed 10.03.2016). (In Russian)
15. *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossijskoi Federatsii ot 18 dekabria 2001 goda № 174-FZ (v red. ot 30.03.2016 № 78-FZ, s izm. ot 25.02.2016 № 6-P) [Criminal procedure code of the Russian Federation of the 18th of december 2001, № 174-FL (as amended on 30.03.2016 № 78-FL, as amended. from 25.02.2016*

№ 6-P)] Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=201165> (accessed 11.03.2016). (In Russian)

16. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 04.12.2014 № 16 «O sudebnoi praktike po delam o prestupleniakh protiv polovoi neprikosновенности i polovoi svobody lichnosti»* [The resolution of Plenum of the Supreme Court of 04.12.2014 N16 "About court practice on cases on crimes against sexual inviolability and sexual freedom of person"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/ (accessed 14.03.2016). (In Russian)

17. *Ugolovno-ispolnitel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 8 ianvaria 1997 goda № 1-FZ (v red. ot 28.11.2015 № 358-FZ)* [Criminal Executive code of the Russian Federation of the 8th of January 1997 № 1-FL (ed. from 28.11.2015 № 358-FL)]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=184288> (accessed 12.03.2016). (In Russian)

18. Worling J. R., Curwen T. Adolescent sexual offender recidivism: success of specialized treatment and implications for risk prediction. *Child Abuse Negl.*, 2000 Jul., vol. 24 (7), pp. 965–982.

19. Beier K. M., Loewit K. K. The Spectrum of Sexual Disorders. *Sexual Medicine in Clinical Practice*. New York, NY, Springer, 2013, pp. 52–55.

20. Tozdan S., Briken P. The Earlier, the Worse? Age of Onset of Sexual Interest in Children. *The Journal of Sexual Medicine*, 2015, Jul., vol. 12 (7), pp. 1602–1608.

For citation: Vartanyan G. A. Sexual crimes against children: to judge or to treat? *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, 2016, issue 3, pp. 140–150.

DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.312

Статья поступила в редакцию 12 мая 2016 г.

XX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ XXI ВЕКА: РОССИЙСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ НАУКИ»

УДК 159.922.74

А. Ю. Уланова

МОДЕЛЬ ПСИХИЧЕСКОГО И ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕЧЕВЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ У ДЕТЕЙ 4–6 ЛЕТ*

В статье представлены результаты исследования модели психического как ментальной основы процесса конструирования и передачи информации в ходе коммуникации. Для проведения исследования разработаны методические задачи и способы оценки коммуникативных сообщений. Анализ по различным параметрам информационного конструирования был проведен на материале более 150 высказываний дошкольников о событиях разного содержания: ментальной, физической причинности и юмористическом событии. Результаты демонстрируют согласованность в развитии понимания психического и информативности пересказов, а также некоторых особенностей конструирования нарративов. Библиогр. 14 назв. Ил. 3.

Ключевые слова: модель психического, коммуникативная успешность, нарративный метод, информативность сообщений.

A. Yu. Ulanova

THEORY OF MIND AND FEATURES OF CREATING DISCOURSE IN CHILDREN FROM 4 TO 6 YEARS

The article presents the results of a study of the Theory of Mind as a mental basis of the process of creating narrations during communication. Methodical tasks and methods of evaluation were constructed to describe communication messages. Analysis of various information parameters of narrations was carried out on basis of more than 150 retellings of preschool children about events relating different content: events of mental and physical causality and humorous events. The results demonstrate the consistency in development of mental understanding and informative retellings as well as some features in the construction of narratives. Refs 14. Figs 3.

Keywords: Theory of mind; communicative success; narrative discourse; the information content of messages.

Уланова Анна Юрьевна — кандидат психологических наук, младший научный сотрудник, Институт психологии РАН, Российская Федерация, 129366, Москва, Ярославская ул., 13, корп. 1; rachugina@gmail.com

Ulanova Anna Yu. — PhD, Researcher, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 13, corp. 1, Yaroslavskaia ul., Moscow, 129366, Russian Federation; rachugina@gmail.com

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект 14-06-00025а.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

Современные исследования в области психолингвистики описывают взаимообусловленное развитие языка и метакогнитивных способностей [1, 2]. Постулируется необходимость в репрезентациях когнитивного состояния собеседника для возможности участия, разделения общего знания о предмете и предвидения результата коммуникации [3].

Все более востребованным в изучении вопросов когнитивного и социального познания становится нарративный метод [4, 5]. Анализ нарративов делает возможным изучение прагматических факторов языка в отношении той роли, которую играет процесс распознавания ментальных состояний в предсказании и объяснении поведения людей. В исследованиях детского общения данный метод широко используется с целью изучения способности выстраивать высказывание в соответствии с точкой зрения другого человека [6]. Так, в работах Д. Гирбау показана необходимость адресации сообщений, ориентированных на партнера и роль этого процесса в решении совместных задач [7]. На выборке типично развивающихся детей была экспериментально показана связь между пониманием ложных убеждений, речевыми и описательными способностями (narrative discourse) у детей 6–8 лет [8]. Стоит отметить, что фокус работ в основном направлен на описание социальных навыков, необходимых для взаимодействия детей.

Данная работа продолжает традицию изучения ментальных основ детской коммуникации методом анализа нарративных способностей и является частью более масштабного диссертационного исследования, посвященного изучению роли понимания психического мира в становлении коммуникативной успешности детей дошкольного возраста [9]. Мы предполагаем, что модель психического, как система знаний о собственных психических состояниях и психических состояниях другого, является внутренним механизмом, позволяющим учитывать позицию слушателя в коммуникации [10]. Данное исследование ставит задачей изучение не одного, а нескольких аспектов понимания психического мира, а также проведение разных форм анализа высказываний. Кроме того, исследуемый возрастной период позволяет рассмотреть самые ранние этапы формирования модели психического и способностей к монологической речи.

По нашему предположению выделение причинности в описании событий, необходимое для понимания события реципиентом, и другие информационные характеристики сообщения основаны на способности к приписыванию независимых ментальных состояний себе и другим. **Целью** данного исследования является выявление особенностей конструирования нарративов детьми в период 4–6 лет и их связь с уровнем развития модели психического.

Участники и методы исследования

В исследовании приняли участие 50 детей, посещающих детские сады Москвы, двух возрастных групп — 4 года и 6 лет (по 25 детей в каждой группе).

Экспериментальные задачи были организованы в два блока.

Первый блок методик был направлен на оценку модели психического (ряда когнитивных характеристик понимания собственного психического мира и психического мира других). В первую очередь были использованы модификации задач на понимание ложных убеждений, демонстрирующие способность детей отделить

свой ментальный опыт от опыта Другого и понять ошибочность чужого мнения: задача «Sally&Ann» [11] и «Неожиданное содержимое» [12].

Для анализа понимания детьми четырех основных эмоций (радость, грусть, страх, гнев) детям была предложена задача «Распознавание эмоций по лицевой экспрессии на фотографиях» [13].

Задача «Понимание намерений» включала оценку побуждений персонажей по их внешним проявлениям в поведении (детям предъявлялись картинки с изображением людей, которые держат в руках разные предметы, затем задавался вопрос: «Как ты думаешь, что собирается делать этот человек?») [13].

Для изучения способности к дифференциации и объяснению движений различных объектов в исследовании была использована авторская задача «Понимание отличий причин движения физических и социальных объектов», где ребенку предъявлялись пять изображений живых и неживых объектов, стоящих перед горкой, и далее следовали вопросы: «Как ты думаешь, кто может сам забраться на горку?» и «Почему?» [13].

Для оценки понимания психического мира в социально-коммуникативном контексте событий была разработана методическая задача «Понимание юмора», включающая детские анекдоты с игрой слов (например, «Мама, а крапива кусается?» — «Да». — «А как она лает?»), а с помощью вопросов уточнялись собственная оценка комичности и понимание рассогласования, заложенного в истории [14].

В методических задачах «Понимание ментальной и физической причинности событий» испытуемому предъявлялись начало и исход разных событий, ему было необходимо установить причинно-следственные связи в процессе взаимодействия ментальных агентов и движения физических объектов [9].

Кроме того, была произведена оценка общего показателя модели психического на основании расчета коэффициента альфа Кронбаха.

Второй блок исследования был направлен на оценку нарративных способностей детей. Экспериментальным полем была выбрана ситуация пересказа историй слушателю. В качестве материала для пересказа выступали ситуации о ментальных, физических и юмористических событиях, в общей сложности 10 историй. Участнику предъявлялась история с пропущенным элементом (пример истории о ментальной причинности события: «Котенок сидит рядом со шляпой» и «Шляпа двигается, мальчики убегают от нее»; пример истории о физической причинности события: «Воздушный шарик приближается к веткам дерева» и «Шарик лопнул»). Для описания юмористических событий были использованы анекдоты из задачи «Понимание юмора». Ребенку необходимо было восстановить причинно-следственную связь события и пересказать его партнеру. Процесс описания предполагает необходимость творческого осмысления и обработки информации, однако в данной экспериментальной модели диагностическую ценность представляла именно возможность дополнить исходный текст в пересказе другому ребенку, учитывая его уровень знаний.

При обработке пересказов ключевым параметром оценки было понимание агентом позиции слушателя и учет этого в своем рассказе (прагматический фактор коммуникации). Нами было выделено несколько аспектов содержательного анализа:

- **Информативность текста** (информация должна быть передана полностью, с указанием фактов, недоступных слушателю без пояснения).

- **Смысловая развернутость описания** (включение в описание микротем и подробностей, дающих более точное представление о событии).
- **Авторские изменения** в пересказе исходного текста.
- Выбор **структуры текста** (смыслопорождение) на примере юмористического события.

Все пересказы были записаны на диктофон для перевода в протоколы и дальнейшей обработки методом экспертной оценки.

Результаты исследования и их обсуждение

Развитие модели психического. Согласно полученным результатам уровень модели психического у детей 4-х и 6-ти лет достоверно различается (понимание ложных убеждений $\phi = 2,701$, при $p \leq 0,01$). При оценке согласованности развития отдельных аспектов модели психического была обнаружена схожая возрастная динамика и корреляционные связи, что демонстрирует взаимообусловленность становления отдельных способностей к пониманию психического мира. Коэффициент внутренней надежности альфа Кронбаха, рассчитанный для семи отдельных методик на модель психического, составил 0,72, при этом наибольшим количеством связей обладают методики на понимание ложных убеждений, эмоций и юмора.

Нарративные способности детей. Выделив несколько уровней информативности сообщений (информация передана недостаточно, частично, полностью, полностью с указанием причинности), мы получили результаты, демонстрирующие рост успешности в данном речевом аспекте у детей в период 4–6 лет (рис. 1).

Большая часть шестилетних детей передавала информацию полностью, с указанием всех смысловых звеньев события, более половины включали в описания каузальный принцип. Указание причины описываемого события не было специальной задачей, поставленной экспериментатором, однако придавало тексту смысловую целостность. Оценка данного параметра позволила выделить детей, которые описывали ментальные и физические атрибуты, объясняющие события не толь-

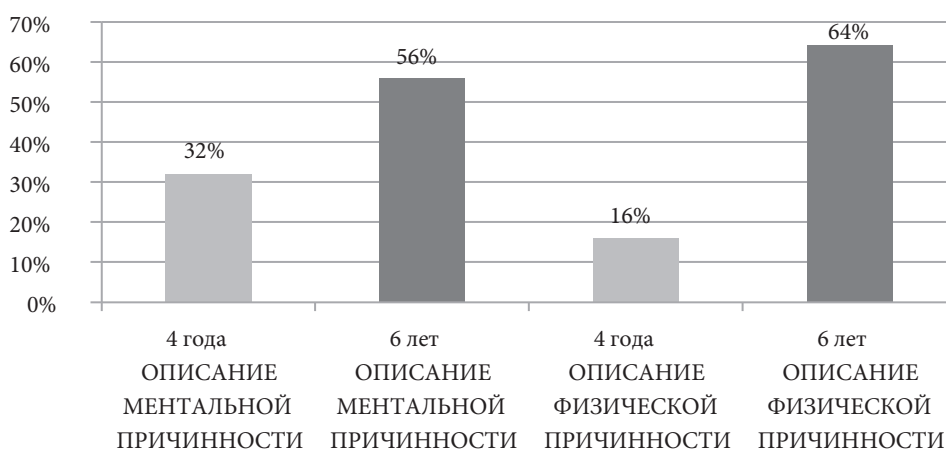

Рис. 1. Распределение числа детей, успешных в описании событий о ментальной и физической причинности (в %)

ко фактологически (что при лингвистической оценке уже является достаточным), но с указанием их внутренних причин. В то же время около половины четырехлетних участников не могли сформировать информативный текст, объясняющий событие. В таком случае пересказ мог представлять собой дословное или близкое повторение инструкции экспериментатора, но при отсутствии центрального смыслового звена информативность такой формы описания для слушателя является недостаточной.

Для проверки основной гипотезы исследования показатели информативности сообщений сопоставлялись с развитием модели психического. Были выявлены различия в успешности пересказов между группами с низким и высоким уровнем модели психического ($U = 69,5$, при $p = 0,04$ при пересказе ментальной и $U = 71$, при $p = 0,03$ при пересказе физической задачи). Корреляционный анализ показал, что понимание ложных убеждений достоверно связано с информативностью пересказов на высоком уровне значимости ($r = 0,46$, $p = 0,005$ при пересказе ментального и $r = 0,47$, $p = 0,004$ при пересказе физического события). Способность к разделению психического себя и другого, оцениваемая данным тестом, считается ключевой в становлении модели психического и, по полученным в исследовании данным, наиболее сильно связана с возможностью передавать сообщения, ориентированные на собеседника. Корреляционные взаимосвязи с общим показателем модели психического были зафиксированы на уровне тенденции ($r = 0,24$, при $p = 0,09$ — при пересказе ментального события; $r = 0,28$, при $p = 0,04$ — при пересказе физического события). Кроме того, была обнаружена значимая корреляция между знаниями участников о ментальной причинности событий с пересказами задач о ментальном событии ($r = 0,48$, $p = 0,005$), что, по нашему мнению, демонстрирует не только роль понимания материала для его описания, но и роль способности к установлению причинно-следственных связей для решения коммуникативных задач.

Для анализа **смысловой развернутости** сообщений были выделены четыре типа пересказов, описывающие разную степень детализации текста (рис. 2, 3).

Пересказы детей четырех лет отличались меньшей развернутостью ($\varphi = 3,57$, при $p \leq 0,01$ — для ментальной задачи и $\varphi = 4,158$, при $p \leq 0,01$ — для физической задачи). В группе детей шести лет большинство описывали сюжет детально, включая в пересказ уточняющие подробности и сюжетные примечания. Пересказы физического события по сравнению с ментальным были менее развернуты в обеих возрастных группах ($\varphi = 2,235$, при $p \leq 0,05$).

Анализ творческих изменений исходного текста позволил выявить несколько групп характеристик, используемых детьми для расширения описания:

- ментальные состояния, указывающие на причину поведения («подумал», «не знал»);
- ментальные состояния, указывающие на реакцию персонажа («разозлилась», «удивился»);
- объяснение мотива персонажа («котенок захотел поиграть со шляпой», «мальчик старался не разбить чашку, но разбил»);
- события, указывающие на причину физического события («ветер подул, и шар скатился», «камень кто-то толкнул»);
- описание физических характеристик объектов («камень покотился быстро, потом еще быстрее», «ветки были острые»);

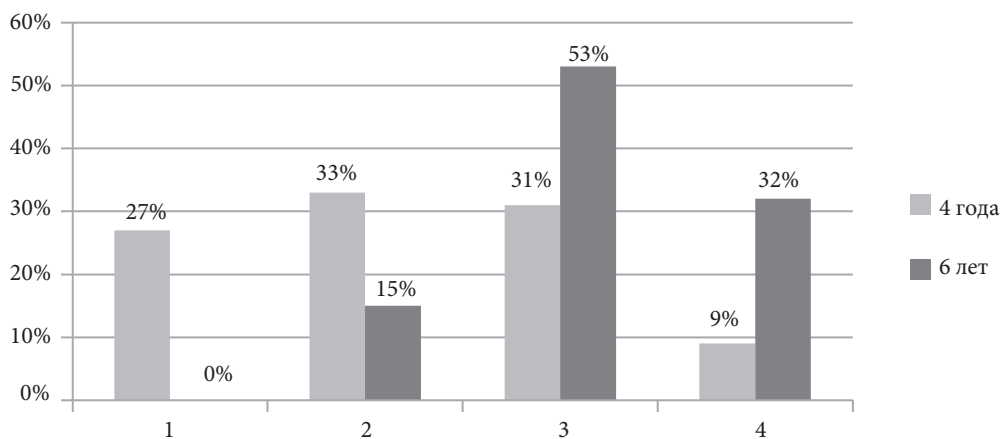

Рис. 2. Распределение числа детей с разной степенью развернутости сообщения о ментальной причинности событий (в %)

- Примечания: 1 — смысловая цепочка воспроизведена фрагментарно или нарушена;
 2 — короткий пересказ, содержащий только основные смысловые звенья;
 3 — пересказ развернут, содержит уточняющие детали;
 4 — пересказ содержит авторские добавления к исходному сюжету.

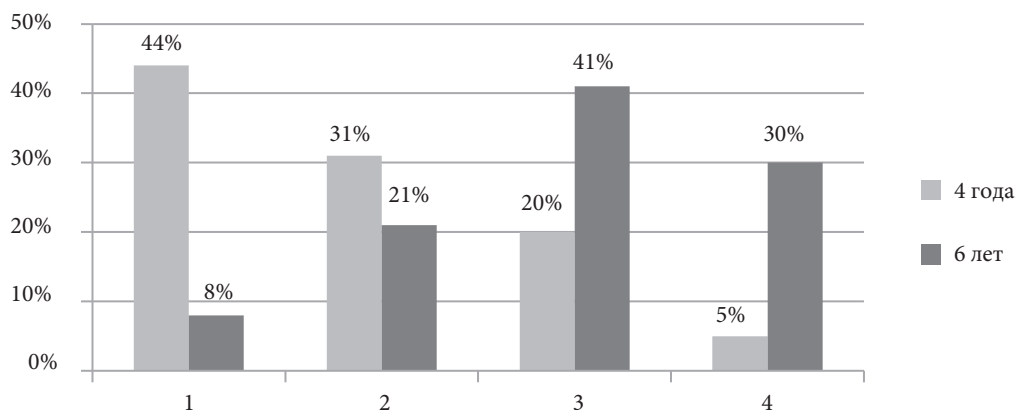

Рис. 3. Распределение числа детей с разной степенью развернутости сообщения о физической причинности событий (в %)

- Примечания: 1 — смысловая цепочка воспроизведена фрагментарно или нарушена;
 2 — короткий пересказ, содержащий только основные смысловые звенья;
 3 — пересказ развернут, содержит уточняющие детали;
 4 — пересказ содержит авторские добавления к исходному сюжету.

- предыстория («мальчик Степа сам смастерил удочку и начал рыбачить», «девочка купила яйца и положила одно на стол»);
- продолжение истории («потом мама наругала кота и выгнала», «потом камень утонул»).

Анализ описания юмористического события проводился отдельно, так как процедура эксперимента предполагала наличие только одной иллюстрации события и диалогическую структуру текста инструкции (например, «Мама, а крапива

кусается?» — «Да». — «А как она лает?»). Ранее было показано, что понимание событий для описания связано с уровнем модели психического участников и предполагает понимание социально-коммуникативного контекста событий [14]. Так же, как и в случае описания ментальных и физических событий, была выявлена тенденция к дополнению исходной структуры текста — объяснением причины комического (например, «Мама, а крапива кусается?» — «Да». — «А она лает?» — «Она не лает, это же не собака»). Данный результат продемонстрировали 36 % четырехлетних и 44 % шестилетних участников. Вопрос смыслопорождения при описании юмора касается не только понимания ментальности партнера, но и социальных правил подачи информации такого рода. Интересным является вопрос о сохранении комического содержания в случае разъяснения или, напротив, способности его удержать.

Заключение

Результаты проведенного исследования демонстрируют существенное изменение нарративных способностей детей в период 4–6 лет. Анализ параметров информативности и смысловой развернутости описаний детей позволил выявить достоверные возрастные различия, которые проявляются в повышении смысловой целостности и последовательном изложении событий, недоступных слушателю без пояснения. В подтверждение гипотезы исследования были обнаружены корреляции между развитием модели психического и информативностью пересказов, что говорит о необходимости понимания различий представлений о предмете у себя и собеседника для наиболее полной передачи информации. Использование разных по содержанию событий для описания позволило выявить некоторые особенности в конструировании нарративов: характер авторских изменений текста, включающих указание причинности, ментальных и физических атрибутов события, социально-коммуникативные условия смыслопорождения текста.

Литература

1. *Breheny R.* Communication and folk psychology // *Mind & Language*. 2006. Vol. 21, N 1. P. 74–107.
2. *Черниговская Т. В.* Если зеркало будет смотреться в зеркало, что оно там увидит? (К вопросу об эволюции языка и сознания) // *Сб. науч. трудов «Когнитивные исследования»*. 2010. № 4. С. 67–89.
3. *Arbib M. A.* Co-Evolution of Human Consciousness and Language // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2001. Vol. 929, N 1. P. 195–220.
4. *Narrative thought and narrative language* / Eds B. K. Britton, A. D. Pellegrini. New York: Psychology Press, 2014. 286 p.
5. *Турушева Ю. Б.* Особенности нарративного подхода как метода изучения идентичности // *Психологические исследования*. 2014. Т. 7, № 33. С. 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.09.2015).
6. *Yule G.* Referential communication tasks. New York: Routledge, 2013. 131 p.
7. *Girbau D.* A sequential analysis of private and social speech in children's dyadic communication // *The Spanish journal of psychology*. 2002. Vol. 5, N 2. P. 110–118.
8. *Charman T., Shmueli-Goetz Y.* The relationship between theory of mind, language and narrative discourse: An experimental study // *Cahiers de Psychologie Cognitive / Current Psychology of Cognition*. 1998. Vol. 17, N 2. P. 245–271.
9. *Уланова А. Ю.* Модель психического как ментальный механизм коммуникативной успешности детей дошкольного возраста: дис. ... канд. психол. наук. М., 2015. 201 с.
10. *Сергиенко Е. А.* Модель психического как парадигма познания социального мира // *Психологические исследования*. 2014. Т. 7, № 36. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 14.05.2015).

11. Wimmer H., Perner J. Beliefs about beliefs: representations and constraining functions of wrong beliefs in young children's understanding of deception // *Cognition*. 1983. 1983. Vol. 13, N 1. P. 103–128.
12. Gopnik A., Astington J. W. Children's understanding of representational change and its relation to the understanding of false belief and appearance-reality distinction // *Child Development*. 1988. Vol. 59. P. 26–37.
13. Лебедева Е. И. Понимание ментального и физического мира детьми с типичным развитием и расстройствами аутистического спектра: дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 249 с.
14. Уланова А. Ю. Ментальная основа понимания юмора детьми 4–6 лет // Материалы международной научной конференции молодых ученых. СПб.: Скифия-принт. 336 с.

Для цитирования: Уланова А. Ю. Модель психического и особенности конструирования речевых высказываний у детей 4–6 лет // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 3. С. 151–158. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.313

References

1. Breheny R. Communication and folk psychology. *Mind & Language*. 2006. Vol. 21, N 1. P. 74–107.
2. Chernigovskaia T. V. Esli zerkalo budet smotret'sia v zerkalo, chto ono tam uvidit? (K voprosu ob evolutsii iazyka i soznaniia) [If the mirror will look in the mirror that it's there? (about the evolution of language and consciousness)]. *Sb. nauch. trudov «Kognitivnye issledovaniia» [Coll. Scien. works "Cognitive research"]*, 2010, no. 4, pp. 67–89. (In Russian)
3. Arbib M. A. Co-Evolution of Human Consciousness and Language. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 2001, vol. 929, no. 1, pp. 195–220.
4. *Narrative thought and narrative language*. Eds B. K. Britton, A. D. Pellegrini. New York, Psychology Press, 2014. 286 p.
5. Turusheva Iu. B. Osobennosti narrativnogo podkhoda kak metoda izucheniia identichnosti [Features of the narrative approach as a method of studying identity]. *Psikhologicheskie issledovaniia [Psychological research]*, 2014, vol. 7, no. 33, p. 6. Available at: <http://psystudy.ru> (In Russian, abstr. in English).
6. Yule G. *Referential communication tasks*. New York, Routledge Publ., 2013. 131 p.
7. Girbau D. A sequential analysis of private and social speech in children's dyadic communication. *The Spanish journal of psychology*, 2002, vol. 5, no. 2, pp. 110–118.
8. Charman T., Shmueli-Goetz Y. The relationship between theory of mind, language and narrative discourse: An experimental study. *Cahiers de Psychologie Cognitive/Current Psychology of Cognition*, 1998, vol. 17, no. 2, pp. 245–271.
9. Ulanova A. Iu. *Model' psikhicheskogo kak mental'nyi mekhanizm kommunikativnoi uspezhnosti detei doskol'nogo vozrasta*. Diss. kand. psikh. nauk [Theory of mind as a mental mechanism of communicative success of pre-school children. Thesis of PhD]. Moscow, 2015. 201 p. (In Russian)
10. Sergienko E. A. Model' psikhicheskogo kak paradigma poznaniia sotsial'nogo mira [Theory of Mind as a paradigm of social cognition]. *Psikhologicheskie issledovaniia [Psychological research]*, 2014, vol. 7, no. 36, p. 6. Available at: <http://psystudy.ru> (In Russian, abstr. in English).
11. Wimmer H., Perner J. Beliefs about beliefs: representations and constraining functions of wrong beliefs in young children's understanding of deception. *Cognition*, 1983, vol. 13, no. 1, pp. 103–128.
12. Gopnik A., Astington J. W. Children's understanding of representational change and its relation to the understanding of false belief and appearance-reality distinction. *Child Development*, 1988, vol. 59, pp. 26–37.
13. Lebedeva E. I. *Ponimanie mental'nogo i fizicheskogo mira det'mi s tipichnym razvitiem i rasstroistvami autisticheskogo spectra*. Diss. kand. psikh. nauk [Understanding the mental and physical world children with typical development and autism spectrum disorders. Thesis of PhD]. Moscow, 2006. 249 p. (In Russian)
14. Ulanova A. Iu. Mental'naia osnova ponimaniia iumora det'mi 4–6 let [Mental basis of understanding humor children 4–6 years]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh [Proceedings of the international scientific conference of young scientists]*. St. Petersburg, Skifia-print. 336 p.

For citation: Ulanova A. Yu. Theory of mind and features of creating discourse in children from 4 to 6 years. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, 2016, issue 3, pp. 151–158. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.313

Статья поступила в редакцию 15 мая 2016 г.

И. И. Знаменская, Ю. И. Александров

ОТНОШЕНИЕ К «ЧУЖИМ» ПРИ СТРЕССЕ РАЗНОГО ГЕНЕЗА

В статье представлены результаты исследования, в рамках которого изучалось отношение к членам аутгрупп («чужим») у людей в состоянии стресса разного генеза и без стресса. Респонденты ($N=86$) решали моральные дилеммы, основанные на конфликте «своего»-агрессора и «чужого»-жертвы. Выявлено, что для людей в состоянии стресса разного генеза характерна регрессия к «детским» стратегиям отношения к «чужим»: «поддерживаю своего, даже если он не прав», а взрослые без стресса придерживаются стратегии «ценность жизни любого существа». Поведение субъекта принципиально не отличается при стрессах разного генеза и характеризуется стрессовой дедифференциацией — увеличением доли низкодифференцированных «древних» систем в обеспечении поведения индивида. Субъективное качество выбора (удовлетворенность выбором, его эмоциональный знак) отличается в разных группах: люди в состоянии специально индуцированного стресса оценивают свой выбор положительно, больше в нем уверены, чем люди без стресса, при этом отличий от людей в ситуационном стрессе неопределенного генеза не обнаружено. Библиогр. 33 назв. Табл. 1.

Ключевые слова: системно-эволюционный подход, системная дедифференциация, стресс, моральный выбор, моральная дилемма, отношение к «чужим».

I. I. Znamenskaya, Yu. I. Alexandrov

DIFFERENT TYPES OF STRESS ALTER MORAL ATTITUDE TOWARDS OUTGROUP MEMBERS

We have examined moral attitudes towards outgroup members of people in different types of stress conditions. Participants ($N=86$) solved moral dilemmas based on aggressor-ingroup member and victim-outgroup member oppositions. The comparison of the present research data with previous ones conducted on children reveals statistically significant regression to early “childish” forms of behavior in moral choice situations, namely the preference by adults for the strategy of supporting an ingroup member even if he acts unfairly. There are no significant differences in behavior of people in different types of stress. Reversible increasing of low-differentiated systems to support behavior (i.e. system dedifferentiation) is common for stressful situation. This work was supported by Russian Science Foundation Grant № 14-28-00229, Institute of Psychology RAS. Refs 33. Table 1.

Keywords: system-evolutionary approach, system dedifferentiation, stress, moral choice, moral dilemma, attitude toward outgroup members.

Отношения человека — это его избирательные связи, и они являются продуктом индивидуального развития [1]. Нравственное отношение ко всему живому, независимо от опыта взаимодействия с ним, понимание ценности жизни любого

Знаменская Ирина Игорьевна — ассоциированный научный сотрудник, Институт психологии РАН, Российская Федерация, 129366, Москва, ул. Ярославская, 13; tirinok@yandex.ru

Александров Юрий Иосифович — доктор психологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.; Институт психологии РАН, Российская Федерация, 129366, Москва, ул. Ярославская, 13;

Znamenskaya Irina I. — Researcher, Institute of Psychology RAS, 13, ul. Yaroslavskaia, Moscow, 129366, Russian Federation; tirinok@yandex.ru

Alexandrov Yuriy I. — Doctor of Psychology, Professor, National Research University Higher School of Economics, 20, ul. Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russian Federation; Institute of Psychology RAS, 13, ul. Yaroslavskaia, Moscow, 129366, Russian Federation;

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00229, Институт психологии РАН).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

существа связаны с высоким уровнем нравственного самосознания, которое и определяет моральный выбор субъекта [2].

С раннего возраста индивид умеет отличать «своих» от «чужих» [3], поскольку это является жизненно необходимой способностью. Дети демонстрируют негативизм по отношению к «чужим» [4], и даже у взрослых, декларирующих толерантность, на бессознательном уровне выявляются предубеждения против членов аут-группы [5]. Однако эти предубеждения могут сознательно корректироваться [6], и при благоприятном взаимодействии с «чужими» довольно быстро может формироваться позитивный аттитюд по отношению к ним [7]. Развитие нравственного отношения к «чужим» связывается исследователями с возрастанием когнитивной сложности взглядов на мир [8, 9].

С позиций системно-эволюционного подхода [10, 11] структура субъективно-го опыта представляет собой совокупность систем разной степени дифференцированности. Системы, сформированные на более ранних этапах онтогенеза, являются относительно менее дифференцированными (см. подробнее о системах разной степени дифференцированности: [10–12]). Становление нравственного отношения к «чужим» рассматривается нами как увеличение доли высококодифференцированных, более поздно формируемых систем в субъективном опыте, поскольку такое отношение является сложным аттитюдом, включающим субъектные и личностные аспекты, такие как ценности, разделяемые человеком нормы, интуиция, предыдущий опыт и др. Таким образом, нравственное отношение к «чужим» понимается нами как аттитюд к членам аутгрупп, сформированный на основе принципа ценности их жизни.

Ранее нами было выявлено, что уже к 5–6 годам дети больше склонны поддерживать «чужих», если они выступают жертвами конфликта, а «свои» — агрессорами, но это проявляется чаще по отношению к «чужим», с которыми был опыт знакомства и взаимодействия (дикие и домашние животные). К гипотетическим и заведомо максимально чуждым существам (инопланетянам) нравственное отношение и, соответственно, стратегия их поддержки в конфликте формируются позднее, только к 10–11 годам, и, как мы считаем, обеспечиваются более дифференцированными системами [13, 14].

В многочисленных исследованиях было выявлено, что стресс влияет на когнитивные процессы [15–18] и, в частности, на моральные суждения [19]. С одной стороны, показано, что они становятся более эгоистичными [19], с другой — существуют данные о том, что поведение в стрессе может быть более альтруистичным [20]. При этом подчеркивается, что «стрессовый альтруизм» распространяется преимущественно на членов ингруппы [21]. Состояние стресса сопровождается повышением эмоциональности [15, 16, 22], «уплощением» мышления [16], избирательным подавлением запоминания [23] и, соответственно, системной дедифференциацией — снижением доли высококодифференцированных систем в обеспечении поведения [12].

Согласно классическим идеям Г. Селье [24], развитым, в частности, в трехкомпонентной теории экстремальных состояний [25, 26], состояние стресса — это неспецифическая перестройка активности организма при воздействии стресс-фактора, то есть поведение индивида принципиально не отличается при стрессах, вызванных разными причинами. С другой стороны, существуют данные, подчер-

квивающие различия в состояниях индивидов, подвергавшихся стресс-факторам разного типа [27].

Целью данной работы является сравнение стратегий выбора в моральных дилеммах, основанных на конфликте «своего»-агрессора и «чужого»-жертвы, у людей, подвергавшихся и не подвергавшихся воздействию стресс-факторов разного генеза, а также сравнение субъективного качества выбора, то есть самооценки принятого решения, у этих групп людей.

Исходя из теоретического анализа и ранее полученных результатов [12–14] были сформулированы *альтернативы исследовательских гипотез*.

Гипотеза 1а. Люди в состоянии стресса разного генеза и без стресса используют разные стратегии при решении моральных дилемм.

Гипотеза 1б. Люди в состоянии стресса разного генеза используют одинаковые стратегии при решении моральных дилемм, отличные от стратегий людей без стресса.

Гипотеза 2а. Субъективное качество выбора в группах в стрессе не отличается, однако отлично от такового у группы без стресса.

Гипотеза 2б. Субъективное качество выбора отличается в группах в стрессе разного генеза.

Методика

Участники исследования — 86 человек (58 женщин) от 22 до 54 лет ($Med = 31$) (таблица).

Половозрастные характеристики групп респондентов

Группа	Возраст (лет)			N	Пол	
	Min	Max	M (Median)		Муж	Жен
СпИнСтресс*	22	38	30 (31)	34	14	20
СитСтресс**	23	46	35 (36)	16	0	16
Без стресса	22	54	32 (30)	36	14	22

Примечание: *Специально индуцированный стресс, **Ситуационный стресс; подробнее см. ниже.

Методики и процедура. Респонденты устно решали моральные дилеммы в беседе с экспериментатором, одновременно играя в компьютерную игру, основанную на теории обнаружения сигнала [28]. Моральные дилеммы представляли собой истории, основанные на конфликте «своего»-агрессора и «чужого»-жертвы (дикое животное, домашнее животное, инопланетяне). В экспериментальной группе (специально индуцированный стресс, «СпИнСтресс») каждое действие в игре сопровождалось негативной обратной связью — восклицаниями диктора («Внимательнее!», «Очень плохо»). В группе сравнения («Без стресса») обратная связь была адекватной: диссонансный аккорд в случае неверного действия, консонансный — в случае верного. Общее время эксперимента составляло 15–25 минут.

Для определения наличия стресса анализировались показатели variability сердечного ритма, зарегистрированные во время эксперимента (см. описание метода: [25]). Слепым методом записи были распределены по двум группам:

в стрессе и без стресса. При сопоставлении этих групп с экспериментальными была выделена третья группа: респонденты, которых специально не стрессировали, но которые по вегетативным показателям были отнесены к группе «В стрессе» (далее эта группа будет обозначаться как «Ситуационный стресс», СитСтресс). Более подробное описание метода см.: [12].

После завершения эксперимента в ходе дебрифинга участникам предлагалось заполнить опросник «Субъективное качество выбора» [29], представляющий собой 16 пар словосочетаний-дихотомий (семантический дифференциал), описывающих процессуальные характеристики выбора и его результат. Шкалы объединяются в четыре фактора: основательность выбора, его эмоциональный знак, самостоятельность выбора, удовлетворенность принятым решением. С помощью опросника изучалось отношение личности к собственному выбору в его динамике.

Статистическая обработка данных производилась с помощью программ SPSS 17, Microsoft Excel 2007. Межгрупповые различия вычислялись с помощью критериев χ^2 для дихотомических шкал, U Манна–Уитни для порядковых шкал. Достоверными считались различия на уровне $p < 0.05$. Для определения размера эффекта использовались коэффициент сопряженности Пирсона C и показатель $r = Z/\sqrt{N}$.

Результаты и обсуждение

1. Анализ предпочитаемых стратегий

При сравнении распределений ответов «за своего» и «за жертву» в дилемме «Инопланетяне» в разных группах выявлены достоверные различия: люди без стресса поддерживают жертву чаще, чем люди из группы «СпИнСтресс» ($\chi^2 = 14,141$, $p < 0,01$, $C = 0,410$) и «СитСтресс» ($\chi^2 = 4,103$, $p < 0,05$, $C = 0,382$). Достоверных различий между группами людей в стрессе разного генеза обнаружено не было ($\chi^2 = 1,688$, $p > 0,05$). Это является свидетельством в пользу гипотезы 1б и соответствует представлениям о том, что стресс разного генеза характеризуется состоянием индивида, имеющим значительный неспецифический в отношении стресс-фактора компонент. При сравнении этих результатов с данными, полученными нами ранее при участии детей 3–11 лет [13, 14], можно констатировать регрессию ответов взрослых в состоянии стресса разного генеза к более ранним стратегиям, характерным для детей: поддержка «своего», даже если он неправ.

Описанные выше различия были обнаружены только для дилеммы «Инопланетяне», в которой нравственное отношение к «чужим» становилось у детей доминирующей стратегией наиболее поздно (к 10–11 годам). По остальным дилеммам (с дикими и домашними животными, становление нравственного отношения к которым происходило раньше, к 5–6 годам) достоверных различий в ответах трех групп не обнаружено. Это соответствует данным о том, что стресс затрагивает не все домены субъективного опыта в одинаковой степени, то есть обратимая дедифференциация особенно выражена в наиболее поздно сформированных доменах опыта.

2. Субъективное качество выбора

При сравнении группы «Без стресса» и «СпИнСтресс» были выявлены достоверные различия по шкале «Эмоциональный знак»: в состоянии стресса люди в большей степени отмечали, что делали выбор «с радостью; безболезненно» и т. п. ($U = 361,500$; $p = 0,015$, $r = 0,3$). Между группами «Без стресса» и «СитСтресс» достоверных различий не обнаружено. Между группами в стрессе разного генеза обнаружены достоверные различия по шкале «Удовлетворенность принятым решением»: люди в стрессе, индуцированном в эксперименте, более уверены в собственном выборе, чаще считают его правильным ($U = 114,500$; $p = 0,009$, $r = 0,38$).

Первое отличие соответствует данным о том, что в стрессе моральные суждения становятся более эгоистичными, а когнитивные процессы в целом становятся «уплощенными», снижается чувствительность к противоречиям. Люди в стрессе принимают решение, исходя из стратегии «свой всегда прав», обрекая на гибель «чужих», однако (парадоксально) оценивают процесс выбора как менее болезненный в сравнении с группой «Без стресса», доминирующей стратегией в которой была поддержка жертв. При этом в сравнении с самооценкой выбора группой людей в состоянии ситуационного стресса достоверных различий не выявлено, хотя таковые были в стратегиях. То есть люди из группы «СитСтресс» принимают решения в пользу «своих», но не испытывают радости по этому поводу. Более того, в сравнении с людьми в экспериментальном стрессе они менее уверены в правильности своего выбора. Более правдоподобной оказалась гипотеза 2б.

Полученные результаты могут быть объяснены спецификой группы «СитСтресс»: все респонденты из этой группы — женщины среднего возраста [30, с. 90], для которых, по данным литературы [31], характерны эмпатия и неутилитарность моральных суждений. Но если сравнивать отдельно женщин из группы «СпИнСтресс» с группой «СитСтресс», различия сохраняются даже с чуть большим размером эффекта ($U = 69,000$, $p = 0,016$, $r = 0,411$), то есть, по-видимому, половые различия не объясняют полученного результата. Возможно, дело в том, что стресс в группе «СитСтресс» был вызван самим фактом участия, то есть для этих людей было важно это мероприятие, и они стремились давать социально желательные ответы, понравиться экспериментатору и сохранить позитивное самоотношение [29, 32] после несправедливого выбора. При низкодифференцированном выборе эта группа выбирала поддержку «своих»-агрессоров, однако давая более дифференцированные моральные оценки и суждения, оправдывая такой выбор, все же подчеркивали недопустимость/нежелательность гибели жертв, хоть они и принадлежат аутгруппе.

Таким образом, хотя закономерности изменения отношения к чужим при стрессе разного генеза характеризуются существенной общностью: регрессия к более ранним формам отношения, но выявляется и определенная специфика субъективной оценки сделанного нравственного выбора, возможно, связанная с особенностями генеза стресса.

Влияние состояния стресса на социальное поведение индивида, несмотря на большое количество работ, остается не до конца изученным [33]. Настоящее исследование вносит вклад в понимание особенностей морального поведения людей в состоянии стресса: при снижении дифференцированности поведения возрастает

роль аутгрупповых предубеждений. Дальнейший анализ данных показал [12], что возрастающая в стрессе аутгрупповая агрессия может снижаться, если просить человека привести развернутые аргументы в пользу «агрессивного» решения или оценить такой поступок с позиций «хорошо–плохо» (то есть актуализировать высокодифференцированные системы). Выявленные в эксперименте закономерности могут быть использованы для разработки мер по снижению аутгрупповой агрессии.

Литература

1. *Мясищев В. Н.* Психология отношений. М.: МПСИ, 2011. 400 с.
2. *Анциферова Л. И.* Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. Т. 20, № 3. С. 5–17.
3. *Hamlin J. K., Wynn K., Bloom P.* Three-month-olds show a negativity bias in their social evaluations // *Developmental science*. 2010. Vol. 13, N 6. P. 923–929.
4. *Hamlin J. K., Mahajan N., Liberman Z., Wynn K.* Not like me = bad: infants prefer those who harm dissimilar others // *Psychological science*. 2013. Vol. 24, № 4. P. 589–594.
5. *Kawakami K., Dunn E., Karmali F., Dovidio J. F.* Mispredicting affective and behavioral responses to racism // *Science*. 2009. Vol. 323, N 5911. P. 276–278.
6. Separable neural components in the processing of black and white faces / *Cunningham W. A., Johnson M. K., Raye C. L., Gatenby J. C., Gore J. C., Banaji M. R.* // *Psychological Science*. 2004. Vol. 15, N 12. P. 806–813.
7. *Hein G., Engelmann J. B., Vollberg M., Tobler P. N.* How learning shapes the empathic brain // *PNAS*. 2016. Vol. 113. P. 80–85.
8. *Знаков В. В.* Когнитивное и аффективное бессознательное в понимании чужого как врага // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология*. 2014. № 1. С. 3–15.
9. *Oppenheimer L.* Are children's views of the "enemy" shaped by highly-publicized negative event? // *International Journal of Behavioral Development*. 2010. Vol. 34, N 4. P. 345–353.
10. *Александров Ю. И., Александрова Н. Л.* Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 320 с.
11. *Швырков В. Б.* Системно-эволюционный подход к изучению мозга, поведения, психики и сознания // *Психологический журнал*. 1988. Т. 9, № 1. С. 132–148.
12. *Знаменская И. И., Марков А. В., Бахчина А. В., Александров Ю. И.* Отношение к «чужим» при стрессе: системная дедифференциация // *Психологический журнал*. 2016. Т. 37, № 4. С. 44–58.
13. *Знаменская И. И., Созинова И. М., Александров Ю. И.* Интуитивные и рациональные компоненты морального выбора у детей 3–11 лет // *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2013. Т. 6, № 2. С. 57–70.
14. *Созинова И. М., Знаменская И. И., Александров Ю. И.* Нравственное отношение к «чужому» у детей 3–11 лет. Решение моральных дилемм: предубеждения и предпочтения // *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2013. Т. 6, № 1. С. 44–57.
15. *Бодров В. А.* Когнитивные процессы и психологический стресс // *Психологический журнал*. 1996. Т. 17, № 4. С. 64–74.
16. *Кутаев-Смык Л. А.* Психология стресса. М.: Наука, 1983. 367 с.
17. *Starcke K., Brand M.* Decision making under stress: a selective review // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. 2012. Vol. 36, N 4. P. 1228–1248.
18. *Staal M. A.* The effects of stress on judgment and decision making // *Stress, cognition, and human performance: A literature review and conceptual framework* // *NASA technical memorandum*. 2004. Vol. 212824. P. 68–80.
19. *Youssef F. F., Dookeeram K., Basdeo V., Francis E., Doman M., Mamed D., Maloo S., Degannes J., Dobo L., Ditshotlo P., Legall G.* Stress alters personal moral decision making // *Psychoneuroendocrinology*. 2012. Vol. 37, N 4. P. 491–498.
20. *Yu R.* Stress potentiates decision biases: A stress induced deliberation-to-intuition (SIDI) model // *Neurobiology of Stress*. 2016. Vol. 3. P. 83–95.
21. *Margittai Z., Strombach T., van Wingerden M., Joels M., Schwabe L., Kalenscher T.* A friend in need: Time-dependent effects of stress on social discounting in men // *Hormones and Behavior*. 2015. Vol. 73. P. 75–82.

22. Schwabe L., Wolf O. T. Stress and multiple memory systems: from «thinking» to «doing» // Trends in cognitive sciences. 2013. Vol. 17, N 2. P. 60–68.
23. Wolf O. T. Stress and memory in humans: twelve years of progress? // Brain research. 2009. Vol. 1293. P. 142–154.
24. Selye H. A syndrome produced by diverse nocuous agents // Nature. 1936. Vol. 138, N 3479. P. 32.
25. Бахчина А. В. Динамика вегетативной регуляции кардиоритма при когнитивных, эмоциональных и физических нагрузках: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2014. 27 с.
26. Парин С. Б. Люди и животные в экстремальных ситуациях: нейрохимические механизмы, эволюционный аспект // Вестник Новосибирского государственного университета. 2008. Т. 2, № 2. С. 118–135.
27. Типы реагирования на повседневные микрострессоры / Абабков В. А., Боголюбова О. Н., Вревочкин С. В., Войт Т. С., Маневский Ф. С., Никитенко М. А., Потемкина Е. А., Сафонов В. К., Ураева Г. Е., Шаболтас А. В. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2013. Вып. 2. С. 34–44.
28. The psychophysiological diagnostics of the functional state of the athlete. Preliminary data / Isaychev S. A., Chernorizov A. M., Korolev A. D., Isaychev E. S., Dubynin I. A., Zakharov I. A. // Psychology in Russia. State of the Art. 2012. Vol. 5, N 1. P. 244–268.
29. Леонтьев Д. А., Мандрикова Е. Ю., Фам А. Х. Разработка методики диагностики процессуальной стороны выбора // Психологическая диагностика. 2007. № 6. С. 4–25.
30. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания // Избранные психологические труды: В 2-х т. М.: Педагогика, 1980. Т. 1. С. 16–123.
31. Арутюнова К. Р., Александров Ю. И. Значение факторов пола и возраста в формировании моральных суждений // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 2. С. 79–91.
32. Корнилова Т. В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов // Психологический журнал. 2013. Т. 34, № 3. С. 89–100.
33. Sandi C., Haller J. Stress and the social brain: behavioral effects and neurobiological mechanisms // Nature Reviews Neurosci. 2015. Vol. 16. P. 290–304.

Для цитирования: Знаменская И. И., Александров Ю. И. Отношение к «чужим» при стрессе разного генеза // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 3. С. 159–167. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.314

References

1. Miasishchev V. N. *Psikhologiya otnoshenii [Psychology of relations]*. Moscow, MPSI Publ., 2011. 400 p. (In Russian)
2. Antsyferova L. I. Sviaz' moral'nogo soznaniia s nraivstvennym povedeniem cheloveka (po materialam issledovaniia Lourensa Kolberga i ego shkoly) [Relation between the human moral consciousness and moral behavior (on the materials of Lawrence Kohlberg)]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1999, vol. 20, no. 3, pp. 5–17. (In Russian)
3. Hamlin J. K., Wynn K., Bloom P. Three-month-olds show a negativity bias in their social evaluations. *Developmental science*, 2010, vol. 13, no. 6, pp. 923–929.
4. Hamlin J. K., Mahajan N., Liberman Z., Wynn K. Not like me = bad: infants prefer those who harm dissimilar others. *Psychological science*, 2013, vol. 24, no. 4, pp. 589–594.
5. Kawakami K., Dunn E., Karmali F., Dovidio J. F. Mispredicting affective and behavioral responses to racism. *Science*, 2009, vol. 323, no. 5911, pp. 276–278.
6. Cunningham W. A., Johnson M. K., Raye C. L., Gatenby J. C., Gore J. C., Banaji M. R. Separable neural components in the processing of black and white faces. *Psychological Science*, 2004, vol. 15, no. 12, pp. 806–813.
7. Hein G., Engelmann J. B., Vollberg M., Tobler P. N. How learning shapes the empathic brain. *PNAS*, 2016, vol. 113, pp. 80–85.
8. Znakov V. V. Kognitivnoe i affektivnoe bessoznatel'noe v ponimani chuzhogo kak vraga [Cognitive and affective unconscious in understanding of the stranger as enemy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2014, no. 1, pp. 3–15. (In Russian)
9. Oppenheimer L. Are children's views of the “enemy” shaped by highly-publicized negative event? *International Journal of Behavioral Development*, 2010, vol. 34, no. 4, pp. 345–353.
10. Aleksandrov Iu. I., Aleksandrova N. L. *Sub'ektivnyi opyt, kul'tura i sotsial'nye predstavleniia [Subjective experience, culture and social representations]*. Moscow, Institut psikhologii RAN Publ., 2009. 320 p. (In Russian)

11. Shvyrykov V.B. Sistemno-evoliutsionnyi podkhod k izucheniiu mozga, povedeniia, psikhiki i soznaniia [System-evolutionary approach towards brain, behavior, psychics and consciousness studies]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1988, vol. 9, no. 1, pp. 132–148. (In Russian)
12. Znamenskaia I.I., Markov A.V., Bakhchina A.V., Aleksandrov Iu.I. Otnoshenie k «chuzhim» pri stresse: sistemnaia dedifferentsiatsiia [Attitude toward outgroup members in stress: system dedifferentiation]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2016, vol. 37, no. 4, pp. 44–58. (In Russian)
13. Znamenskaia I.I., Sozina I.M., Aleksandrov Iu.I. Intuitivnye i ratsional'nye komponenty moral'nogo vybora u detei 3–11 let [Intuitive and rational components of 3–11 years old children moral choice]. *Teoreticheskaiia i eksperimental'naia psikhologiya*, 2013, vol. 6, no. 2, pp. 57–70. (In Russian)
14. Sozina I.M., Znamenskaia I.I., Aleksandrov Iu.I. Nravstvennoe otnoshenie k «chuzhomu» u detei 3–11 let. Reshenie moral'nykh dilemm: predubezhdeniia i predpochteniia [Moral attitude towards outgroup members of 3–11 years old children. Moral dilemmas solving: biases and preferences]. *Teoreticheskaiia i eksperimental'naia psikhologiya*, 2013, vol. 6, no. 1, pp. 44–57. (In Russian)
15. Bodrov V.A. Kognitivnye protsessy i psikhologicheskii stress [Cognitive processes and psychological stress]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1996, vol. 17, no. 4, pp. 64–74. (In Russian)
16. Kitaev-Smyk L.A. *Psikhologiya stressa* [Psychology of stress]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 367 p. (In Russian)
17. Starcke K., Brand M. Decision making under stress: a selective review. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 2012, vol. 36, no. 4, pp. 1228–1248.
18. Staal M.A. The effects of stress on judgment and decision making. *Stress, cognition, and human performance: A literature review and conceptual framework. NASA technical memorandum*, 2004, vol. 212824, pp. 68–80.
19. Youssef F.F., Dookeeram K., Basdeo V., Francis E., Doman M., Mamed D., Maloo S., Degannes J., Dobo L., Ditshotlo P., Legall G. Stress alters personal moral decision making. *Psychoneuroendocrinology*, 2012, vol. 37, no. 4, pp. 491–498.
20. Yu R. Stress potentiates decision biases: A stress induced deliberation-to-intuition (SIDI) model. *Neurobiology of Stress*, 2016, vol. 3, pp. 83–95.
21. Margittai Z., Strombach T., van Wingerden M., Joels M., Schwabe L., Kalenscher T. A friend in need: Time-dependent effects of stress on social discounting in men. *Hormones and Behavior*, 2015, vol. 73, pp. 75–82.
22. Schwabe L., Wolf O. T. Stress and multiple memory systems: from “thinking” to “doing”. *Trends in cognitive sciences*, 2013, vol. 17, no. 2, pp. 60–68.
23. Wolf O. T. Stress and memory in humans: twelve years of progress? *Brain research*, 2009, vol. 1293, pp. 142–154.
24. Selye H. A syndrome produced by diverse nocuous agents. *Nature*, 1936, vol. 138, no. 3479. P. 32.
25. Bakhchina A.V. *Dinamika vegetativnoi reguliatsii kardioritma pri kognitivnykh, emotsional'nykh i fizicheskikh nagruzkakh*. Authoref. diss. kand. psikhol. nauk [Vegetative regulation of cardiorythme dynamics in cognitive, emotional and physical stress. Thesis of PhD]. Moscow, 2014. 27 p. (In Russian)
26. Parin S.B. Liudi i zhivotnye v ekstremal'nykh situatsiiakh: neirokhimicheskie mekhanizmy, evoliutsionnyi aspekt [People and animals in extremal situations: neurochemical mechanisms, evolutionary aspect]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, vol. 2, no. 2, pp. 118–135. (In Russian)
27. Ababkov V.A., Bogoliubova O.N., Verevochkin S.V., Voit T.S., Manevskii F.S., Nikitenko M.A., Potemkina E.A., Safonov V.K., Uraeva G.E., Shaboltas A.V. Tipy reagirovaniia na povsednevnye mikrostressory. [Types of reaction to everyday microstressors]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Ser. 12. Sociology*, 2013, issue 2, pp. 34–44. (In Russian)
28. Isaychev S.A., Chernorizov A.M., Korolev A.D., Isaychev E.S., Dubynin I.A., Zakharov I.A. The psychophysiological diagnostics of the functional state of the athlete. Preliminary data. *Psychology in Russia. State of the Art*, 2012, vol. 5, no. 1, pp. 244–268.
29. Leont'ev D.A., Mandrikova E.Iu., Fam A.Kh. Razrabotka metodiki diagnostiki protsessual'noi storony vybora [Development of a technique of procedural aspect of choice diagnostics]. *Psikhologicheskaiia diagnostika*, 2007, no. 6, pp. 4–25. (In Russian)
30. Anan'ev B.G. Chelovek kak predmet poznaniia [Human as a matter of comprehension]. *Selected psychological works*. Moscow, Pedagogika Publ., 1980, vol. 1, pp. 16–123. (In Russian)
31. Arutiunova K.R., Aleksandrov Iu.I. Znachenie faktorov pola i vozrasta v formirovanii moral'nykh suzhdenii [Factors of gender and age in moral judgment of actions]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2016, vol. 37, no. 2, pp. 79–91. (In Russian)

32. Kornilova T.V. Psikhologiya neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnoi reguliatsii reshenii i vyborov [Psychology of uncertainty: unity of intelligence and personal regulation of choice and decision]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2013, vol. 34, no. 3, pp. 89–100. (In Russian)

33. Sandi C., Haller J. Stress and the social brain: behavioral effects and neurobiological mechanisms. *Nature Reviews Neurosci*, 2015, vol. 16, pp. 290–304.

For citation: Znamenskaya I.I., Alexandrov Yu.I. Different types of stress alter moral attitude towards outgroup members. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, 2016, issue 3, pp. 159–167. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.314

Статья поступила в редакцию 15 мая 2016 г.

Е.М. Ковш, П.Н. Ермаков, Е.В. Воробьева

**ОСОБЕННОСТИ ВЫЗВАННОЙ АКТИВНОСТИ МОЗГА
ПРИ ОЦЕНКЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО ОКРАШЕННЫХ СЦЕН
У ДЕВУШЕК С РАЗНЫМИ ГЕНОТИПАМИ ПОЛИМОРФИЗМА
VAL158MET (G472A) COMT**

Статья посвящена анализу результатов исследования особенностей амплитудно-временных и пространственных характеристик вызванной активности мозга при оценке эмоционально окрашенных стимулов девушек с разными генотипами полиморфизма Val158Met (G472A) COMT. Представлен современный взгляд на функции полиморфизма Val158Met (G472A) гена COMT, а также — на его взаимосвязь с эмоциональными, когнитивными и личностными особенностями носителей. Проанализирована связь между спецификой строения гена и мозговыми механизмами, принимающими участие в оценке эмоционально значимых стимулов. Библиогр. 15 назв. Ил. 4.

Ключевые слова: психогенетика, вызванные потенциалы, ген COMT, дофамин, префронтальная кора, миндалина, эмоции.

E. M. Kovsh, P. N. Ermakov, E. V. Vorob'eva

**PECULIARITIES OF THE EVOKED BRAIN ACTIVITY IN RANKING THE EMOTIONALLY
CHARGED SCENES BY WOMEN WITH DIFFERENT GENOTYPES OF VAL158MET (G472A)
COMT POLYMORPHISM**

The article presents the results of a study on the spatio-temporal and amplitude characteristics of stimulated brain activity in ranking emotionally-charged scenes in 61 right-handed women, aged from 18 to 24 years, with different genotypes of Val158Met (G472A) COMT polymorphism (GG connotes high activity of the enzyme COMT, the average level of dopamine in the prefrontal brain areas; GA middle ranking COMT activity with an above average dopamine level; AA low activity of the enzyme COMT with a high concentration of dopamine in the prefrontal brain cortex). The contemporary view of the Val158Met (G472A) polymorphism of COMT gene functions and its links with emotional, cognitive and personality characteristics are considered. The relationship between the specifics of the

Ковш Екатерина Михайловна — аспирант, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета, Российская Федерация, 344038, Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13; emkovsh@sfedu.ru

Ермаков Павел Николаевич — академик РАО, доктор биологических наук, профессор, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета, Российская Федерация, 344038, Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13; psyf@sfedu.ru

Воробьева Елена Викторовна — доктор психологических наук, профессор, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета, Российская Федерация, 344038, Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13; evorob@sfedu.ru

Kovsh Ekaterina M. — postgraduate student, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, 13, pr. M. Nagibina, Rostov-na-Donu, 344038, Russian Federation; emkovsh@sfedu.ru

Ermakov P.N. — Academician, Doctor of Biology, Professor, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, 13, pr. M. Nagibina, Rostov-na-Donu, 344038, Russian Federation; psyf@sfedu.ru

Vorob'eva E.V. — Doctor of Psychology, Professor, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, 13, pr. M. Nagibina, Rostov-na-Donu, 344038, Russian Federation; evorob@sfedu.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (тема 213.01-03/2016-4 «Агрессивные и враждебные поведенческие стратегии у лиц с разными ДНК-маркерами»).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

structure of the gene and the brain mechanisms involved in the assessment of emotionally-charged stimuli, are described Refs 15. Figs 4.

Keywords: psychogenetics, VEPs, gene COMT, dopamine, prefrontal brain cortex, amygdala, emotions.

Известно, что структура генов влияет на концентрацию нейротрансмиттеров в нервной системе, которая, в свою очередь, воздействует на интенсивность, продолжительность и полярность эмоциональных реакций их носителей [1–3]. На сегодняшний день признается полигенный характер наследования психофизиологических признаков [4–6]. К числу генов, оказывающих влияние на эмоциональные, поведенческие реакции и личностные особенности (такие, как тревожность, агрессивность, склонность к возникновению панических атак, развитию алкоголизма, обсессивно-компульсивного расстройства, частых обострений различных психических заболеваний), относится ген катехол-О-метилтрансферазы COMT, вызывающий интерес у многих ученых за счет своей тесной связи с концентрацией дофамина [5–8]. В зависимости от сочетания аллелей Met (A) и Val (G), имеется три варианта генотипа полиморфизма Val158Met COMT: GG (высокая активность энзима КОМТ, средний уровень дофамина в межсинаптическом пространстве префронтальных отделов), GA (промежуточная активность, уровень дофамина выше среднего), AA (низкая активность энзима КОМТ, высокая концентрация дофамина в межсинаптическом пространстве) [6].

Нейромедиатор дофамин концентрируется в структурах лимбической системы, базальных ганглиях, префронтальной коре [1]. С уровнем его концентрации связывают особенности протекания когнитивных процессов (в особенности — внимания и памяти, механизмов познания и обучения), также с ним тесно связаны настроение, система поощрения и наслаждения; движения [4–8]. Ввиду наличия перечисленных функций, все чаще появляются исследования, посвященные изучению взаимосвязи особенностей дофаминовой системы (как мозгового субстрата, входящего в ее состав, так и концентрации нейротрансмиттеров) со спецификой протекания эмоциональных, когнитивных и двигательных процессов в норме и патологии [5–9]. В том числе в последнее время получила распространение теория о перестройке дофамин-зависимой нейронной активности в связанных между собой зрительном и лимбическом путях «кора-базальные ганглии-таламус-кора» [10].

Однако связь между полиморфными вариантами гена COMT и различными психофизиологическими характеристиками, отражающими мозговую активность, до сих пор изучена недостаточно.

Целью нашего исследования явилось изучение пространственно-временных и амплитудных характеристик вызванной активности мозга при оценке эмоционально окрашенных сцен у девушек с разными генотипами полиморфизма Val158Met (G472A) COMT.

Материалы и методы исследования

В исследовании приняла участие 61 праворукая девушка в возрасте 18–24 лет. Испытуемые были поделены на группы в зависимости от имеющегося генотипа: GG, GA, AA. Для определения полиморфных вариантов гена было использовано оборудование термоциклер Rotor-Gene 6000 центра коллективного пользования

Южного федерального университета «Высокие технологии». Далее нами проводилась регистрация зрительных вызванных потенциалов в 64-х отведениях в ответ на предъявление стимулов, отнесенных к различным группам («нейтральные», «позитивные», «агрессивные», «толерантность», «экстремизм, терроризм») методом экспертных оценок. В группы стимулов было включено по 115 изображений, каждое из которых предъявлялось однократно. Физические параметры стимулов были уравнены: цвет черно-белый, одинаковые размер, яркость и контраст. Для регистрации ВП использовался электроэнцефалограф NVX-136 («МКС», Россия). Эпоха анализа составила [-100; 600 мс]. В целях обработки и анализа записей был использован пакет EEGlab для программы MatLab. Для статистической обработки данных был применен *t*-критерий Стьюдента с поправкой Холма на множественные сравнения; уровень значимости различий $p \leq 0,001$.

Испытуемым была дана инструкция оценивать каждое изображение по его эмоциональной валентности (негативное, нейтральное, позитивное).

Результаты

На рис. 1 представлены топографические карты вызванной активности мозга, полученные в результате сравнения среднегрупповых ответов обладательниц различных генотипов на предъявление изображений, отнесенных к группам «ней-

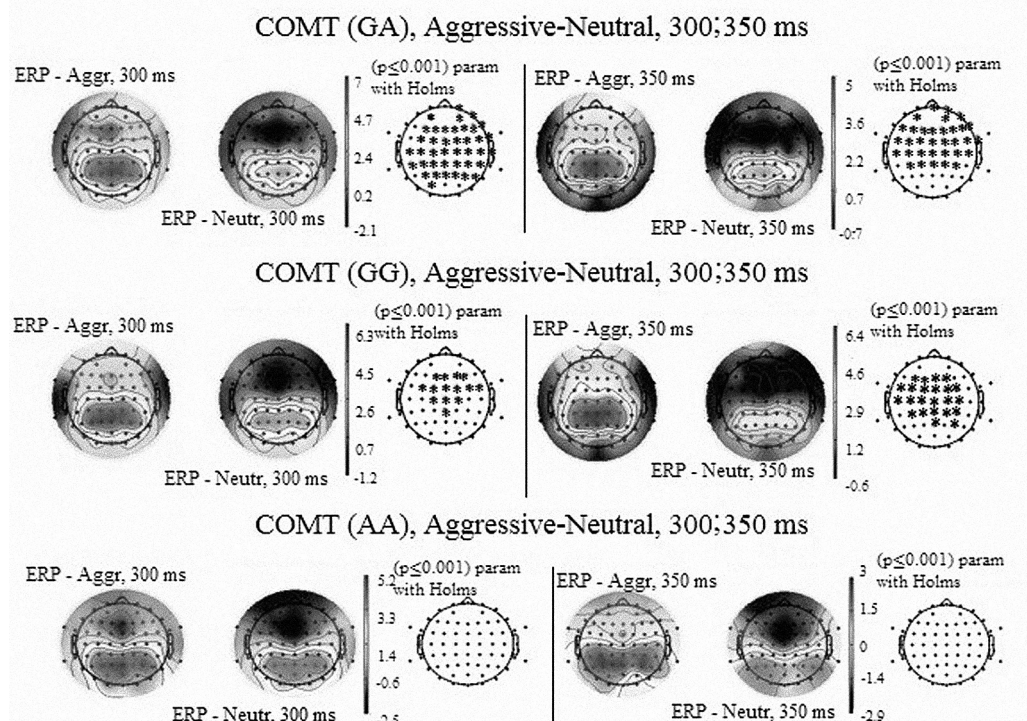

Рис. 1. Карты ВП в ответ на изображения категорий «агрессивные» и «нейтральные» групп испытуемых с разными генотипами полиморфизма Val158Met COMT, латентный период 300; 350 мс

Примечание: символами (*) на схеме расположения электродов отмечены достоверно значимые различия в вызванной активности областей мозга в ответ на стимулы указанных категорий, $p \leq 0,001$.

тральные» и «агрессивные». Согласно полученным результатам, при оценке «агрессивных» изображений у носителей аллеля G был зарегистрирован ярко выраженный компонент P300 во всех областях коры головного мозга при его отсутствии в ответ на изображения нейтрального характера; также был отмечен рост позитивности поздних компонентов ВП (в районе 400–600 мс), что может свидетельствовать о более сложной когнитивной обработке стимулов указанной группы и отражать процесс детекции эмоционального значения стимула. В областях T5, T6, P5, P6 наблюдается увеличение амплитуды компонента N170 и уменьшение позитивности в районе 200 мс при оценке «агрессивных» стимулов, что может быть связано с большей концентрацией внимания на изображениях данной группы [3, 11].

У испытуемых с генотипом AA различия в компонентах ВП в ответ на «нейтральные» и «агрессивные» стимулы выражены слабо и представлены в увеличении амплитудно-временных характеристик компонента P200, связанного в данном случае с привлечением внимания к стимулам группы «агрессивные».

При оценке изображений группы «экстремизм, терроризм», по сравнению с «нейтральными», значимые различия в вызванной активности мозга продемонстрировали носители генотипа GA (рис. 2). Согласно полученным данным, амплитуда компонента P300 в центральных и задних областях коры головного мозга при оценке изображений группы «экстремизм, терроризм» достоверно более высокая. У носителей генотипа GG отмечаются схожие различия преимущественно в париетально-окципитальных областях обоих полушарий. У обладателей генотипа AA указанные различия выражены в меньшей степени.

При оценке изображений группы «толерантность», на которых демонстрировались культурные, субкультурные, религиозные, этнические и др. особенности, все испытуемые продемонстрировали различия в амплитудных характеристиках

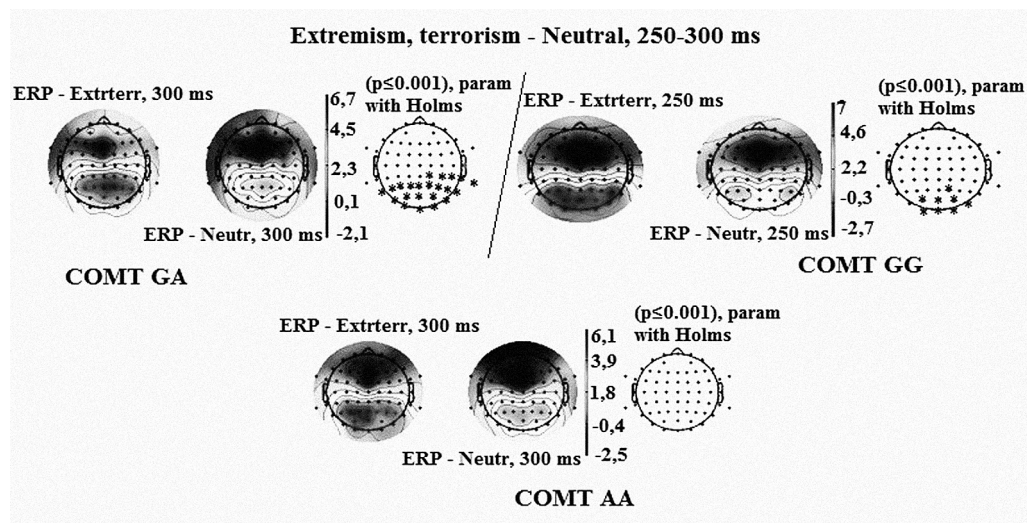
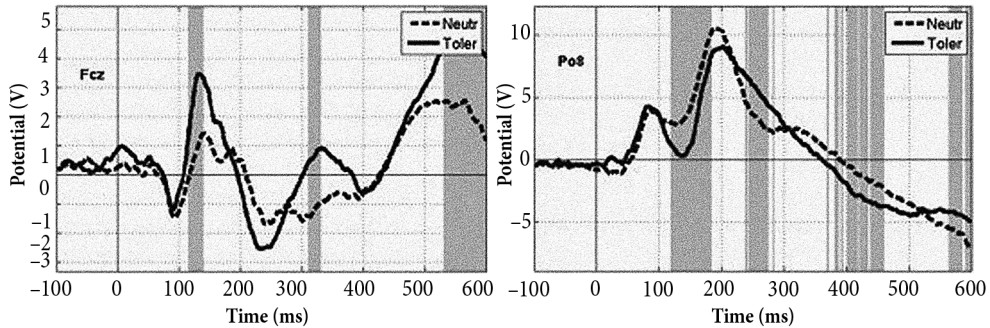

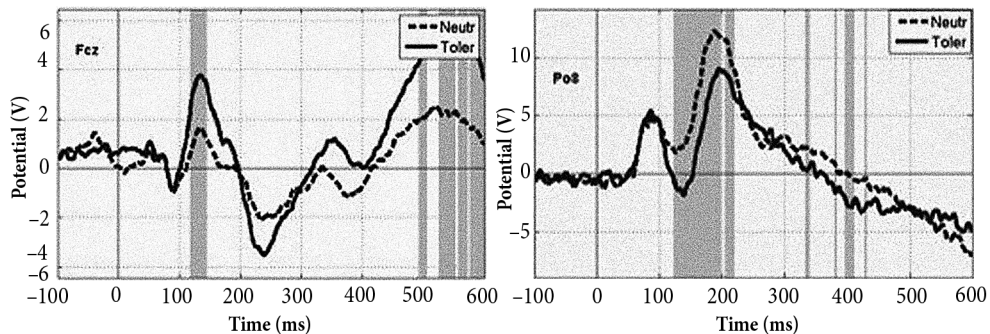
Рис. 2. Карты ВП в ответ на изображения категорий «экстремизм, терроризм» и «нейтральные» групп испытуемых с разными генотипами полиморфизма Val158Met COMT, латентный период 250–300 мс

Примечание: символами (*) на схеме расположения электродов отмечены достоверно значимые различия в вызванной активности областей мозга в ответ на стимулы указанных категорий, $p \leq 0,001$.

GA Tolerance-Neutral

GG Tolerance-Neutral

AA Tolerance-Neutral

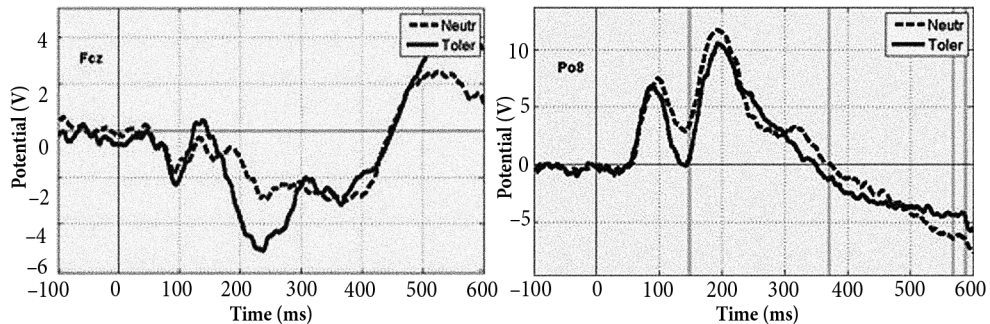

Рис. 3. ВП во фронто-центральных и париетально-окципитальных отведениях в ответ на изображения категорий «толерантность» и «нейтральные» групп испытуемых с разными генотипами полиморфизма Val158Met COMT

Примечание: вертикальными линиями указаны достоверно значимые различия между компонентами ВП в ответ на нейтральные (пунктир) изображения и стимулы группы «толерантность» (сплошная линия), $p \leq 0,001$.

поздних компонентов ВП (550–600 мс; рис. 3), что может быть связано с активизацией памяти [3, 12], более трудным узнаванием стимулов ввиду их сложности [11, 13], а также с особенностями процесса детекции эмоционального значения стимула [14]. При этом у носителей генотипа GG наблюдается увеличение амплитуды поздних компонентов во всех областях коры, у носителей GA — от фронто-центральных к окципитальным отделам, в то время как у обладателей генотипа AA обозначенные

различия отсутствуют во фронтальных участках коры, а отмечены в центральных, париетальных и окципитальных, что может быть связано с особенностями длительного пребывания дофамина в межсинаптическом пространстве префронтальных отделов у данной группы испытуемых и его длительным активирующим влиянием в ответ на разные стимулы (как целевые, так и фоновые) [7, 9].

Рисунки усредненных вызванных потенциалов обладателей генотипов GA и GG в ответ на «позитивные» стимулы, по сравнению с «нейтральными», схожи: обнаружены статистически значимые различия, выраженные в увеличении амплитуды ранних, средних и поздних компонентов ВП во фронтальных, фронто-центральных, центральных, теменных, париетально-окципитальных и окципитальных областях, а также уменьшение латентного периода компонентов ВП в ответ на «позитивные» стимулы (рис. 4). Данные различия могут свидетельствовать о большей выраженности эмоциональной и когнитивной реакции у носителей аллеля G при оценке эмоционально окрашенных стимулов позитивного характера, по сравнению с нейтральными [13]. При этом отмечено снижение амплитуды компонента P2 в париетальных отделах, что может быть связано с большей концентрацией внимания при просмотре данной группы изображений.

У обладателей генотипа AA различия в амплитудно-временных и пространственных характеристиках ВП в описанных выше областях мозга выражены в меньшей степени: во фронто-центральных отделах наблюдается появление компонента P300 при оценке позитивных стимулов, в центральных зонах зарегистрированы различия в поздних компонентах ВП; также отмечено увеличение негативности в районе 170 мс (N170) в правой и левой зонах ТРО (границы темпоральных, париетальных и окципитальных областей), что может свидетельствовать о повышении концентрации внимания к стимулам данной группы [3, 11].

Выводы

Согласно полученным данным, испытуемые, имеющие аллель G (генотипы GG, GA), демонстрируют более успешную дифференциацию целевых (эмоционально окрашенных) и фоновых (нейтральных) стимулов, что выражается в достоверных различиях в компонентах ВП. Вызванная активность мозга обладателей генотипа AA в ответ на нейтральные и эмоционально окрашенные стимулы имеет больше сходств, чем различий. Данный факт может быть объяснен наличием высокой концентрации дофамина в префронтальной коре, которая, видимо, связана со снижением способности носителей гомозиготы AA гена COMT к адекватной оценке эмоциональной значимости стимулов. Последнее может проявляться как в отсутствии выраженной реакции на различные виды стимулов, так и в присутствии эмоционального ответа (положительного, отрицательного или тревожного) одинаковой силы в ответ на стимулы различной валентности и смысловых категорий.

Таким образом, длительные активирующие влияния, оказываемые высокой концентрацией дофамина на префронтальные области коры, вероятно, способствуют формированию особой эмоциональной чувствительности носителей гомозиготных аллелей A гена COMT.

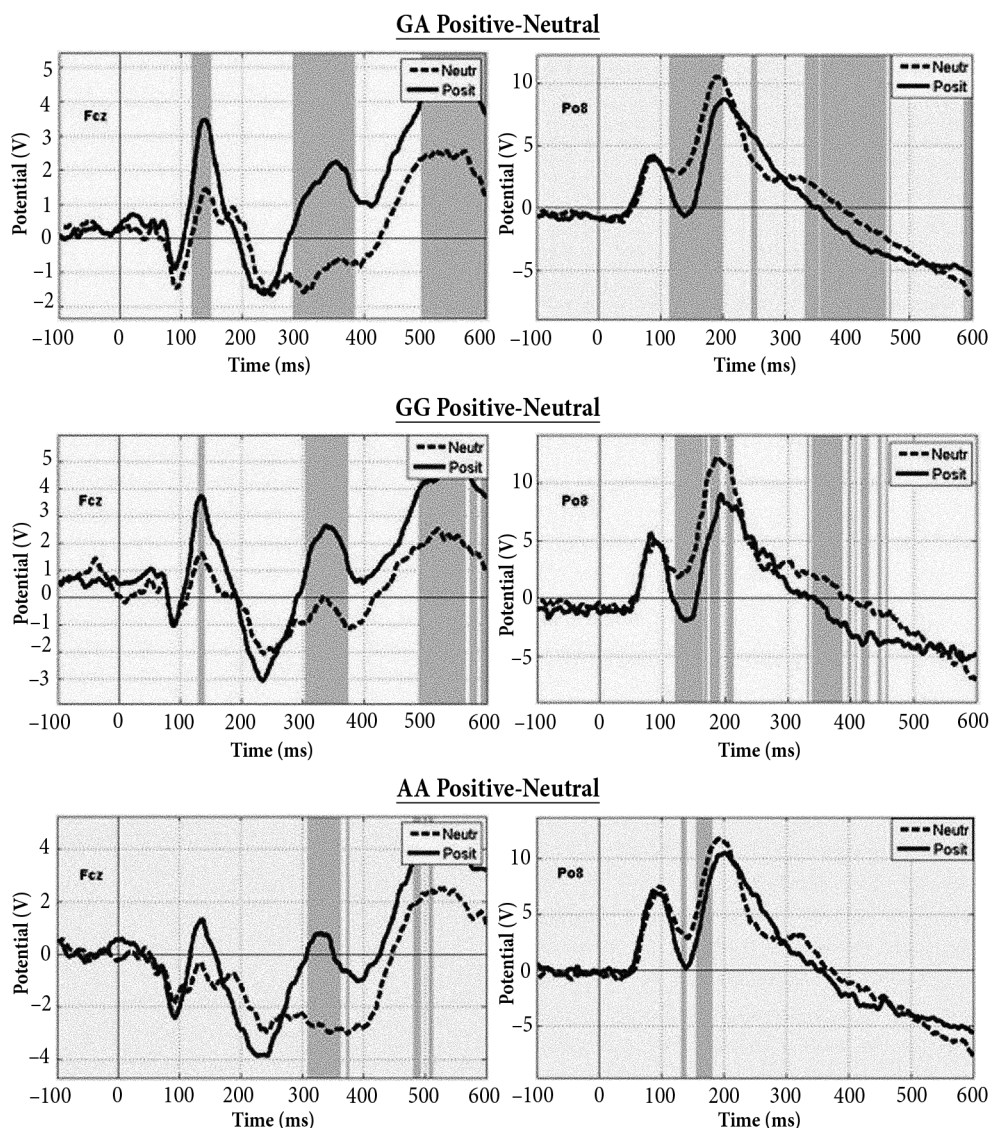

Рис. 4. ВП во фронто-центральных и париетально-окципитальных отведениях в ответ на изображения категорий «позитивные» и «нейтральные» групп испытуемых с разными генотипами полиморфизма Val158Met COMT

Примечание: вертикальными линиями указаны достоверно значимые различия между компонентами ВП в ответ на нейтральные (пунктир) изображения и стимулы группы «позитивные» (сплошная линия), $p \leq 0,001$.

Обсуждение результатов

Таким образом, ген COMT, оказывая влияние на работу мезолимбической подсистемы дофаминовой системы [1, 4], может косвенно влиять на деятельность мозга, направленную на оценку эмоционально окрашенных сцен. Важным является механизм взаимодействия между структурами лимбической системы

(в особенности — миндалиной) и префронтальными отделами коры. Ранее многими исследователями подчеркивалась связь между особенностями строения гена *COMT* и реактивностью миндалины [5, 8, 9, 15]. Данную мозговую структуру сравнивают со «сторожевой собакой», которая оповещает хозяина обо всех потенциальных угрозах. Задача «хозяина» (префронтальных отделов) заключается в отборе релевантных стимулов и игнорировании иррелевантных. Высокий уровень дофамина в префронтальной коре, вероятно, приводит к невозможности фильтрации стимулов на должном уровне. Большинство раздражителей в одних случаях может восприниматься в качестве эмоционально значимых («собака лает постоянно, и хозяин не в состоянии ее успокоить») [8, 9], а в других — в качестве незначимых (независимо от валентности и смысловой нагрузки, возможной «угрожающей способности» стимулов; «хозяин строго наказывает собаку и не обращает внимания на ее призывы»). Вероятное подтверждение этому мы нашли в ходе анализа ВП на нейтральные и эмоционально окрашенные стимулы разных групп. На основании вышеизложенного мы можем предположить, что обладатели генотипа *AA* имеют высокую реактивность миндалины и искаженно, неравномерно работающие управляющие функции префронтальных отделов [7], что может влиять на оценку эмоционально значимых стимулов и проявляться в отсутствии достоверных различий в вызванной активности мозга в ответ на нейтральные и эмоционально окрашенные стимулы разных групп. Отметим, что схожие результаты были получены иностранными исследователями, использующими в эксперименте метод ФМРТ [9].

Перспективы исследования

На сегодняшний день не вызывает сомнений факт влияния наследственности на биологические, личностные, психофизиологические особенности человека [1–6]. Однако генотип не является «приговором», в наших силах оказывать корректирующие средовые влияния на целевую группу для того, чтобы научить людей, имеющих неадаптивный вариант набора генов, успешным стратегиям поведения, направленным не только на эффективное приспособление к условиям окружающей среды, но и на конструктивное ее преобразование. Обладателям генотипа *AA* гена *COMT* (как и других маркеров, оказывающих значимое влияние на особенности личностной, эмоциональной, когнитивной сфер) необходимо знать о собственных ресурсах (способность к многозадачности в условиях отсутствия стресса, склонность к альтруизму и др.), а также быть предупрежденными о подстерегающих опасностях (большая склонность к развитию тревожных расстройств и аддикций, неадекватная оценка и эмоциональное реагирование на различные стимулы и пр.). На этом основании актуальной становится необходимость для общества проведения молекулярно-генетического мониторинга (скрининга), направленного на выявление групп риска, создание для них особых средовых условий (обучение психологической грамотности, эффективным способам снижения тревоги и совладания со стрессом и др.). Таким образом мы сможем обеспечить профилактику развития психического неблагополучия целевой группы.

Ограничения исследования

Одной из задач нашего исследования выступил поиск достоверно значимых различий в вызванной активности мозга носителей разных генотипов полиморфизма Val158Met в ответ на нейтральные и эмоциогенные стимулы, для чего был использован *t*-критерий Стьюдента. В целях снижения вероятности получения ложноположительного результата нами была применена поправка Холма на множественные сравнения и избран третий уровень значимости, $p \leq 0,001$, в связи с чем мы можем предположить с вероятностью 99,9%, что полученные нами результаты неслучайны. Однако стоит отметить тот факт, что для выполнения задачи по изучению взаимодействия параметров «генотип» и «группа стимулов» могут быть успешно применены другие статистические критерии (в том числе двухфакторный дисперсионный анализ ANOVA), что позволит расширить возможности исследования.

* * *

Авторы выражают благодарность рецензентам, редакционной коллегии журнала и участникам исследования.

Литература

1. Basic Neurochemistry: Principles of Molecular, Cellular and Medical Neurobiology / ed. by Brady S. T. Elsevier: Academic press, 2012. 1096 p.
2. Орлов Ю. Л., Вишневский О. В., Витяев Е. Е. Биоинформационный анализ экспрессии генов в клетках мозга // Мат-лы XV Всерос- научно-техн. конф. «Нейроинформатика-2013». М.: Изд-во МИФИ, 2013. С. 74–85.
3. Коваленко А. А., Павленко В. Б. Эмоциональная значимость стимула и черты личности: отражение в паттерне вызванных ЭЭГ-потенциалов // Нейрофизиология. 2009. Т. 41, № 4. С. 336–356.
4. Равич-Щербо И. В., Марютина Т. М., Григоренко Е. Л. Психогенетика: Учебник для студентов вузов. М.: Аспект пресс, 2008, 447 с.
5. Montag C., Buckholtz J. W., Hartmann P., Merz M., Burk C., Hennig J., Reuter M. COMT genetic variation affects fear processing: psychophysiological evidence // Behavioral neuroscience. 2008. Vol. 122, № 4. P. 901.
6. Кови Е. М., Воробьева Е. В., Ермаков П. Н. Обзор современных исследований психогенетических факторов агрессивного поведения // Российский психологический журнал. 2014. Т. 11, № 4. С. 91–103.
7. Meyer-Lindenberg A., Kohn P. D., Kolachana B., Kippenhan S., McInerney-Leo A., Nussbaum R., Berman K. F. Midbrain dopamine and prefrontal function in humans: interaction and modulation by COMT genotype // Nature neuroscience. 2005. Vol. 8, N 5. P. 594–596.
8. Drabant E. M., Hariri A. R., Meyer-Lindenberg A., Munoz K. E., Mattay V. S., Kolachana B. S., Weinberger D. R. Catechol O-methyltransferase val158met genotype and neural mechanisms related to affective arousal and regulation // Archives of General Psychiatry. 2006. Vol. 63, N 12. P. 1396–1406.
9. Smolka M. N., Schumann G., Wrase J., Grusser S. M., Flor H., Mann K., Heinz A. Catechol-O-methyltransferase val158met genotype affects processing of emotional stimuli in the amygdala and prefrontal cortex // The Journal of neuroscience, 2005. Vol. 25, N 4. P. 836–842.
10. Силькис И. Г. Роль дофамин-зависимых перестроек активности в цепях кора-базальные ганглии-таламус-кора в зрительном внимании (гипотетический механизм) // Успехи физиологических наук. 2007. Т. 38, № 4. С. 21–38.
11. Olofsson J. K., Nordin S., Sequeira H., Polich J. Affective picture processing: an integrative review of ERP findings // Biological psychology. 2008. Vol. 77, N 3. P. 247–265.
12. Palomba D., Angrilli A., Mini A. Visual evoked potentials, heart rate responses and memory to emotional pictorial stimuli // International journal of psychophysiology. 1997. Vol. 27, N 1. P. 55–67.
13. Delplanque S., Lavoie M. E., Hot P., Silvert L., Sequeira H. Modulation of cognitive processing by emotional valence studied through event-related potentials in humans // Neuroscience letters. 2004. Vol. 356, N 1. P. 1–4.
14. Rozenkrants B., Olofsson J. K., Polich J. Affective visual event-related potentials: arousal, valence, and repetition effects for normal and distorted pictures // International Journal of Psychophysiology. 2008. Vol. 67, N 2. P. 114–123.

15. Domschke K., Dannlowski U. Imaging genetics of anxiety disorders // *Neuroimage*. 2010. Vol. 53, N 3. P.822–831.

Для цитирования: Ковш Е. М., Ермаков П. Н., Воробьева Е. В. Особенности вызванной активности мозга при оценке эмоционально окрашенных сцен у девушек с разными генотипами полиморфизма Val158Met (G472A) COMT // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика*. 2016. Вып. 3. С. 168–177. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.315

References

1. *Basic Neurochemistry: Principles of Molecular, Cellular and Medical Neurobiology*. Ed. by S. T. Brady. Elsevier, Academic press, 2012. 1096 p.
2. Orlov Iu. L., Vishnevskii O. V., Vitiaev E. E. Bioinformatsionnyi analiz ekspressii genov v kletkakh mozga [Bioinformatics analysis of gene expression in brain cells]. *Mat-ly XV Vseros- nauchno-tekhn. konf. «Neiroinformatika-2013» [The materials of the XVth all-Russian scientific-technical conference “Neuroinformatics–2013”]*. Moscow, MEPhI Publ., 2013, pp.74–85. (In Russian)
3. Kovalenko A. A., Pavlenko V. B. Emotsional'naia znachimost' stimula i cherty lichnosti: otrazhenie v patterne vyzvannykh EEG-potentsialov [The emotional significance of the stimulus and personality traits: a reflection in the pattern of ERPs]. *Neurophysiology*, 2009, pp.336–356. (In Russian)
4. Ravich-Shcherbo I. V., Mariutina T. M., Grigorenko E. L. *Psikhogenetika. Uchebnik dlia studentov vuzov* [Psychogenetics]. Moscow, Aspekt press, 2008. 447 p. (In Russian)
5. Montag C., Buckholtz J. W., Hartmann P., Merz M., Burk C., Hennig J., Reuter M. COMT genetic variation affects fear processing: psychophysiological evidence. *Behavioral neuroscience*, 2008, vol. 122, no. 4, pp.901.
6. Kovsh E. M., Vorob'eva E. V., Ermakov P. N. Obzor sovremennykh issledovaniy psikhogeneticheskikh faktorov agressivnogo povedeniia [The review of modern researches of psychogenetic factors of aggressive behavior]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal [Russian Psychological Journal]*, 2014, vol. 11, no 4, pp. 91–103. (In Russian)
7. Meyer-Lindenberg A., Kohn P.D., Kolachana B., Kippenhan S., McInerney-Leo A., Nussbaum R., Berman K.F. Midbrain dopamine and prefrontal function in humans: interaction and modulation by COMT genotype. *Nature neuroscience*, 2005, vol. 8, no. 5, pp.594–596.
8. Drabant E.M., Hariri A.R., Meyer-Lindenberg A., Munoz K.E., Mattay V.S., Kolachana B.S., Weinberger D.R. Catechol O-methyltransferase val158met genotype and neural mechanisms related to affective arousal and regulation. *Archives of General Psychiatry*, 2006, vol. 63, no. 12, pp. 1396–1406.
9. Smolka M.N., Schumann G., Wrase J., Grusser S.M., Flor H., Mann K., Heinz A. Catechol-O-methyltransferase val158met genotype affects processing of emotional stimuli in the amygdala and prefrontal cortex. *The Journal of neuroscience*, 2005, vol. 25, no. 4, pp. 836–842.
10. Sil'kis I. G. Rol' dofamin-zavisimykh perestroek aktivnosti v tsepiakh kora-bazal'nye ganglii-talamuskora v zritel'nom vnimanii (gipoteticheskii mekhanizm) [The role of dopamine-dependent rearrangements of activity in circuits cortex-basal ganglia-thalamus-cortex in visual attention (hypothetical mechanism)]. *Uspekhi fiziologicheskikh nauk [Advances of Physiological Sciences]*, 2007, vol. 38, no. 4, pp.21–38. (In Russian)
11. Olofsson J. K., Nordin S., Sequeira H., Polich J. Affective picture processing: an integrative review of ERP findings. *Biological psychology*, 2008, vol. 77, no. 3, pp. 247–265.
12. Palomba D., Angrilli A., Mini A. Visual evoked potentials, heart rate responses and memory to emotional pictorial stimuli. *International journal of psychophysiology*, 1997, vol. 27, no. 1, pp. 55–67.
13. Delplanque S., Lavoie M.E., Hot P., Silvert L., Sequeira H. Modulation of cognitive processing by emotional valence studied through event-related potentials in humans. *Neuroscience letters*, 2004, vol. 356, no. 1, pp. 1–4.
14. Rozenkrants B., Olofsson J.K., Polich J. Affective visual event-related potentials: arousal, valence, and repetition effects for normal and distorted pictures. *International Journal of Psychophysiology*, 2008, vol. 67, no. 2, pp. 114–123.
15. Domschke K., Dannlowski U. Imaging genetics of anxiety disorders. *Neuroimage*, 2010, vol. 53, no. 3, pp. 822–831.

For citation: Kovsh E. M., Ermakov P. N., Vorob'eva E. V. Peculiarities of the evoked brain activity in ranking the emotionally charged scenes by women with different genotypes of Val158Met (G472A) COMT polymorphism. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, 2016, issue 3, pp. 168–177. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.315

Статья поступила в редакцию 11 мая 2016 г.

Л. И. Микеладзе

ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА ПРИ НОРМАЛЬНОМ И ПАТОЛОГИЧЕСКОМ СТАРЕНИИ: ТЕОРИЯ ВИТАУКТА

В статье анализируются особенности временной перспективы при нормальном старении и поздних депрессиях, ее связь с тревожностью. Профиль временной перспективы при нормальном старении оказался сходен с профилем «сбалансированной временной перспективы», отмечался «сдвиг в будущее», являющийся проявлением психологического витаукта. При поздних депрессиях временная перспектива характеризовалась ощущением бессилия в организации собственной жизни, низкой направленностью в будущее. Повышение тревожности было связано с «заострением» свойственных здоровым испытуемым тенденций. Библиогр. 29 назв. Ил. 2. Табл. 7.

Ключевые слова: витаукт, позитивное старение, поздний возраст, временная перспектива, ZTPI, депрессия, тревожность, STAI.

L. I. Mikeladze

TIME PERSPECTIVE IN NORMAL AND PATHOLOGICAL AGING: THE VITAUCT THEORY

Recent decades have been characterized by an increase in elderly people in the population. Mental diseases are associated with old age, particularly depression. Besides the negative changes in ageing also exist processes of “antiageing”, or “vitauct” (Frolkis, 1988) which depend on personal and social impacts, in the connection of which time perspective (TP) plays a leading role. This prompts the importance of investigating TP.

48 elderly depressed patients aged from 50 to 80 and 26 older adults aged from 50 to 81 took part in the experiment. All patients were under treatment in the Mental Health Research Center (Moscow).

The investigation employed ZTPI (Zimbardo, Boyd, 1999; Sircova, 2004) and STAI (Spielberger, 1972; Khanin, 1976) adapted for the Russian population.

It was shown that the characteristics of TP in normal ageing reflect the predominance of its positive aspects, while the negative ones are connected with a state anxiety which demonstrates their dynamism. Among “compensatory” mechanisms are “shift to the future” and active and responsible life position which reflect psychological vitauct.

The “depressive” TP profile shows an ambivalent attitude to the past, helplessness in life organization, low orientation towards the future. Resources of the past, the possibility to get positive emotions in the present are not inaccessible to depressed people. These results clarify how vitauct IS manifests in the ageing process (repective to TP), whose resources can play a supportive role for the compensation of negative changes. Refs 29. Figs 2. Tables 7.

Keywords: vitauct, positive ageing, late life, time perspective, ZTPI, depression, anxiety, STAI.

Последние десятилетия отмечены значительным увеличением в популяции числа пожилых людей [1]. Следует иметь в виду, что значительные изменения обменных процессов, физиологических и психических функций происходят в возрасте 45–55 лет, который является инициальным этапом инволюционных перестроек [2].

При анализе изменений — как физиологических, так и психологических — в процессе старения мы сталкиваемся с необходимостью учета как нормальных,

Микеладзе Лика Игоревна — аспирант, педагог-психолог, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1; lika.mikeladze@gmail.com

Mikeladze Lika I. — postgraduate student, education psychologists, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; lika.mikeladze@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

так и патологических процессов [3]. Для нормального старения характерно замедление темпа некоторых психических процессов, сужение объема психической деятельности, модально-неспецифические изменения памяти, дефицит пространственного компонента деятельности [4]. Тем не менее проявления когнитивного дефицита при старении компенсируются за счет опосредствования психических процессов (в частности, речевого), мобилизации самоконтроля, опоры на закрепленные в индивидуальном опыте формы активности [4].

Таким образом, наряду с негативными изменениями при нормальном старении существуют процессы «антистарения» (или «витаукта»), направленные на поддержание адаптивных возможностей организма, увеличение продолжительности жизни [5]. Представляется обоснованным говорить о психологическом витаукте, который включает в себя процессы, стабилизирующие деятельность субъекта, компенсирующие нарастание негативных характеристик, уберегающие систему «Я» от разрушения. Например, самооценка с возрастом снижается, а самоотношение, напротив, становится более позитивным [6]. Витаукт проявляется также в тенденции сравнивать себя со сходными другими, чтобы подчеркнуть свои достоинства, ориентации на жизнь детей и внуков, что обеспечивает перспективу личностного развития [7].

Помимо ряда адаптивных механизмов старения, существуют и своеобразные «подводные камни» для психики стареющего человека. Это и нарастающие изменения функционирования мозга, и трудности прохождения кризиса пожилого возраста [8]. В пожилом возрасте часто возникают психические заболевания, характерные для данного периода, в частности депрессии: их распространенность в позднем возрасте более чем в два раза превышает этот показатель в молодом и среднем возрастах [9].

Исследователи поздних депрессий наталкиваются на ряд трудностей, среди которых важное место занимает проблема вклада в их возникновение, течение и исход процессов старения и различных соматогенных и психогенных вредностей [7, 10].

Таким образом, значимая роль как в нормальном, так и в патологическом старении принадлежит психологическим и средовым (в том числе социокультурным) детерминантам развития. Ведущим фактором в объединении индивидуального и социального опыта является временная перспектива, которая рассматривается как основной компонент в построении психологического времени, в котором возникает разделение жизненного пути и опыта человека на периоды прошлого, настоящего и будущего [11–13]. Временная перспектива представляет собой целостный процесс когнитивно-аффективной переработки временной информации, и этот процесс сложных когнитивно-аффективных взаимодействий может существенно изменяться в ходе развития психики [14].

Оказывается чрезвычайно важным понимание того, как процессы витаукта проявляются при нормальном старении (в частности, в отношении временной перспективы), в чем отличие этих процессов от патологического старения и какие ресурсы могут быть опорой для компенсации негативных перестроек в последнем случае. Исследование временной перспективы представляется важным с точки зрения ее связи с эмоционально-личностной сферой, когнитивным функционированием, а также с точки зрения ее связи с саморегуляцией в контексте самосознания, роли в структурировании жизненного опыта, процесс которого приобретает особую важность в период кризиса позднего возраста [15].

Таким образом, целью проведенного исследования стало изучение переживания прошлого, настоящего и будущего при поздних депрессиях и его связи с тревожностью. Согласно основной гипотезе исследования, наиболее выраженными тенденциями при депрессиях позднего возраста окажутся пессимистическое отношение к прошлому и фаталистическое восприятие настоящего; ориентация в будущее будет невыраженной в обеих группах. Мы также предположили, что в группе больных поздними депрессиями высокая тревожность в сочетании с депрессией будут связаны с временной перспективой более выраженным образом, чем тревожность без депрессии в контрольной группе.

Характеристика участников и описание методик исследования

В проведенном исследовании приняли участие 48 больных депрессиями в возрасте от 50 до 80 лет ($64,5 \pm 8,8$ лет), находившихся на лечении в клинике «Научный центр психического здоровья» (г. Москва). В клиническую группу вошли 22 пациента с рекуррентным депрессивным расстройством (РДР) (F.33), 13 пациентов с биполярным аффективным расстройством (БАР) (F.31), 7 пациентов с затяжными депрессивными эпизодами (ДЭ) (F.32), 6 пациентов с хроническими (аффективными) расстройствами настроения (ХРН) (F.34). По результатам выполнения методики MMSE у представителей клинической группы не было выявлено симптомов умеренного или выраженного мнестико-интеллектуального снижения. Контрольную группу составили 26 психически здоровых лиц в возрасте от 50 до 81 года ($61,8 \pm 10,7$ лет). Критериями невключения в контрольную группу являлось наличие психических, тяжелых онкологических, дегенеративных заболеваний, нарушений центральной нервной системы.

Среди испытуемых клинической группы было 17 женщин и 31 мужчина. Высшее образование имели 34 человека, 14 — среднее или среднее специальное образование. К моменту обследования 16 испытуемых продолжали трудовую деятельность, 32 — вышли на пенсию.

Среди испытуемых данной контрольной группы было 12 мужчин и 14 женщин. 23 человека имели высшее образование, 3 — среднее специальное или среднее образование. К моменту обследования 21 испытуемый продолжал трудовую деятельность, 5 — вышли на пенсию. По результатам статистического анализа данных, факторы пола, образования и социального положения не были значимо связаны с исследуемыми показателями временной перспективы, в связи с чем не обсуждаются в данной статье. Более подробное исследование по возрасту в контрольной и клинической группах не проводилось в связи с небольшим числом испытуемых в каждой из возрастных подгрупп (50–60, 60–70, 70–80 лет). Тем не менее общий исследовательский подход, заключающийся в изучении особенностей восприятия времени в возрасте начала и прогрессирования инволюционных перестроек [2], согласующийся с функциональным (в отличие от хронологического) подходом к определению возрастных границ (Григорьева и др., [16]) и позволяющий учитывать представления о гетерохронности, гетеротопности, гетерокинетичности процессов старения, развиваемые в отечественной психологии, дает возможность обратиться к изучению позднего возраста в целом, начиная с возраста возникновения инволюционных изменений. Представители обеих групп были уравнены по

основным социально-демографическим показателям. Все испытуемые дали добровольное согласие на участие в исследовании.

В исследовании применялся адаптированный для русской популяции опросник временной перспективы личности Ф. Зимбардо — ZTP1 [11, 17], позволяющий оценить факторы: «Негативное прошлое», «Гедонистическое настоящее», «Будущее», «Позитивное прошлое», «Фаталистическое настоящее». Также участникам исследования был предложен адаптированный опросник тревожности Спилбергера—Ханина — STAI [18, 19], позволяющий оценить уровень ситуативной (СТ) и личностной (ЛТ) тревожности. Использование данного опросника было обусловлено задачей поиска связи между особенностями восприятия времени и тревожностью, которая является часто встречающимся симптомом при депрессиях в позднем возрасте, а также характерна для нормального старения [20].

Статистическая обработка данных проводилась с помощью следующих программ: STATISTICA 10 и Microsoft Office Excel 2007. В числе статистических процедур применялись описательная статистика, корреляционный анализ, *U*-тест Манна—Уитни, межгрупповой сравнительный анализ по критерию Краскела—Уоллиса, а также многофакторный дисперсионный анализ ANOVA.

Результаты исследования

По результатам анализа работы с опросником Зимбардо испытуемых *контрольной группы*, средний балл по фактору «Негативное прошлое» составил $3 \pm 0,6$, по фактору «Гедонистическое настоящее» — $3,3 \pm 0,4$, по фактору «Будущее» — $3,9 \pm 0,4$, по фактору «Позитивное прошлое» — $3,7 \pm 0,5$, по фактору «Фаталистическое настоящее» — $2,9 \pm 0,4$ балла (рис. 1). По результатам анализа работы с опросником Спилбергера—Ханина, для здоровых испытуемых был характерен средний уровень ситуативной (средний балл — 37,1) и высокий уровень личностной тревожности (средний балл — 46,4) (рис. 2).

В *клинической группе* по фактору «Негативное прошлое» опросника Зимбардо средний балл составил $3,3 \pm 0,5$; по фактору «Гедонистическое настоящее» — $3,1 \pm 0,4$; по фактору «Будущее» — $3,6 \pm 0,4$; по фактору «Позитивное прошлое» — $3,6 \pm 0,4$; по фактору «Фаталистическое настоящее» — $3,3 \pm 0,5$ балла (рис. 1). Больные поздними депрессиями продемонстрировали высокий уровень как ситуативной (средний балл — 46,9), так и личностной тревожности (средний балл — 51), по результатам выполнения опросника Спилбергера—Ханина (рис. 2).

По результатам *U*-теста Манна—Уитни, показатели клинической группы по факторам «Негативное прошлое» ($p < 0,05$) и «Фаталистическое настоящее» ($p < 0,01$) оказываются значительно выше, чем в контрольной группе, по фактору «Будущее» — ниже ($p < 0,01$) (рис. 1).

Как в контрольной, так и в клинической группе были выявлены связи показателей временной перспективы с тревожностью (табл. 1). Сложность заключений об особенностях связи между факторами депрессии, тревожности и временной перспективы побудила провести дополнительный анализ данных с применением многофакторного дисперсионного анализа ANOVA.

В контрольной группе уровень ситуативной тревожности был положительно связан с фактором «Негативное прошлое» опросника Зимбардо ($p < 0,05$).

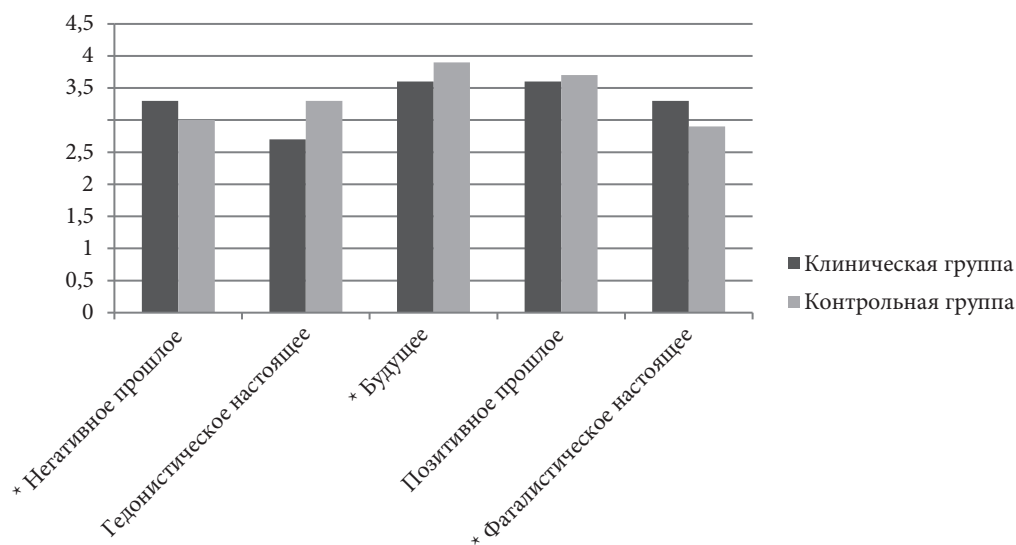

Рис. 1. Распределение показателей по факторам опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо в контрольной и клинической группах

Примечание: (100% — все испытуемые группы; * — значимые различия в показателях между группами на уровне значимости $p < 0,05$).

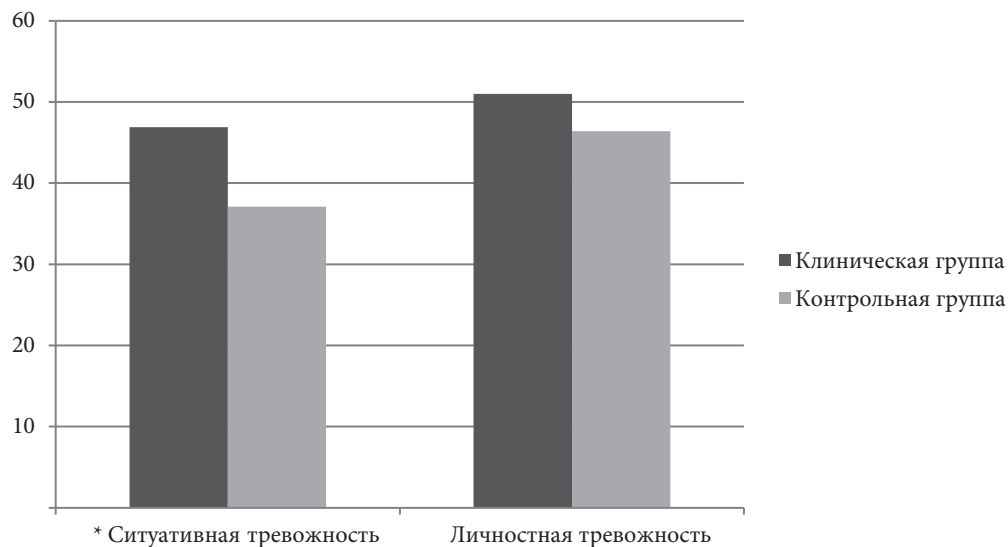

Рис. 2. Распределение средних значений в опроснике Спилбергера—Ханина в контрольной и клинической группах

Примечание: 100% — все испытуемые соответствующей группы; * — значимые различия в показателях между группами на уровне значимости $p < 0,05$.

Таблица 1. Корреляции между показателями по факторам опросника Зимбардо и уровнями ситуативной и личностной тревожности согласно опроснику Спилбергера—Ханина в контрольной и клинической группах

Группы	Корреляции	Коэффициент корреляции Спирмена (R)	Уровень значимости (p)
Контрольная	Уровень ситуативной тревожности & Фактор «Негативное прошлое»	0,012972	p < 0,05
Клиническая	Уровень ситуативной тревожности & Фактор «Негативное прошлое»	0,320381	p < 0,05
	Уровень ситуативной тревожности & Фактор «Гедонистическое настоящее»	0,387123	p < 0,05

В клинической группе уровень ситуативной тревожности был связан с различными факторами опросника Зимбардо. Среднее значение по фактору «Негативное прошлое» было положительно связано с уровнем ситуативной тревожности ($p < 0,05$), причем тревожность вносила больший вклад в повышение показателей по фактору «Негативное прошлое», чем факт депрессии ($p < 0,05$, согласно ANOVA) (табл. 2, 3). Результаты многофакторного анализа ANOVA показывают, что в повышение показателей по фактору «Гедонистическое настоящее» вносит вклад вза-

Таблица 2. Результаты многофакторного анализа ANOVA по фактору «Негативное прошлое» опросника Зимбардо и уровню ситуативной тревожности согласно опроснику Спилбергера—Ханина (значимые связи помечены жирным шрифтом)

Эффект	SS (сумма квадратов)	Степени свободы	MS (средний квадрат)	F-критерий Фишера	p-значение
Пересечение	324,4778	1	324,4778	1158,700	0,000000
Уровень СТ	2,2287	2	1,1144	3,979	0,023426
Диагноз	0,0013	1	0,0013	0,005	0,945972
Уровень СТ * Диагноз	0,9519	2	0,4759	1,700	0,190789
Ошибка	18,2023	65	0,2800	—	—

Таблица 3. Результаты многофакторного анализа ANOVA по фактору «Негативное прошлое» опросника Зимбардо и уровню личностной тревожности согласно опроснику Спилбергера—Ханина (значимые связи помечены жирным шрифтом)

Эффект	SS (сумма квадратов)	Степени свободы	MS (средний квадрат)	F-критерий Фишера	p-значение
Пересечение	523,7033	1	523,7033	1737,987	0,000000
Уровень ЛТ	1,2409	1	1,2409	4,118	0,046403
Диагноз	0,6980	1	0,6980	2,316	0,132731
Уровень ЛТ * Диагноз	0,1866	1	0,1866	0,619	0,434143
Ошибка	20,1889	67	0,3013	—	—

имодействие между депрессией и высокой ситуативной тревожностью ($p < 0,05$) (табл. 4), в низкие значения по «Позитивному прошлому» — взаимодействие между депрессией и высокой личностной тревожностью ($p < 0,05$) (табл. 5). Факторы «Фаталистическое настоящее» и «Будущее» были связаны с наличием депрессии ($p < 0,05$) (табл. 6, 7).

Таблица 4. Результаты многофакторного анализа ANOVA по фактору «Гедонистическое настоящее» опросника Зимбардо и уровню ситуативной тревожности согласно опроснику Спилбергера—Ханина (значимые связи помечены жирным шрифтом)

Эффект	SS (сумма квадратов)	Степени свободы	MS (средний квадрат)	F-критерий Фишера	p-значение
Пересечение	330,0923	1	330,0923	2351,933	0,000000
Уровень СТ	0,0177	2	0,0088	0,063	0,939101
Диагноз	0,1426	1	0,1426	1,016	0,317157
Уровень СТ * Диагноз	0,9291	2	0,4646	3,310	0,042759
Ошибка	9,1227	65	0,1403	—	—

Таблица 5. Результаты многофакторного анализа ANOVA по фактору «Позитивное прошлое» опросника Зимбардо и уровню личностной тревожности согласно опроснику Спилбергера—Ханина (значимые связи помечены жирным шрифтом)

Эффект	SS (сумма квадратов)	Степени свободы	MS (средний квадрат)	F-критерий Фишера	p-значение
Эффект	SS	Степени свободы	MS	F	p
Пересечение	735,8966	1	735,8966	3759,599	0,000000
Уровень ЛТ	0,0001	1	0,0001	0,001	0,980684
Диагноз	0,0041	1	0,0041	0,021	0,884790
Уровень ЛТ * Диагноз	1,0355	1	1,0355	5,290	0,024565
Ошибка	13,1144	67	0,1957	—	—

Таблица 6. Результаты многофакторного анализа ANOVA по фактору «Фаталистическое настоящее» опросника Зимбардо и уровню личностной тревожности согласно опроснику Спилбергера—Ханина (значимые связи помечены жирным шрифтом)

Эффект	SS (сумма квадратов)	Степени свободы	MS (средний квадрат)	F-критерий Фишера	p-значение
Эффект	SS	Степени свободы	MS	F	p
Пересечение	500,3703	1	500,3703	1506,362	0,000000
Диагноз	2,3126	1	2,3126	6,962	0,010344
Уровень ЛТ	0,3533	1	0,3533	1,064	0,306069
Уровень ЛТ * Диагноз	0,0899	1	0,0899	0,271	0,604693
Ошибка	22,2555	67	0,3322	—	—

Таблица 7. Результаты многофакторного анализа ANOVA по фактору «Будущее» опросника Зимбардо и уровню ситуативной тревожности согласно опроснику Спилбергера—Ханина (значимые связи помечены жирным шрифтом)

Эффект	SS (сумма квадратов)	Степени свободы	MS (средний квадрат)	F-критерий Фишера	p-значение
Эффект	SS	Степени свободы	MS	F	p
Пересечение	777,9549	1	777,9549	5397,857	0,000000
Диагноз	0,8632	1	0,8632	5,990	0,017018
Уровень СТ	0,1161	1	0,1161	0,806	0,372560
Уровень СТ * Диагноз	0,1293	1	0,1293	0,897	0,346962
Ошибка	9,6562	67	0,1441	—	—

Обсуждение результатов исследования

Для здоровых испытуемых были характерны низкий уровень негативных эмоций, связанных с периодами прошлого и настоящего, принятие своего прошлого и концентрация на его позитивных моментах, стремление управлять настоящим, получать удовольствие от актуального момента, а также высокий уровень ориентации в будущее. Данный профиль несколько отличается от профиля сбалансированной временной перспективы [11, 21], ассоциирующегося с психическим и социальным благополучием и удовлетворенностью жизнью [21]: выраженность позитивных аспектов прошлого и настоящего у здоровых испытуемых позднего возраста выражены слабее, что может говорить о некотором снижении с возрастом индекса «положительной эмоциональности» [6]. Обращает на себя внимание высокая ориентация в будущее в контрольной группе: вопреки представлению о формировании в пожилом возрасте так называемого сдвига в прошлое [6], в нашем исследовании был обнаружен определенный «сдвиг в будущее» [22]. Вероятно, это проявление психологического витайкта [5, 6]. Также нельзя исключить влияние на общий показатель результатов испытуемых в возрасте от 50 до 60 лет — «поколения руководителей» [23], — активно работающих, ориентированных в будущее, настроенных на выполнение целей и планов [13].

Результаты клинической группы подтверждают предположение о том, что выраженной у больных депрессией оказывается тенденция к пессимистическому отношению к прошлому, а также к фаталистическому отношению к настоящему [13]. При депрессиях позднего возраста изменяются и другие аспекты временной перспективы: снижается способность к получению удовольствия от текущего момента, к концентрации на позитивных аспектах будущего. Таким образом, некоторые особенности, свойственные профилю временной перспективы в позднем возрасте, «заостряются» при поздних депрессиях: снижается выраженность позитивных эмоций и возрастает роль негативных в формировании временной перспективы. В отличие от здоровых испытуемых, у больных депрессиями не отмечается «сдвига в будущее»: вероятно, доминантными оказываются негативные установки пациента по отношению к будущему: оно перестает восприниматься с точки зрения

личностной активности, внутренний фокус перемещается на события прошлого [24].

Оказалось, что снижение направленности в будущее и возрастание фаталистических тенденций в переживании настоящего в позднем возрасте связано именно с наличием депрессии. При этом тенденция к пессимистическому отношению к прошлому, игнорирование его позитивных аспектов как у здоровых испытуемых, так и у больных депрессией были связаны с повышением ситуативной тревожности. По данным Г. П. Шустровой, большая длительность депрессии в позднем возрасте негативно отражается на субъективной картине настоящего и будущего, не затрагивая восприятия прошлого [25]. По-видимому, именно высокая тревожность связана с тенденцией интерпретировать события прошлого в негативном ключе, которые в целом являются, напротив, наиболее проработанным аспектом временной перспективы людей позднего возраста. Это может быть связано, в частности, с неустойчивостью самооценки в позднем возрасте [26], «подборе» определенных фактов из прошлого при ее колебаниях в негативную сторону. Снижение способности к получению удовольствия от текущего момента было характерно для больных депрессией с высоким уровнем личностной тревожности. Таким образом, для поздней депрессии наиболее типичным является неверие в собственные силы что-то изменить в настоящем, приписывание ответственности за свои проблемы «злому року», нежелание строить планы в связи с неясностью будущего. Именно это снижение «побудительной силы мотива», абулические и ангедонические тенденции характеризуют больных поздней депрессией.

Выводы

Результаты исследования подтвердили первую гипотезу: при поздних депрессиях настоящее не ассоциировалось с возможностью получения удовольствия, позитивных эмоций, а ориентация на будущее была низкой. Вопреки выдвинутому нами предположению, у здоровых участников исследования ориентация на будущее оказалась высокой. Последняя гипотеза подтвердилась: депрессия в сочетании с высокими уровнями ситуативной и личностной тревожности была в большей степени связана с особенностями временной перспективы, чем тревожность у здоровых испытуемых.

Таким образом, особенности временной перспективы при нормальном старении во многом отражают ее сбалансированный характер, превалирование позитивных аспектов над негативными. Возрастание последних часто оказывается связанным с повышением ситуативной тревожности, что говорит об их динамичности и «податливости» психотерапевтическому воздействию. В качестве «компенсаторных» механизмов в формировании временной перспективы можно отметить «сдвиг в будущее», тенденцию к планированию и постановке жизненных целей, активную жизненную позицию в настоящем, принятие на себя ответственности за происходящее в собственной жизни. Показатели данных аспектов временной перспективы, в наибольшей степени подверженных изменениям при поздней депрессии, отражают действие психологического витеакта, механизмов «позитивного старения» [27].

«Депрессивный» профиль временной перспективы характеризуется амбивалентным отношением к прошлому, ощущением бессилия в организации собственной жизни, низкой направленностью в будущее. Отмечается «заострение» некоторых тенденций, свойственных здоровым испытуемым (снижение индекса «положительной эмоциональности»), также связанное с ситуативной тревожностью. Для больных депрессией остаются открытыми ресурсы прошлого для конструирования желательного образа «Я», возможность получения положительных эмоций в настоящем — те аспекты временной перспективы, которые оказались связаны с тревожностью и, соответственно, в большей степени доступны изменениям. Данные результаты исследования проясняют возможности психотерапевтической работы, которая должна быть направлена на повышение возможностей использования прошлого опыта и получения положительных эмоций и впечатлений в настоящем для конструирования более сбалансированной временной перспективы и преодоления некоторых проявлений депрессии. Было обнаружено, что при тревожных расстройствах больные в основном применяют стратегии совладания со стрессом, ориентированные на текущий момент; они оказываются неэффективными с точки зрения эмоционального благополучия в широкой перспективе [28]. Таким образом, преодоление ситуативной тревожности, в особенности связанной с переживанием настоящего момента, совместный с пациентом анализ связей между событиями прошлого, настоящего и будущего, проработка стратегий совладания со стрессом, ориентированных на будущее исходя из опыта прошлого, могут оказать позитивное воздействие на повышение эффективности копинг-ресурсов у больных поздними депрессиями. Согласно результатам нашего исследования, преимущественная связь депрессии с фаталистическим восприятием настоящего и низкой направленностью в будущее и отсутствие такой выраженной связи с негативными аспектами образа прошлого предполагают важность обращения к переживаниям о событиях личного прошлого, их интерпретации с точки зрения возможных ресурсов для преодоления текущих трудностей, построения образа желаемого будущего исходя из достижений и поражений в прошлом. Такая работа по установлению связи между разными временными планами призвана создать условия для формирования целостной, сбалансированной временной перспективы и, как следствие, иерархизации мотивационной структуры, возрастания роли произвольной регуляции как проспективного ядра личности [15, 29].

Литература

1. World Population Prospects: The 2012 Revision. New York: United Nations, 2013. 118 p.
2. Фролькис В. В. Старение и увеличение продолжительности жизни. Л.: Наука, 1988. 239 с.
3. Coleman P. D., Flood D. G. Neuron numbers and dendritic extent in normal aging and Alzheimer's disease // *Neurobiology of aging*. 1987. Vol. 8, N 6. P. 521–545.
4. Корсакова Н. К., Рощина И. Ф. Нейропсихологический подход к исследованию нормального и патологического старения // *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*. 2009. № 3–4. URL: <http://nnp.ima-press.net> (дата обращения: 18.05.2014).
5. Фролькис В. В. Геронтология на рубеже веков // *Наука и жизнь*. 1998. № 11. С. 18–23.
6. Молчанова О. Н. Специфика Я-концепции в позднем возрасте и проблема психологического витоакта // *Мир психологии*. 1999. № 2. С. 133–141.
7. Краснова О. В., Лидерс А. Г. Социальная психология старения. М.: Академия, 2002. 288 с.

8. Лидерс А. Г. Кризис пожилого возраста: гипотеза о его психологическом содержании // Психология старости и старения: Хрестоматия / сост. О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. М.: Академия, 2003. С. 131–135.
9. Ряховский В. В. Ближайшие исходы депрессии у лиц в инволюционном и позднем возрасте: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2011. 24 с.
10. Максимова С. Г. Социально-ценностные аспекты восприятия старости // Известия АГУ. 2001. № 2. С. 28–33.
11. *Zimbardo P. G., Boyd J. N.* Putting time in perspective: a valid, reliable individual-difference metric // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 77, N 6. P. 1271–1288.
12. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. М.: Смысл, 2008. 267 с.
13. Сырцова А. Возрастная динамика временной перспективы личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 24 с.
14. Соколова Е. Т., Николаева В. В. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М.: SvR-Аргус, 1995. 352 с.
15. Грюнталь Н. А. Нарушение регуляторной функции самосознания у больных опийной наркоманией: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 2002. 36 с.
16. Григорьева И. А., Видясова Л. А., Дмитриева А. В., Сергеева О. В. Пожилые в современной России: между занятостью, образованием и здоровьем. М.: Алетей, 2016. 336 с.
17. Сырцова А. Психологическое время: апробация методики Зимбардо по временной перспективе // *Вестн. Моск. ун-та. Серия «Психология»*. 2005 (а). № 1. С. 97–99.
18. Ханин Ю. Л. Краткое руководство по применению шкалы самооценки Ч. Д. Спилбергера. Л.: ЛНИИФК, 1976. 40 с.
19. *Spielberger C. D.* Current trends in theory and research on anxiety // *Anxiety: Current trends in theory and research* / ed. by C. D. Spielberger. New York: Academic Press, 1972. Vol. 1. P. 3–19.
20. Концевой В. А. Депрессии позднего возраста: Руководство по психиатрии / под ред. А. С. Тиганова. М.: Медицина, 1999. С. 668–673.
21. *Boniwell I., Osin E., Linley P. A., Ivanchenko G. V.* A question of balance: Time perspective and well-being in British and Russian samples // *The Journal of Positive Psychology*. 2010. Vol. 5, N 1. P. 24–40.
22. Балашова Е. Ю., Микеладзе Л. И. Возрастные различия в восприятии и переживании времени // *Психологические исследования*. 2013. Т. 6, № 30. С. 9–9. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/854-balashova30.html> (дата обращения: 18.09.2015).
23. *Neugarten B. L.* The Meanings of Age: selected papers of Bernice L. Neugarten. Chicago: The University of Chicago Press, 1996. 448 p.
24. *Ratcliffe M.* Temporal Experience in Depression // *Journal of Medicine and Philosophy*. 2012. Vol. 37, N 2. P. 114–138.
25. Шустрова Г. П. Психосемантический подход в диагностике личности и оценке динамики лечения больных с депрессивными расстройствами в пожилом возрасте: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. 207 с.
26. Бороздина Л. В., Молчанова О. Н. Самооценка в старости // Самооценка в разных возрастных группах: от подростков до престарелых. М.: Проект-Ф, 2001. С. 114–119; 140–145.
27. Ильин Е. П. Психология взрослости. СПб.: Питер, 2012. 469 с.
28. *Aström E., Wiberg B., Sircova A., Wiberg M., Carelli M. G.* Insights into features of anxiety through multiple aspects of psychological time // *Journal of Integrative Psychology and Therapeutics*. 2014. Vol. 2, N 3. P. 2–7.
29. Блохин К. Н. Нарушения переживания времени у больных опийной наркоманией: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 24 с.

Для цитирования: Микеладзе Л. И. Временная перспектива при нормальном и патологическом старении: теория витаукта // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика*. 2016. Вып. 3. С. 178–190. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.316

References

1. *World Population Prospects: The 2012 Revision*. New York, United Nations, 2013. 118 p.
2. Frolik's V. V. *Starenie i uvelichenie prodolzhitel'nosti zhizni* [Aging and the increase in life duration]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 239 p. (In Russian)
3. Coleman P. D., Flood D. G. Neuron numbers and dendritic extent in normal aging and Alzheimer's disease. *Neurobiology of aging*, 1987, vol. 8, no. 6, pp. 521–545. (In Russian)

4. Korsakova N.K., Roshchina I.F. Neiropsikhologicheskii podkhod k issledovaniyu normal'nogo i patologicheskogo stareniiia [Neuropsychological approach to investigation of normal and pathological aging]. *Nevrologiia, neiropsikhiatriia, psikhosomatika* [Neurology, neuropsychiatry, psychosomatics]. 2009, no. 3–4. Available at: <http://nnp.ima-press.net> (accessed 18.05.2014). (In Russian)
5. Frolikis V.V. Gerontologiya na rubezhe vekov [Gerontology on the edge of centuries]. *Nauka i zhizn'* [Science and life], 1998, no. 11, pp. 18–23. (In Russian)
6. Molchanova O.N. Spetsifika Ia-kontseptsii v pozdnem vozraste i problema psikhologicheskogo vitaukta [Specificity of Self-concept in old age and the problem of psychological vitaukt]. *Mir psikhologii* [World of psychology], 1999, no. 2, pp. 133–141. (In Russian)
7. Krasnova O.V., Lidere A.G. *Sotsial'naia psikhologiya stareniiia* [Social psychology of aging]. Moscow, Academia Publ., 2002. 288 p. (In Russian)
8. Lidere A.G. Krizis pozhilogo vozrasta: gipoteza o ego psikhologicheskom sodержanii [Old age crisis: hypothesis of its psychological matter]. *Psikhologiya starosti i stareniiia: Khrestomatiia* [Psychology of old age and aging: Reader]. Form. O.V.Krasnova, A.G.Lidere. Moscow, Academia Publ., 2003, pp. 131–135. (In Russian)
9. Riakhovskii V.V. *Blizhaishie iskhody depressii u lits v involutsionnom i pozdnem vozraste*. Authoref. diss. kand. med. nauk [The proximal outcomes of depression in the age of involution and old age. Thesis of PhD]. Moscow, 2011. 24 p. (In Russian)
10. Maksimova S.G. Sotsial'no-tsennostnye aspekty vospriiatiia starosti [Social axiological aspects of the perception of old age]. *Izvestiia AGU* [News of ASU], 2001, no. 2, pp. 28–33. (In Russian)
11. Zimbardo P.G., Boyd J.N. Putting time in perspective: a valid, reliable individual-difference metric. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999, vol. 77, no. 6. pp. 1271–1288.
12. Golovakha E.I., Kronik A.A. *Psikhologicheskoe vremia lichnosti* [Psychological time of a personality]. Moscow, Sense Publ., 2008. 267 p. (In Russian)
13. Syrtsova A. *Vozrastnaia dinamika vremennoi perspektivy lichnosti*. Authoref. diss. kand. psikholog. nauk [Age dynamics of time perspective of a personality. Thesis of PhD]. Moscow, 2008. 24 p. (In Russian)
14. Sokolova E.T., Nikolaeva V.V. *Osobennosti lichnosti pri pograniichnykh rasstroistvakh i somaticheskikh zabolevaniiax* [Characteristics of a personality in borderline disorders and somatic diseases]. Moscow, SvR-Argus Publ., 1995. 352 p. (In Russian)
15. Griuntal' N.A. *Narusenie reguliatornoi funktsii samosoznaniia u bol'nykh opiinoi narkomaniei*. Authoref. diss. kand. psikholog. nauk [Disorder of a regulatory function of self-consciousness in patients with theabid drug addiction. Thesis of PhD]. Moscow, MSU Publ., 2002. 36 p. (In Russian)
16. Grigor'eva I.A., Vidiasova L.A., Dmitrieva A.V., Sergeeva O.V. *Pozhilye v sovremennoi Rossii: mezhdu zaniatost'iu, obrazovaniem i zdorov'em* [The elderly in modern Russia: among employment, education and health]. Moscow, Aleteya Publ., 2016. 336 p. (In Russian)
17. Syrtsova A. Psikhologicheskoe vremia: aprobatsiia metodiki Zimbardo po vremennoi perspektive [Psychological time: adaptation of the Zimbardo time perspective inventory]. *Vestn. Mosk. un-ta. Seriia «Psikhologiya»* [Moscow University Bulletin. Section "Psychology"], 2005(a), no. 1, pp. 97–99. (In Russian)
18. Khanin Iu.L. *Kratkoe rukovodstvo po primeneniiu shkaly samoootsenki Ch. D. Spielbergera* [Short guide in the use of a self-esteem scale of Ch. D. Spielberger]. Leningrad, LNIIFK Publ., 1976. 40 p. (In Russian)
19. Spielberger C.D. Current trends in theory and research on anxiety. *Anxiety: Current trends in theory and research*. Ed. by C. D. Spielberger. New York, Academic Press, 1972, vol. 1, pp. 3–19.
20. Kontsevoi V.A. *Depressii pozdnego vozrasta: Rukovodstvo po psikhiatrii* [Late life depressions: Guide in psychiatry]. Ed. by A.S.Tiganov. Moscow, Medicine, 1999, pp. 668–673. (In Russian)
21. Boniwell I., Osin E., Linley P.A., Ivanchenko G.V. A question of balance: Time perspective and well-being in British and Russian samples. *The Journal of Positive Psychology*, 2010, vol. 5, no. 1, pp. 24–40.
22. Balashova E.Iu., Mikeladze L.I. Vozrastnye razlichii v vospriiati i perezhivanii vremeni [Age differences in the perception and experience of time]. *Psikhologicheskie issledovaniia* [Psychological studies], 2013, vol. 6, no. 30, pp. 9–9. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/854-balashova30.html> (access date: 18.09.2015) (In Russian)
23. Neugarten B.L. *The Meanings of Age: selected papers of Bernice L. Neugarten*. Chicago, The University of Chicago Press, 1996. 448 p.
24. Ratcliffe M. Temporal Experience in Depression. *Journal of Medicine and Philosophy*, 2012, vol. 37, no. 2, pp. 114–138.
25. Shustrova G.P. *Psikhosemanticheskii podkhod v diagnostike lichnosti i otsenke dinamiki lecheniia bol'nykh s depressivnymi rasstroistvami v pozhilom vozraste*. Diss. kand. psikholog. nauk [Psychosemantic approach in the diagnostics of personality and estimation of the dynamics of treatment of patients with depressive disorders in old age. Thesis of PhD]. St. Petersburg, 2006. 207 p. (In Russian)

26. Borozdina L. V., Molchanova O. N. Samoootsenka v starosti [Self-esteem in old age]. *Samoootsenka v raznykh vozrastnykh gruppakh: ot podrostkov do prestarelykh* [Self-esteem in different age groups: from teenagers to aged people]. Moscow, Project-F Publ., 2001, pp. 114–119; 140–145. (In Russian)

27. Il'in E. P. *Psikhologiya vzroslosti* [Psychology of maturity]. St. Petersburg, Piter Publ., 2012. 469 p. (In Russian)

28. Aström E., Wiberg B., Sircova A., Wiberg M., Carelli M. G. Insights into features of anxiety through multiple aspects of psychological time]. *Journal of Integrative Psychology and Therapeutics*, 2014, vol. 2, no. 3, pp. 2–7.

29. Blokhin K. N. *Narusheniia perezhivaniia vremeni u bol'nykh opiinoi narkomaniei*. Authoref. diss. kand. psikhol. nauk [Time experience disorders in patients with opium drug addiction. Thesis of PhD]. Moscow, 2006. 24 p. (In Russian)

For citation: Mikeladze L. I. Time perspective in normal and pathological aging: the vitautc theory. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, 2016, issue 3, pp. 178–190. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.316

Статья поступила в редакцию 27 апреля 2016 г.